

*Б*ЕРЕМЕНА ОТ
БАНДИТА

ДАНА СТАР И АЙРИН ЛАКС

**Дана Стар
Айрин Лакс
Беременна от бандита**

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488041

Аннотация

Сестру сбила машина, а любимого парня держат в плену. Меня шантажируют и вынуждают втереться в доверие к Леону Моретти, безжалостному криминальному авторитету. Я отдала себя монстру, чтобы спасти своих близких. Но ему мало владеть моим телом. Ему нужен наследник...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	30
Глава 2	41
Глава 3	53
Глава 4	68
Глава 5	78
Глава 6	87
Глава 7	101
Глава 8	112
Глава 9	130
Глава 10	142
Глава 11	160
Глава 12	171
Глава 13	179
Глава 14	199
Глава 15	209
Глава 16	223
Глава 17	244

Дана Стар, Айрин Лакс Беременна от бандита

Пролог

– Куда? – рыкает охранник, вставая передо мной. Второй лениво сдвигается на шаг, заграждая собой проход к двери.

– Я к Леону.

Стараюсь говорить так, чтобы голос не дрожал. Я должна быть сильной и выглядеть соблазнительно. Так, чтобы меня хотелось трахнуть, а не пожалеть.

– Босс занят. Не принимает. Проваливай.

Охранник переводит скучающий взгляд мне за спину.

– Доложи Леону, что я пришла.

– Пришла кто? – охранник едва ли не сплёвывает презрительно. – Ты же горничная? Так обслуживание номеров не заказывали. Ну, а если ты решила подработать в качестве шлюхи, то Леон тебя не примет. У него элитные девки имеются...

– Не тебе решать, примет меня Леон или нет. Скажи ему, что я пришла! – чеканю, глядя в глаза наглому мордовороту. – Если Леон узнает, что я приходила, а ты даже не доложил ему, тебе не поздоровится.

– Да кто ты вообще такая?

– Марат! – негромко зовёт его второй охранник. – Делай, что она говорит. Я слышал, что босс к её заднице примерялся.

– Хорошо, – нехотя говорит охранник. – Как доложить ему о тебе?

– Просто передай ему это!

Я вкладываю в ладонь охранника крохотный картонный пакет. В нём лежат мои трусики. Клубничные, так сказал Леон, когда увидел меня в них. Уверена, он сразу поймёт, кто стоит за дверью. Пока первый охранник скрывается за дверью роскошных апартаментов, второй неторопливо оглядывает меня.

– Слыхал, твой Серый свалил куда-то? – спрашивает он.

– Да.

– Куда?

– Тебе зачем знать?

– Ну так... – охранник скользит липким взглядом по моей фигуре. – Леон одну и ту же девку долго не трахает. Отъездит своё. Кидаю своё предложение. Подумай... У меня ранг высокий. Баблишко имеется. Острова, шмотки, цацки... Всё, как вы любите.

Я стараюсь не дрожать. Но это тяжело. На мне короткая форма горничной, ажурные чулки и туфли на убийственно высоком каблуке. Никакого белья. Дверь номера распахивается. Марат выходит и кивает хмуро в сторону номера.

– Проходи! Леон ждёт.

Я делаю шаг вперёд. Дверь захлопывается за моей спиной так громко, что мурашки бегут по коже.

– Какие люди... – слышится низкий гортанный голос с хриплым смехом.

В номере полумрак. Включены только бра у кровати. Но их света вполне хватает, чтобы разглядеть его. Леона Моретти, хозяина сети роскошных отелей и клубов. Хозяина жизни. Сексуального дьявола. Бога секса и похоти во плоти.

Он лежит на кровати в расслабленной позе сытого хищника. Шёлковый чёрный халат распахнут. На Леоне только белоснежные боксеры, обтягивающие его член. Он даже в спокойном состоянии внушает опасения. Я должна буду его... брать. Сосать. Давать ему себя трахнуть. Использовать. Всё, что угодно. Всё ради него, моего любимого, которого держат в плену. Ему грозит смерть, если я не смогу втереться в доверие к Леону. Конкуренты Моретти хотят сделать из меня шпионку. И у меня нет выбора. Я слишком сильно люблю Сергея. Мы планировали пожениться, даже выбрали свадебные кольца...

– Ну? – рычит Леон.

Я вздрагиваю едва заметно. Отмахиваюсь от неуместных мыслей о Сергее. Лучше просто не думать о нём сейчас, иначе я буду считать себя простой шлюшкой и изменщицей.

– Зачем пришла, Клубничка?

В голосе Леона заметно слышен итальянский акцент. Я снова перевожу взгляд на него и не могу оторваться от со-

зерцания его мощного, спортивного тела. У него рельефная грудь. Каменный пресс с множеством кубиков. Прокачанные косые мышцы живота. Боксеры сидят низко. Я вижу порочную дорожку тёмных волос, ведущих к его члену.

Леон подносит ко рту бокал с виски. Янтарная жидкость плещется, в ней постукивают кубики льда. Глоток. Он ставит бокал в сторону. А я замороженно гляжу на его пухлые, решительные губы. Жёсткую линию подбородка и высокомерную посадку голову. Его чёрные, как смоль, волосы, ещё влажные после душа. От них стекают капельки воды. По шее, через грудь. На пресс. Боги, он совершенен. Зверь. Машина. Секс-тренажёр какой-то.

Леон медленно облизывает губы кончиком языка. Прищуривается. Я знаю, какие страшные и завораживающие у него глаза. Чёрные, как уголь. Но с золотистыми вспышками по всей радужке.

– Я передумала.

– О чём? Ну же, работай язычком или проваливай. Мне становится неинтересно!

Леон тянется к телефону и смотрит на экран. Неужели всё кончено? Вот так, не успев начаться? Я решительно завожу руку за спину и расстёгиваю молнию на платье. Лёгкое жужжание. Спускаю платье вниз и переступаю через него. Теперь на мне только туфли и чулки. Больше ничего.

– Неплохая заявочка.

Всё-таки Леон смотрит на меня. Усмехается. Пялится

прямо на меня. Упругая, высокая грудь наливается тяжестью, а соски вытягиваются вперёд. Взгляд Леона скользит к тонкой талии и впалому животу. Кожа начинает дрожать. А когда его взгляд нахально упирается в мой лобок, я чувствую лёгкую вибрацию в самом низу живота.

– Хочешь трахаться? Ты же знаешь, что я не буду с тобой нежен, Клубничка?

– Знаю, – прикрываю глаза. – Я согласна. Я... хочу.

– Хочешь что?

– Возьми меня, Леон! – я распахиваю глаза и смотрю прямо ему в лицо. Не моргая. Поднимаю руки и обхватываю пальцами тугие соски. Терещу их, потом спускаюсь ладонями ниже, по животу и едва заметно провожу указательным пальцем по складочкам. – Хочу, чтобы ты трахал меня...

– Да неужели? – грязно усмехается. Но я вижу, как оживает его член. Наливается свинцовой тяжестью. Его стояк становится громадным за считанные секунды и грозит порвать трусы.

– Да. Я готова быть твоей.

– Моей? Ты себя переоцениваешь, Клубничка. Выдрать тебя этой ночью – максимум, на который ты можешь рассчитывать.

– Хорошо, – опускаю глаза в пол. Лицо начинает полыхать.

– В чём подвох? – раздаётся его ядовитый шёпот возле самого уха.

Как он может так быстро передвигаться? Как ягуар. Огромный, сильный, но полный свирепой грации хищник.

– Н-н-н-нет никакого подвоха! А-а-ах!

Леон толкает меня к стене. Прижимает всем телом. Его бёдра пошло толкаются на меня. Толстый член чувствуется на всю длину. Леон уже возбуждён. Очень сильно. Я заставляю себя посмотреть в его глаза. Я будто смотрю в темноту ночи. Только золотые точки остро блестят, как звёзды.

– Где твой парень? Верность которому ты хранила?

Леон хватает меня за промежность. Протискивает ладонь жёстким тараном. Я расслабляю бёдра. Позволяю ему трогать и мять складочки, ноющие под его сильными пальцами. Они у него длинные и даже немного царапают мою нежную плоть.

– А-а-ах... – выдыхаю, когда он нащупывает пальцем моё слабое место. Безошибочно и точно он задевает мой клитор. Растирает по кругу. Пускает позорную и сладострастную дрожь.

– Как быстро ты заводишься, Клубничка... Так что с твоим парнем?

– Сергей бросил меня. Но ты это и сам знаа-а-а-ешь...

Я опираюсь на стену спиной. Иначе бы сползла по ней. Адреналин, напряжение, выпитые пару бокалов вина для храбрости сделали своё дело. Сейчас во мне почти не остаётся сил. А его пальцы такие умелые и властные... Я должна хорошо играть. Быть его послушной, игрушкой в постели. Его

девочкой для траха. Всегда мокрой и готовой принять его член.

– Знаю! – рычит он, прижимаясь мощной грудью к моей.

Моя грудь расплывается от давления. Соски реагируют на трение приятным покалыванием. Я прикрываю глаза, мыча от удовольствия. Потому что Леон терзает мою промежность умело и со вкусом. Его горячее дыхание обжигает моё лицо.

– Смотри мне в глаза, дрянь! Смотри!

Леон обхватывает мой подбородок. Жёстко и цепко. У него сильный захват. Как капкан. Того и гляди, перекусит. Большой палец Леона ложится на мои губы. Я распахиваю глаза и подаюсь немного вперёд. Я втягиваю его палец и начинаю сосать. Сначала медленно смачиваю слюной, потом беру его дальше и дальше. С отяжкой. Выпускаю. Снова беру его в рот. Сосу... Сосу, как будто леденец на палочке.

– Сергея нет в городе. У него проблемы... С семьёй... – я выпускаю его палец, говорю пару слов и снова сосу. Задаю ритм. Подстраиваюсь под порочные движения. Которыми он терзает мой клитор. – И ему сейчас не до меня. Ему нет никакого дела до моих проблем. Потому что слишком много своих. Он... передумал на мне жениться. Я ему не нужна... – прикрываю глаза, заставляю себя всхлипнуть. – Не нужнаа-а-а-а. А-а-а-ах!

Я резко вскрикиваю и бьюсь затылком об стену. Потому что Леон на моём последнем слове резко вколачивает в моё

лоно сразу два пальца. Мне немного некомфортно от такого быстрого тарана. Но стенки промежности уже влажные и с готовностью обхватывают мужские пальцы в тиски.

– Ты. Мне. Не. Врёшь?

И с каждым словом – толчок. Безумный. Быстрый. Грязная долбёжка. Сумасшедшая. Властная. Ей хочется покориться. Я... ещё никогда не была такой мокрой от другого, чужого мужчины. Мою киску ещё ни разу не имели пальцами так, словно там побывал член.

– Не вру... Не вру... Не вру! – кричу и хватаюсь за его плечи. Под моими пальцами – калёное железо с чернилами татуировок. Я держусь за него, чтобы не упасть. Я стону и хриплю. Бьюсь над его пальцами. Двигаю бёдрами призывно и пошло. Я хочу, чтобы меня смыло ощущениями, чтобы легче было сделать ещё один шаг в пропасть. Но больше всего я хочу кончить. Леон распалил меня за пару минут. Едва не отжарил так, что между грудью скользят капельки пота.

– Хорошо.

Леон убирает свои пальцы. Я почти кричу от разочарования.

– Хочешь кончить?

– Очень хочу! – шепчу и сама тянусь к резинке его боксеров.

Он шлёпает меня по руке.

– Хочешь мой член? Сначала заслужи его!

Леон отходит и садится на кровать. Проводит широкой

ладонью по ткани боксеров, вздыбленной его мощной эрекцией.

– Устрой мне представление, Клубничка. Сначала я должен увидеть, как ты кончаешь. Потом... – ухмыляется. – Я пойму, интересно ли мне то, что ты предлагаешь!

До меня не сразу доходит смысл его слов. Леон хлопает по шелковому покрывалу ладонью, приглашая. Я делаю несколько несмелых шагов. Немного покачиваюсь на высоких каблуках. Возбуждение играет в голове и туманит разум. Для меня по-прежнему остаётся шоком и загадкой тот факт, почему я возбудилась? Если не люблю. Если боюсь этого черноглазого монстра как самого дьявола? Дело в алкоголе? Дело в желании спасти свою любовь? Или... проклятый бес так сильно на меня влияет? Будто гипнотизирует. Будто у него дар, как у лукавого. Брать своё. Порочить души. Подчинять. И выпивать их досуха.

– Что мне сделать, Леон? – я застываю возле кровати каменным изваянием.

– Хочу посмотреть фильм для взрослых. С твоим участием, – он кивает головой на кровать, указывая мне на место, которое мне следует занять. – Включай фантазию на полную катушку, Клубничка. Место возле моего члена нужно заслужить... Ты интересна мне до тех пор, пока у меня на тебя стоит! Начинай.

Боже. Я просто не знаю, что мне делать! Как ублажить его? Леон опытен. В его постели побывало большое количество

опытных, элитных проституток. Самых лучших. С золотой пробой, не меньше. У Леона есть жена – эффектная, жгучая брюнетка Фелиция. Уверена, она тоже на многое способна в постели.

А кто я? Простушка. С аппетитной, круглой попкой и упругими сиськами. Светлые волосы и большие глаза цвета аквамарина. Пухлые губы и родинка на шее. Больше ничего. У меня было мало мужчин. Всего двое. С первым я лишилась девственности на выпускном. Да, банально неаккуратно и немного мерзко. Я не испытала оргазм. Вторым стал Сергей. И на этом мой сексуальный опыт заканчивается. Смогу ли я прельстить Леона?

Я, чуть краснея, поглядываю на его член, чтобы убедиться – он ещё хочет меня. Потом несмело ложусь на кровать. У ног Леона. Я не снимаю туфли. Действую по наитию.

Теперь мы лежим, словно раскинутые звёзды. Кончики моих туфель почти касаются ног Леона. Я начинаю трогать свою грудь одной рукой. Второй глажу свой живот. Потом медленно сгибаю ноги в коленях. Я играю с собой. Прикрываю глаза, представляя, что Леона рядом нет. Я просто одна в постели, играю со своей грудью. Щипаю затвердевшие соски и постанываю. Трогаю низ живота. Осторожно крадусь до складочек. Они ещё набухшие от желания.

Дыхание Леона учащается. Становится шумным и горячим. Но я не даю ему смотреть. Пока не даю. Я медленно сгибаю ноги в коленях. Потом развожу бёдра в стороны со-

всем немного, чтобы заинтересовать его. Мой палец уже всю шалит над клитором.

– Давай... Ещё... Продолжай. Жёстче делай! – просит с хриплыми выдохами.

Я открываю глаза. Леон оттягивает резинку трусов, доставая член. Огромный, толстый ствол. Он обвит венами, перекачивающими горячую итальянскую кровь. Пальцы Леона обхватывают вздыбленный орган у основания. Он начинает гладить себя. От самого корня до конца. Обратно. Потом снова. Ещё и ещё... Он обнажает крупную головку с жемчужной слезой смазки.

Я поневоле ускоряюсь. Потом развожу бёдра в стороны. Расставляю их максимально широко и приподнимаю попку. Я кручу тазом, словно приглашаю его в гости. Я медленно опускаю пальцы. От клитора вниз, к набухшим складочкам. Трогаю их совсем немного, скольжу в дырочке, готовой к сексу. Обвожу отверстие по кругу двумя пальцами. Не забываю при этом двигать бёдрами. Тело дрожит. Я постанываю. Вторая рука бесперебойно забавляется с грудью. Щипаю упругие комочки сосков и понимаю, что я... на грани.

Я ощущаю взгляд Леона каждой клеточкой тела. Я вся горю, готова закипеть, как лава вулкана. Я теку. Влага скатывается каплями по бёдрам на простыни.

– Мне сделать это, Леон? – стону я. Теряю пальчиками отверстие. Лоно сладостно сжимается в ожидании движений пальцами. Мне не терпится исследовать ими горячую глуби-

ну.

– Делай! Быстрее! – следует приказ.

Я ныряю в податливое отверстие сразу двумя пальцами. Боги! Едва ввела их до последней фаланги, как тут же начинаю двигать ими. Жёстко и быстро. Почти как Леон. Но мои пальцы не такие сильные и длинные. Я трахаю себя на его глазах. Делаю так, как он велел. Потолок качается перед глазами. Пальчики на ногах поджимаются от подступающего удовольствия. Я начинаю задыхаться.

– Говори!

– Леон... Лео-о-о-он. Я сейчас взорвусь! Лео-о-о-он...

Меня начинает сжимать пружиной. Я кричу и стону его имя. Блаженный экстаз накатывает, как мощное цунами.

Через мгновение я слышу животный рык.

– Руки на грудь! Живее. Ты вот-вот кончишь. А я хочу, чтобы ты кончила на моём члене!

Леон быстр, словно зверь. Я лишь слышу, как живо он надрывает пакетик с презервативом. Через мгновение он бросается вперёд и подхватывает мои ноги под коленями. Он забрасывает их себе на плечи. Я не успеваю сказать ему «нет». Я всегда должна говорить ему «да». Стонать. Выпрашивать. Умолять дать мне то, что он с таким удовольствием вгоняет в мою промежность.

Жёстким и мощным тараном его член проникает в меня на всю длину. Я дёргаюсь в судорогах под его сильным телом. Угол проникновения максимально доступный. Каждый тол-

чок заставляет меня вибрировать всем телом. Сильно и грубо. Его бёдра движутся на предельной скорости. Он просто вколачивает в меня член, как длинную и толстую сваю. Крупная головка упирается в эластичные стенки лона. Я начинаю дрожать без остановки. У меня нет сил кричать. Я только хватаю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Это мощно. Жёстко. По-животному. Дерзко и так откровенно, что я горю. Мои щёки полыхают от хлюпающего звука, с которым его яйца колотятся о мою плоть.

– Леон! – выкрикиваю я.

Кончаю.

Боже... Боже... Чувства самые невероятные. Я словно воспарила в небеса. Я рассыпаюсь радужным конфетти. Мне хорошо. Мне не было так хорошо ещё ни разу. Даже с любимым... Когда сладкая нега растворится в суровой реальности, я буду себя ненавидеть. Ведь я, считай, только что изменила любимому. Но в благородных целях. Надеюсь, жертвование собой ради спасения дорогого сердцу человека не будет считаться изменой.

* * *

Хриплый довольный смех Леона проносится штормом по моей коже. Его длинный ствол всё ещё во мне. Двигается с вкусной оттяжкой, потом загоняет на полную длину. Крупная головка задевает все чувствительные точки внутри лона.

Горячие выдохи мужского дыхания проносятся по лицу, как ураган в пустыне. От него пахнет виски и пряным, мужским ароматом. Животным мускусом. Хищные нотки чувствуются во всём – как он давит гнётом мощного тела и как властно мнёт мою попку. Наверняка завтра я увижу отметины от его пальцев. Буду ли сожалеть? Не знаю. Мне просто не стоит думать об этом. Отключить все эмоции, кроме тех, которые он жаждет получить от меня.

Значит, я должна стать лучшей. Во всём. Не только в постели. Уверена, под ним бывали шлюхи и поопытнее, и по красивее меня. Я должна дать ему что-то ещё. Не просто секс.

– Леон! – выдыхаю ещё раз, но уже тише. Чувственные вибрации проносятся по всему телу. Крошечные волоски приподнимаются на коже. Я улыбаюсь ему. Получается само собой. Хищное лицо зависает над моим. Алчный взгляд пожирает каждую эмоцию, словно впитывает в свои проклятые чёрные глаза, полные жарких желаний.

Леон резко отстраняется и спускает мои ноги со своих плеч. Его прокачанный пресс быстро поднимается и опадает. По мощной груди скатываются капельки пота.

– Неплохо, – рыкает он и лениво прикрывает глаза. Можно подумать, что ему всё равно. Но его мужское достоинство торчит, как восклицательный знак с крупной, набрякшей головкой.

– Проклятье. Резинка порвалась! – цедит сквозь зубы и

лениво стягивает порванный презерватив. – Открой ящик. Там еще есть. Достань! – командует он.

Я привстаю с кровати и исполняю его указания. Не позволяю себе медлить. Я хорошо знаю, о каком ящике он говорит. Ведь номера в отеле похожи, а в его номере мне довелось убирать однажды под присмотром старшей по смене. Пальцы дотрагиваются позолоченной ручки на ящике. Здесь каждая деталь дышит роскошью и спит. Дорогие породы тёмного дерева, искусные детали интерьера. Если бы не туфли на моих ногах, пальцы утопали бы в мягком и пушистом ворсе ковра.

Я раскрываю ящик и почти сразу же краснею. Здесь много презервативов и тюбик для анальной смазки. Надеюсь, что сегодня Леону не захочется трогать мою попку. У меня ещё не было анального секса. Ни разу. Мы с любимым занимались только обычным сексом. К тому же я хорошо умею делать минет. Но анальный секс ни разу не пробовали. И любимый редко делал мне куни. Баловал только по особенным случаям, но так быстро и торопливо, как будто считал, что ласкать лоно девушки языком – это непристойно для сильного мужчины.

– Достала? Раскатай латекс...

Я надрываю зубами шуршащую упаковку и натягиваю латекс на крупный конец Леона. Его горячее дыхание путается в моих волосах. Слышу его ухмылку. Она проносится по моей коже морозцем, и я напрягаюсь ещё больше.

Внезапно, Леон зарывается пальцем в мои волосы, кладёт ладонь на затылок и немного пригибает голову к низу, чтобы неотрывно наблюдала за работой своих пальцев.

– Клубничная ты, Лина... Вся. У тебя даже волосы светлые. Но с какой-то розовой вуалью! – утыкается носом в мои волосы, шумно втягивая воздух. Как хищник. Я не вижу его лица в этот момент, но хорошо могу представить, как трепещут крылья его носа. – Чем пользуешься?

Мне остаётся совсем немного – расправить латекс. Что будет дальше? Зависит от самого Леона.

– Чем пользуешься? Гуччи, Армани? Нина Риччи? – гадает он.

– Ничем. Я не знаю, какой парфюм нравится тебе, поэтому не стала наносить. Просто умылась. Водой. Это мой аромат. Я так пахну сама, – шепчу, выталкивая слова из губ.

Почему-то его вопросы сбивают меня с толку. Я чувствую в них заинтересованность собой. Не только как телом. Но и как девушкой. Возможно, это просто моя фантазия, не больше того. Но мне трудно и немного больно думать о том, чтобы стать для него живым человеком. Лучше пусть куклой, игрушкой для постели. Иначе он не просто будет владеть моим телом, но и душой. Я не могу позволить ему поработить себя полностью. Не должна. Я хочу остаться собой, даже погрузившись в грязь с головой.

– На колени! Спиной ко мне! Живо! – резко командует, почти рычит.

Жёсткая ладонь задаёт направление моим движениям. Он разворачивает меня спиной к себе и ставит на четвереньки. Сильные пальцы наматывают волосы на кулак, оттягивая голову к спине. Я прогибаюсь в спине навстречу мужчине с лёгким вскриком. Мои глаза натываются на девушку.

Пухлые, красные губы распахнуты в крике. Светлые волосы. Тело изогнуто, налитая грудь с тёмными пиками сосков. Это моё отражение. Леон развернул меня лицом к зеркалу, чтобы я видела себя со стороны. Такой доступной и разомлевшей, как сейчас, я ещё никогда не была. Это словно не я, а кто-то другой, моя вторая натура, спавшая до поры до времени. Но сейчас она заняла моё место. Именно сейчас, когда тело Леона прижимается ко мне со спины. Я чувствую сокращения его каменного пресса. Они проходят волной, его бёдра совершают толчки. Он снова берёт меня. Только теперь сзади. Держит за волосы, как кобылу на привязи, задавая темп бешеным скачкам, натягивает, держа в напряжении, и вонзается быстрыми, точными проникновениями. От каждого его толчка тело начинает звенеть, как гитарные струны после умелого щипка музыканта.

Я представляю его руки. Широкая, жёсткая ладонь и длинные, безжалостные пальцы. Татуировки. На одной руке птица, раскинувшая крылья, но присмотревшись, понимаешь, что это череп. Как будто она вестник смерти. На другой руке – несколько строчек надписей. Я хорошо могу представить, как он будет мять и щипать меня всюду. Беспредельно.

Откровенно. Властно. Будет вертеть меня и насаживать на свою плоть. Так, как сейчас он это делает.

– Значит, тебе нужны деньги!

Его голос полон животного рыка и какого-то пренебрежения.

– Ради этого ты пришла сюда, да? Хочешь жить красиво? Шмотки, духи, клубы? Красивые и дорогие развлечения?

Леон показывает себя хозяином положения. Задаёт вопросы, но следом резко ускоряет темп, не давая даже вздохнуть. Я задыхаюсь от его ритма. Потом замедляется и отвечает шлепок по моей заднице.

– Отвечай!

– Мне нужны деньги... – стону я, и его пальцы сильнее впиваются в мои волосы.

– Я так и знал, алчная стерва!

– Не для себя! – поспешно исправляю ситуацию.

Леон разжимает волосы и перемещает обе руки на мои бёдра, обхватывает меня. Сам останавливается, но теперь толкает меня. Вперёд-назад. Показывает, что мне нужно делать – насаживаться на его мощь, как на копьё.

– Мне нужны деньги для обучения сестре. Она очень... талантлива. Красиво рисует. Но грантов нет. Обучение дорого стоит. Обучение, проживание и курсы... у именитых мастеров. Она... далеко пойдёт. Я думала, что смогу оплатить ей хорошую учёбу... С помощью Сергея. Он обещал помочь. Обещал давать денег, и я бы сама больше работала. Я смог-

ла бы помочь сестре осуществить мечту. Но теперь Сергей уехал к своей семье. У него проблемы. И он... он забрал даже те деньги, что мы вместе копили на свадьбу! – говорю, всхлипывая.

Я едва держусь. Мне хочется рыдать от сильного возбуждения и меня буквально выворачивает наизнанку от вранья. Трудно трахаться и вести беседы, ещё сложнее врать и не показывать, что врёшь. Но у меня есть козырь – я показываю на лице экстаз. Даже стараться не приходится. Ведь я действительно кайфую от того, как туго и плотно его плоть трудится в моём лоне. Снова и снова... Ещё и ещё.

Мне нужно сказать Леону что-то. Поэтому я выдаю именно эту версию правды. Сергей не забирал наши деньги. Их просто украли те отморозки, что мечтают свергнуть Леона и прибрать к рукам его отелльный бизнес. Они украли деньги и держат в плену моего любимого, шантажируют меня и вынуждают рисковать своей жизнью, играя в опасные игры.

Я сказала лишь часть правды. Да, моя сестра – художница, подающая надежды. Да, мне нужны деньги на её обучение. Но в остальном я вру. Стараюсь врать близко к правде. Если люди Леона проверят, то мои слова во многом окажутся правдивы. Я надеюсь, что они не станут копать сильно глубоко и не будут выворачивать всю подноготную.

– Так вот почему вы поссорились со своим парнем? Трахаль прибрал и твои денежки? Дерьмового ты себе парня нашла, Клубничка! Гнилого, как прошлогоднее яблоко! –

хмыкает Леон. Он сделал свои выводы из моих слов, и его удовлетворила эта правда. Потом он дерзко командует мне властным тоном, от которого мурашки бегут по телу, как стадо резвых скакунов. – Ляг лицом в постель!

Лёгким толчком он вынуждает меня принять это позорное положение. Моя попа находится выше головы. Она отставлена назад и полностью доступна. Леон довольно щиплет и мнёт полушария ягодиц, а потом внезапно надавливает на ажурную звёздочку большим пальцем.

– Ах... Пожалуйста. Я ещё никогда...

– Никогда не давала в попку? – интересуется он сиплым голосом. – Девственная попка?

– Да!

Его палец надавливает, и я сжимаюсь так сильно, как только можно.

– Судя по реакции, так оно и есть. Надо же! – смеётся он. – Хоть где-то я буду первым, да?

– Я не готова. Умоляю... Меня не трогали там даже пальцем!

– Нарочно распляешь мою фантазию, Клубничка?

Он снова шлёпает меня. Сильно и звонко так, что в ушах слышится его хлопок. Потом он обхватывает мои бёдра, фиксируя. Таранит на полную мощность, не щадя. Я поскуливаю довольно, на большее сил не хватает. Воздуха нет. Он сжигается прежде, чем я успеваю его вдохнуть полными лёгкими. Леон вычитывает свободный кислород к чертям,

опрокидывает меня в жаркую преисподнюю. Я чувствую себя развратной грешницей на шабаше у Сатаны. Но как же хорошо он это делает – забивает в меня свою плоть, распаяя чувственность. Разжигает костры моей страсти, подкидывая дров каждым мощным толчком.

– Давай! Скоро кончу! – бандит угрожающе рычит.

– Я больше не могу... – всхлипываю. – Пожалуйста!

Меня разрывает на клочки оглушительным взрывом оргазма. Кровь становится жидкой лавой. Я сжимаюсь вокруг его внушительного орудия, которым он продолжает трудиться в моём лоне. Резко и сильно. Точно. Быстро. Он ас в постельных утехах и мог бы выиграть золото в Олимпийских играх по жаркому сексу, если бы такие проводились в этой вселенной.

Когда он выплёскивается, я чувствую мощные, длительные судороги его тела. И снова кончаю. Но уже вместе с ним. Потом он хрипит и падает на меня сверху. Рельефная грудь прижимается к моей с чавкающим звуком. Мы оба потные и мокрые, как будто побывали в жаркой бане.

– Сладкая Клубничка... – его губы танцуют на нежной коже моей шеи. – Первый раунд за тобой. Было вкусно...

– П-п-первый раунд? – спрашиваю спустя несколько минут.

Леон встаёт и вытягивается телом. Его мышцы словно скручены из арматуры. Они чётко выделяются под смуглой, бронзовой кожей. Леон стягивает использованный презерва-

тив, бросая его в урну.

– Первый раунд, Красотка... Я решил, что оставлю тебя на всю ночь. И... – он ухмыляется. – Мы устроим родео. Покажешь себя хорошей наездницей, хлюпая киской над моим членом – возможно, позову тебя ещё раз...

Я шумно сглатываю. Не представляю, как выдержу целую ночь в объятиях этого сексуального и голодного монстра.

Оказывается, я не знала саму себя.

Смогла. Ещё как смогла. И выпрашивала его ласку, обжигающую, острую и безжалостную. От оргазмов перед глазами будто звёзды взрывались, а тело становилось лёгким, как лебединый пух.

Леон насытился лишь под утро. Уже рассвело, когда он откинулся в сторону с видом сытого хищника. Брюнет потрепал меня по ягодицам, сказав:

– Хорошо отработала ночь, Клубничка. Не профессионалка, но кончаешь искренне. Сжимаешь сильно... – он задумался и усмехнулся. – Отдохни. Потом решу, что с тобой делать.

Неужели это не всё? Мне хотелось спать. Постельные игрища утомили меня невероятно сильно. Я смежила усталые веки, но сама прислушивалась ко всему, что происходит в номере. Леон встаёт. Наливает себе спиртного. Отправляется в душ. Проводит там долго времени. Мне хочется спать... Спать. Но я не имею права забыться сном.

Я поправляю подушку под собой. Моя ладонь скользит

под дорожную ткань наволочки. Внезапно мои пальцы обжигает ледяная сталь. Я осторожно приподнимаю подушку и замираю. Длинный, пугающий пистолет из чёрной стали. Я глажу гладкий, холодный ствол. Кончики пальцев покалывает. Внутри что-то ёкает. Оружие так близко. Могу ли я взять его в руки и пустить в дело? Всего на мгновение я представляю, как наставляю пушку на Леона, требую выдать необходимые секреты, которые ждут от меня его конкуренты.

Я представляю безжалостный взгляд его тёмных глаз, смотрящих на меня в упор и забываю, как дышать. Мне становится жутко страшно. Проще смотреть в чёрный глазок дула пистолета, чем думать о том, что я посмею хоть когда-нибудь поднять руку на Леона.

Бред же? Бред... Я осторожно поправляю подушку и лежу так, словно сплю.

Потом Леон возвращается в номер. Открывает ноутбук и садится с ним на кровать. Щёлкает пальцами по клавиатуре. Он работает и решает важные дела. Я едва борюсь со сном. Слышу изредка звонки и его живую, быструю речь с сильным итальянским акцентом.

– Пробил? Мне всё скинь. Но пока в двух словах обрисуй. Не шлюха ли она засланная? Ага... Слишком хорошо трахается. Нет? Не шлюха. Невеста Серого? – пауза. – Да, я знаю, что больше уже не невеста. По нему тоже всё пробей. Но пока всё сходится. Жду от тебя информацию.

Неужели я жду зря? Но потом слышу шорох. Леон встаёт.

Наклоняется надо мной. Прислушивается. Проверяет, сплю или нет. Я стараюсь не выдавать себя ни звуком дыхания, ни трепетом ресниц. Потом Леон отходит и снова пьёт. Но на этот раз уже стоя у окна. Разглядывает город с высоты птичьего полёта. Он и сам птица – хищный, жестокий беркут. Я смотрю на него сквозь полуопущенные ресницы и люблю его рельефным телом. Широченные плечи, узкая талия, сильные бёдра и твёрдые ягодицы.

Становится немного жарко от своих порочных мыслей. Потом снова слышится звук входящего сообщения. Леон читает сообщения, легко усмехается.

– *Bella, devo dirti una cosa... Si, Fragola. Si...*¹

Он словно обращается ко мне. Я просто это чувствую. Потом слышу, как он подходит к стене и сдвигает картину. Я немного меняю положение головы. Теперь я могу увидеть, как его пальцы порхают над кодом от сейфа. Всего четыре цифры. Последнюю мне не получается увидеть, но там всего три. Так что, если понадобится, подобрать нужный вариант не составит большого труда. Внутри становится радостно и тревожно от того, что у меня получается. Получается же?

Лёгкий стук. Леон захлопывает дверцу сейфа и подходит к кровати. Лёгкий шлепок. По щеке. Но не ладонью. А чем-то другим.

– Проснись, Лина.

Я продираю глаза, словно заспанные.

¹ – Красотка, мне нужно кое-что сказать тебе. Да, Клубничка. Да...

– Ты знаешь моё имя? – голос звучит хрипло. Я устала кричать и стонать этой ночью.

– Я знаю о тебе всё. А тебе следует знать обо мне лишь одно – я не терплю алчных сук, мечтающих усидеть на двух стульях. Пришла ко мне? Значит, вычёркивай из своей жизни прочих мужчин. Даже если я тебя не трахаю. Даже если прошла неделя или две. Хочешь быть в моей постели? Жди моего приглашения.

Я киваю.

– Это тебе. На первое время.

Он швыряет мне на грудь пачку долларов. Только теперь я понимаю, что именно этой пачкой он хлопал меня по щеке.

Господи, какие мерзкие ощущения. Я только что продала себя, как дешёвка в борделе. Мне нужно взять эти деньги. И просить у него ещё, уверенно играя роль распутной девицы, чтобы не вызвать подозрение. Я здесь, чтобы следить за ним и докладывать о каждом его шаге похитителям моего любимого. Так, и только так я смогу спасти его жизнь. Понимаю, что подло. Но этот Леон не тот, кого следует жалеть. Он погряз в грязных делишках, он опасный бандит, безжалостный палач. Не сомневаюсь, что его руки по локоть в чужой крови. Смысл его жалеть?

Он мне никто. Да, он постельный бог с жгучими глазами и горячим телом. Не больше. Этой ночью он показал мне весь космос. Было приятно. Но я не считаю секс смыслом жизни. Для итальянца я всего лишь временная игрушка. Поиграет-

ся, забудет. Что бы я там к нему не испытывала, надо быть реалистом. Я люблю Серёжу, наши отношения окрепли с годами. В первую очередь, мы ценим в друг друга души, а не половые органы и звериную похоть. Я сделаю всё, ради любви. Ради него одного. Даже лягу под опасного, не знающего милости бандита.

– Теперь одевайся и проваливай. Держи телефон включённым и не уезжай из города. Свистну – должна будешь приехать ко мне... – его тёмный взгляд становится бездной тёмного огня. – Без трусиков. А эти...

Леон вальяжно вертит мои трусики с клубничками, те, что я передала ему вчера в конверте, на своём указательном пальце и глумливо скалится:

– Эти трусики останутся у меня. Как трофей.

Извращенец!

– Хорошо, Леон. Спасибо.

– Не благодари. У тебя будет возможность отблагодарить меня иначе. По первому свистку. Раздвигаешь ноги, обслуживаешь меня. И запомни, Клубничка, ты со мной пока мой член хочет тебя. Всё ясно?

Ещё раз киваю, быстро натягиваю на себя платье горничной, хватаю в руки туфли и босыми пятками бегу к выходу.

Глава 1

За неделю до событий в прологе

Я грустно вздыхаю, вставляю ключ в замочную скважину. Щелчок. Открываю дверь и вхожу в квартиру. Настроения никакого. Охота упасть носом в подушку и разрыдаться. Вот только я понимаю, что я не одна живу. И моей младшей сестрёнке вряд ли понравится видеть мои слёзы. Она – моё всё. После того, как родителей не стало, я стала главой семьи и её единственным опекуном. На мне лежит большая ответственность за жизнь и счастье сестры, а меня... только что уволили с работы. Нет, не потому, что я плохой сотрудник, а потому, что отель, в котором я работала горничной, обанкротился.

По слухам, его задавили конкуренты. Я, кажется, догадываюсь, кто именно это сделал. Некий Леон Моретти – всемогущий бог всея земли, успешный миллионер и ходячий грёбаный секс в чистом виде, мечта всех женщин мира. Поговаривают, что его родственники реальные мафиози. Правда, почти всю его семью жестоко расстреляли недруги много лет тому назад. Я помню шумиху вокруг того громкого дела. Все СМИ жужжали об этой кровавой бойне.

Леон – опасный и влиятельный тип. Поэтому я очень сильно переживаю за Серёжку. Мой парень устроился охран-

ником в один из отелей этого мафиози. Семизвездочный люкс. В таких останавливаются только избранные, цари мира. Я до сих пор не могу понять, как Серёже удалось устроиться в это тёплое и денежное местечко? Например, у меня ни черта по жизни не получается. На одном месте топчусь. Никакого взлёта, роста карьеры. С моей нынешней безработицей можно смело ставить крест на всех мечтах. И если бы речь шла только обо мне, я бы смирилась, ведь я ничем особенным не выделяюсь. Но я мечтаю помочь сестре осуществить её мечту – стать выдающейся художницей. Она у меня очень талантливая. Я уверена, что она далеко пойдёт. Особенно, если получит нужное образование.

– Алинка, это ты? – звучит бодрый голос сестрёнки. Я вяло снимаю с себя туфли, бросаю куртку в шкаф и слышу её торопливые шаги. В квартире пахнет чем-то вкусненьким. Кажется, к чаю у нас сегодня будет Катин фирменный пирог. Какая молодец! Пока я целыми днями вкалываю от заката до рассвета в две смены подряд, она взяла на себя все обязанности по дому. Уборка, готовка, глажка. У нас в квартире всегда чисто, уютно и есть что покушать. Живём мы небогато, в двухкомнатной квартире в обычном спальном районе. Жильё досталось нам от родителей. Они ушли от нас шесть лет назад. Их жизнь забрала авиакатастрофа.

– Привет, Кать, – пытаюсь выдавить улыбку. – Всё чудесничаешь?

Сестра встречает меня в коридоре крепкими объятиями.

Улыбчивая, в рабочем переднике. Рисует свои шедевры в свободное время. Иногда на заказ. Даже умудряется что-то продать за символическую цену. Несмотря на то, что она самоучка, у Катюши реальный талант. Как жаль, что сейчас, если у тебя нет денег, то тебя никто и не заметит. Известность требует средств и связей.

Я игриво щёлкаю Катю по курносому носу, улыбаюсь ещё шире, когда вижу зелёную краску на кончике её носа:

– Как успехи?

– Нормально, – отмахивается она, вытирая руки о передник. – Заканчиваю заказ для одной девушки. Семейный портрет, в подарок мужу. А ты как? Выглядишь неважно.

Я опускаю ресницы, едва сдерживаю слезы:

– Отель обанкротился. Всех разогнали.

– Чёрт! Это значит, ты... теперь без работы? – она от отчаяния прикусывает нижнюю губу.

Киваю.

– Завтра буду искать новую работу. Время потеряю. Думала, к концу весны уже внести необходимую сумму на зачисление тебя в художку. Пока придётся отложить это дело, – сердце сжимается от боли. Как же трудно говорить. – Прости, дорогая. Мне так жаль!

– Ничего страшного. Прорвемся! Найдешь другую работу, даже лучше, – малышка подбадривает меня, хлопая по плечу и переводит тему разговора, чтобы поднять нам обоим настроение, – кстати, я Серёге написала смс, он скоро будет.

Испекла пирог, к чаю его тоже пригласила.

– Спасибо. Это очень мило с твоей стороны. Я обожаю твои пироги, – я целую Катю в висок, направляюсь в сторону ванны, чтобы смыть с себя сегодняшней кошмарный день. Надо привести себя в порядок, скоро приедет мой любимый.

Попрошу у него помощи. Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем.

* * *

Через час я слышу звонок в дверь. Сережка пришёл! Глянув на себя в зеркало, разгладив складки на домашнем халатике, я бросаюсь встречать любимого. Обнимаю его, чмокаю губы, а он тотчас же улавливает неладное.

– Привет, солнце, неважно выглядишь. Что-то случилось?

– Идем, чай стынет, сейчас всё расскажу.

Я помогаю Серёже раздеться, беру его за руку и веду на кухню. Мой Серёжа высокий блондин, симпатичный, худощавый, но крепкий, как орех. Он уже больше десяти лет работает охранником. То там, то сям. Добился того, чтобы его приняли на работу в один из самых дорогих и элитных отелей мира. Чёрная форма охранника ему к лицу. С ним я чувствую себя в безопасности.

Сестра ужинает вместе с нами. Она хорошо относится к моему парню, но у неё у самой пока нет спутника жизни. Молода ещё, недавно только школу закончила.

– Серёж, – я делаю глоток ароматного чаю, немного нервничаю. – Меня с работы уволили. Отель закрылся.

– М-да, вот это новость, – с сочувствием говорит парень, смотря на меня.

– Но уже завтра я буду искать новую работу! – выдаю с энтузиазмом, показывая, что я не собираюсь опускать руки. Я намерена бороться за счастье.

Сергей кладёт ложку на стол, задумчиво жуёт пирог, а потом вдруг отвечает, будто его накрыло озарением:

– Детка, ну-ка скинь мне свое резюме на почту. Я завтра потолкую с начальством, опыт у тебя в теме «обслуживания номеров» приличный, ты же уже достаточно долго работаешь горничной. Попробую пристроить тебя в «Grand Hotel». Если тебя примут, будем чаще видеться. Это же круто!

– Да ты что! – я в шоке открываю рот и говорю дрогнувшим голосом. – Это, конечно, круто, но, чтобы туда попасть, надо постараться. Там же звёзды отдыхают. Абы кого попало даже в простые уборщицы не берут.

– Ну я же пробился, у меня там знакомая работает в админах. Попробую договориться.

– Люблю тебя! – взвизгиваю я, и смачно целую Серёжу в губы. – Там же зарплата как три моих на старой работе за раз!

– Мне ли не знать, – парень гордо вздёргивает вверх подбородок. – Ну что, тогда я пойду? Или мне можно остаться на ночь? – ехидно подмигивает.

Я бросаю ироничный взгляд на сестру, та лишь разводит

руками, мол ей всё равно. Тогда я киваю, беру за руку любимого, желаю сладких снов Кате, и веду его в свою комнату.

* * *

Мы лежим на кровати в обнимку и пытаемся отдышаться. Надеюсь, Катя не слышала того, что только что произошло между нами. Стены как картон. Мне даже немного стыдно. Просто надо было сбросить напряжение за этот трудный день.

Серёжа гладит меня по спине, от его прикосновений по коже бегают мурашки. Мне хорошо с ним. Мы достаточно долго знакомы. Да, бывают ссоры, скандалы. Как и у любых других пар. Но очень редко. Мне уже хочется расширить нашу семью. Да, я... мечтаю о ребёнке.

– Я собираю деньги, – заявляет любимый. – На свадьбу.

У меня перехватывает дыхание. С ума сойти! Вот это новость. Он не шутит?

– Как ты смотришь на то, чтобы завтра прошвырнуться по магазинам и прикинуть варианты обручальных колец?

– Боже, Серёжка! Ты шутишь? – я набрасываюсь на него как голодная рысь и целую. Всего. Жадно, пылко, взхлёб. Не могу им надышаться и нарадоваться тому, что только что услышала.

Он хохочет, прижимает меня к себе ещё теснее, коротко отвечает на поцелуи полной взаимностью:

– Выйдешь за меня?

– Спрашиваешь? – я закусываю собственный кулак, чтобы не испугать сестру, и радостно визжу, захлёбываясь в сильных эмоциях. – Я за тобой... хоть на край света. – Наклоняюсь ниже к его лицу, кончиками пальцев прорисовываю контур его губ, смотрю в светло-карие глаза Серёжи и нежно улыбаюсь. А после, дарю ему ещё один глубокий и долгий поцелуй.

Сегодня выдался трудный день. Есть и плохие моменты, и ошеломительно приятные. Я так долго ждала этого признания. Любимый решился сделать мне предложение. Честно, мне не нужен роскошный наряд, грандиозное застолье, толпы горластых друзей во главе с назойливым тамадой. Можно ведь по-скромному отметить. По-семейному. И бюджет при этом не пострадает.

В жизни я поставила перед собой три цели: помочь сестре осуществить её самую заветную мечту, стать идеальной женой для Серёжи и... стать любящей мамой.

* * *

Как непривычно подолгу нежиться в постели. Каждый день я вскакивала с кровати ещё до рассвета, завтракала, одевалась и опрометью неслась на работу. Так и сегодня я подорвалась раньше будильника, сделала всю работу по дому, хотя особо и нечего было делать. Спасибо, сестра под-

держивает идеальный порядок во всей квартире. Поэтому я снова вернулась в кровать. Серёжа уехал три часа назад, я кусаю ногти, жду новостей. Вдруг повезёт? Он ведь обещал договориться.

Но сон меня уже покинул. Покрутившись в кровати, я снова встаю и иду на кухню. Пытаюсь занять руки хоть чем-нибудь и завариваю свежий чай. Слышатся лёгкие шаги моей сестрёнки. Она заходит на кухню, позёывая. Открывает холодильник и вытаскивает оттуда бутылку с молоком. Катя как-то странно на меня косится, в синих глазах белокурой красотки сияют огоньки.

– Ну что такое? А? – цыкаю я.

– Ты в курсе, что у нас в квартире стены как будто из пенопласта леплены?

Мои щёки немного краснеют от стыда. Всё-таки Катя кое-что слышала. Кое-что, если не сказать всё!

– А-а-а, завидуешь? – я пригрозила ей пальцем. – Приводи и ты своего жениха.

– Жениха? – фыркает Катя и закатывает глаза. – Скажешь тоже!

– Или хотя бы парня? – предлагаю я. – Есть кто-то на примете?

– Пока нет, – она пожимает плечами, заливает молоком хлопья, садится напротив меня и хрумкает свой завтрак.

– Кстати, я сейчас тебе такое расскажу! Ты представляешь, Серёжка мне предложение сделал!

– Ого! Правда? – она роняет ложку из рук.

Я улыбаюсь так широко, что у меня скулы болят.

– Сегодня мы пойдём смотреть обручальные кольца.

– Ух ты! Я вас поздравляю! А это значит... что вы скоро свалите от меня? И я буду жить одна? – Катя громко хохочет, озорно глядя на меня.

– Съехать прямо сейчас? И не мечтай! – я шлёпаю ладонью по столешнице. – После того, как мы распишемся, ты уже будешь сидеть самолёте и мчаться навстречу своей мечте.

– Лин, не надо, – тянет она. – Мне надоело смотреть на то, как ты надрываешься с утра до ночи. Давай оставим эту затею. Я уже подыскиваю реальную работу. Пофиг на академию.

– Что? Ты вообще нормальная? Вот щас как дам по губам за такие слова! – её заявление выбесило меня не на шутку. – Я сказала, ты поступишь в академию искусств, значит так оно и будет. Я упертая, ты же знаешь. Мы найдём деньги. Каждый должен заниматься по жизни тем, к чему душа лежит. А у тебя редкий талант. Нельзя губить твой талант и зарывать его в землю! Я верю в тебя больше, чем кто-либо другой. Даже больше тебя самой.

– Спасибо, Алина, спасибо, – она даже всплакнула.

– Так что, когда мы поженимся, ты отправишься за границу. Вообще, вот скажи мне, только честно, как ты относишься к Сергею?

– Честно? – она бросает в рот ложку с хлопьями, хрустит. – Даже не знаю. В целом, положительно. Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Не мне же за него замуж бежать?

– Просто интересно, ты ведь моя сестра.

– Нормально отношусь. Но иногда кажется, что он тебе не очень подходит. Я вижу с тобой... альфа самца. Брутального красавчика с перцем в крови, накаченного Геракла, с тонной выпуклых мышц, бронзовой кожей, с татушками по всей спине и сильными ручищам. О, д-а-а! – она не может удержаться, смех вырывается наружу.

– Засранка! – я легонько шлёпаю её по плечу. – Ты издеваешься?

– Немного! – признается сестра. – Сергей, если честно, обычный парень. Слишком правильный, что ли. Не скучно ли тебе с ним?

Я пожимаю плечами. Впервые задумываюсь над её словами. Отвечаю:

– Мы уже привыкли друг к другу. Я его люблю. Правда.

– Это самое главное. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива.

– Как и я, Катя, хочу, чтобы ты тоже была счастлива. Ведь у нас с тобой больше никого нет. Только ты и я, – последнюю фразу мы шепчем в унисон, крепко-крепко берёмся за руки, и смотрим друг другу в глаза с нежностью и каплей печали.

Неожиданно, мой мобильный на столе оживает. На экране мигает знакомое имя: «Сергей».

– Так! Тихо, тихо! Сережа звонит, вдруг у него есть для нас хорошие новости?

Я нажимаю на кнопку «ответить» и перестаю дышать.

– Детка, у меня отличные новости! – звучит звонкий голос любимого, наполненный нотками радости. – Тебя взяли на работу. С завтрашнего дня ты сотрудник «Grand Hotel»!

Боже! Я не могу поверить своим ушами. Сестра, держащая ухо возле моего телефона, издаёт радостный писк и начинает тискать меня.

– Ладно, девочки, радуйтесь, а мне пора работать, – благодушно говорит парень. – Ты лучшая, помни...

– Ура, поздравляю! – Катя хлопает в ладоши, а я чувствую, что вот-вот, и моё сердце выскочит из груди.

Да, теперь наша жизнь станет ещё лучше, а мечты воплотятся в реальность.

Глава 2

Я не спала всю ночь. Очень волновалась. А утром Серёжа заехал за мной на своём автомобиле, и мы вместе поехали в отель. По дороге он рассказал мне о некоторых нюансах, предупредил, чтобы я ни в коем случае не привлекала к себе лишнего внимания. Особенно следует держаться подальше от самого Леона, хозяина отеля. А если вдруг увижу его, чтобы в глаза ему не смотрела, он этого не любит.

Мой парень припарковал машину на стоянке для персонала. Но прежде, чем отвести меня в отель, он замялся у автомобиля, как будто хотел мне что-то сказать.

– Всё хорошо, Серёж? – насторожилась я.

– Детка! Прошу тебя, веди себя аккуратно. Я буду за тебя волноваться, – Серёжа берёт меня за руку и целует мои пальчики. – Ты ведь знаешь, кому принадлежит отель?

– Леону Моретти. Только не говори, что он мафиози, – усмехаюсь я.

Да бред это. Сплетни. Если человек итальянец, пусть хоть и наполовину, то что, сразу мафиози? Гнусные стереотипы.

– Это так. Он мафиози! Держись от него подальше. Ты будешь убирать в номерах «эконом класса». Делай свою работу тщательно, но не пытайся выслуживаться так, чтобы тебя перевели убирать люксовые номера, договорились?

Во взгляде любимого парит явное беспокойство.

– Ну как скажешь, – по спине градом катятся мурашки.

– Просто будь тихой, как мышка, и проходи мимо, – советует любимый. Его голос звучит мягко, но в тоже время серьёзно. – Не хочу тебя запугивать, просто хочу, чтобы ты понимала, с кем имеешь дело. Леон – очень, – подчеркивает Сергей, – очень серьёзный и опасный человек. Любая его прихоть – это закон для всех сотрудников. Лучше не попадайся ему на глаза. Будь тихой.

Зачем Сергей накаляет обстановку? Да кому я нужна такая? Обычная. Служанка. Девочка на побегушках. Никакая и не модель вовсе. У меня всё своё, натуральное. Губы, грудь, попа. Даже ресницы никогда не пробовала клеить. Попросту нет времени на себя. Наверно, я слишком много на себя взвалила. Слишком ответственная, чересчур педантичная. Смотрю в будущее на несколько месяцев вперёд. Строю планы, строчу заметки в блокноте, считая каждую копейку. Боюсь, что однажды не смогу купить сестре еды и заплатить коммуналку, поэтому много работаю, откладывая на «чёрный день».

Сергею спасибо, что он меня терпит и искренне любит такой, какая я есть. Я живу самой обычной жизнью. Наверное, другие скажут, что я живу скучно. Даже в интимной жизни у нас всё тихо и гладко, без взрыва, но тепло и искренне. Мне нравится, что я могу ходить перед Серёжей в обычных трусиках, которые не всегда подходят под бюстгальтер. Я не ношу развратного белья, не даю поиметь себя в попку. Кажет-

ся, он и не просил, а я не такая развратная, чтобы самой намекать на такие грязные шалости. Минет делаю, но изредка, как умею. Можно даже сказать, что я придерживаюсь строгой классики. Чаще всего Серёжа забирается на меня сверху, иногда он берёт меня, пристроившись со спины, лёжа на боку. Очень редко я скачу на его жилистых бёдрах. Вот, пожалуй, и всё...

Надо бы как-нибудь разнообразить нашу повседневность. Остаётся только найти время, да сил побольше. Работа так сильно изматывает, какое может быть желание, после такого бешеного ритма жизни?

Хорошо, что я начала об этом задумываться. Буду стараться. С первой же зарплаты куплю сексуальные чулки и какой-нибудь соблазнительный комплект белья, как у девушек со страниц журнала для мужчин. Наряжусь и отблагодарю любимого за то, что он помог мне с работой. Думаю, Серёжка оценит.

Мои волосы, длиной до лопаток, сейчас собраны в конский хвост. Я ношу строгие юбки чуть ниже колен, блузки, которые застёгиваю до самого горла, иногда джинсы и мешковатые свитера. Косметикой пользуюсь, но в меру. Я не считаю себя уродиной, но я далеко не звезда журнала «Плейбой». Так что, когда Серёжа говорит о том, чтобы я не привлекала внимание хозяина отеля, я, конечно, немного пугаюсь. Но уже спустя секунду отмахиваюсь от этих мыслей. Чем я, такая замухрышка, могу привлечь внимание холёного

бандита-итальянца? У него, небось, имеются свои девушки для постели. Элитные.

– Ну что, идём, покажу тебе, что здесь, да как.

Мы выходим из машины. Серёжа берет меня под руку и ведёт к запасному входу в огромное девятиэтажное здание с большими панорамными окнами.

Я согласно киваю на слова своего парня. Цепляюсь за его пальцы крепче, чем необходимо. Но перед входом Сережа отпускает мою руку, мямля тихим голосом:

– Возможно, мы будем видеться очень часто. Но администрация не любит романы на рабочем месте. Просто знай, что я рядом и люблю тебя.

– И я тебя! – отвечаю ему едва слышно, а сама смотрю на сверкающее здание. Солнце, играющее в стёклах, слепит меня. Я как будто смотрю на сияющий, роскошный дворец, едва не ломаю себе шею, глядя ввысь, в уме считая этажи. Будто рай на земле. От этих мощных впечатлений моё сердце замирает в груди:

– Mamочки, мне это снится! Я будто попала в сказку. Неужели, я буду здесь работать?

* * *

Я работаю в «Grand Hotel» уже чуть больше недели и всё у меня прекрасно. Кажется, Серёжа зря меня страшил перед первым днём.

В «Grand Hotel» роскошные номера, приветливый персонал. Начальство очень строгое и требовательное, но понимающее – лишнего не требуют. Выполняй свои прямые обязанности идеально – вот что от меня требуется. И не приветствуется панибратство, я это поняла почти сразу же. Но, честно говоря, я и не пыталась здесь сильно сдружиться с кем-то из персонала. Я же пришла сюда работать.

Единственная, с кем я поддерживаю связь, это Оксана, администратор отеля. Она фигуристая брюнетка с приятными чертами лица. Именно благодаря ей я работаю в этом отеле. Серёжа попросил принять меня на работу и поручился головой. Встречая её, я всегда тепло здоровалась с ней и испытывала чувство благодарности.

Я считала себя должницей перед ней и долго гадала, как бы её отблагодарить. Надо бы сделать ей что-нибудь приятное в ответ. Возможно, преподнести презент. Но на работе дарить ничего нельзя – за этим строго следят. Да и денег у меня пока было не так много, чтобы дарить нечто ценное. Я дала себе зарок – купить Оксане с первой зарплаты что-нибудь ценное и запоминающееся. На память. А пока просто пригласила её к нам в гости. Тот вечер мне запомнился. Моя Катюха выдраила квартиру до блеска, я всю ночь накануне делала нарезку для салатов и лепила манты. Серёжа приехал голодный и почти сразу же сунул свой нос на праздничный стол, за что получил по руке. Оксана немного задержалась, но она была для нас дорогим гостем, поэтому мы дождались её

и только потом сели за ужин.

Я была ослеплена счастьем, а вот моей сестре Оксана не очень понравилась. Прямо моя сестра об этом не сказала, но я видела настороженный блеск в её глазах. Оксана поела совсем немного, едва пригубила вина. Она часто смотрела на часы, потом извинилась, что не может долго пробыть с нами и попросила Сергея отвезти её домой. Ведь сюда она добралась на такси.

Я с улыбкой отправила Серёжу выполнять поручение, сама прибрала посуду и отправилась в спальню. Распахнула полы халатика и хихикнула – под ним ничего не была, а мои складочки были лишены всех, даже самых крошечных волосков. Я заранее посоветовала Катюхе надеть беруши, чтобы не смущать сестрёнку стонами. Но я ужасно соскучилась по Серёже, ведь за всё то время, что я уже работаю в отеле, мы виделись всего пару раз. Нас поставили в разные смены и часто бывало так, что мы хотели встретиться, но вырубались, едва голова касалась подушки. Сегодня всё должно было случиться... Но Серёжа задержался, потом рухнул, как убитый, на кровать и пробурчал что-то про громадные пробки. Я шаловливо полезла в его трусы, но он уткнулся в мою шею, пробормотав, что устал. Но пообещал заездить меня до полусмерти в следующий раз. Почти сразу же он заснул. Ну и ладно... Главное, что мы вместе и любим друг друга!

Работать в отеле мне нравится. Я стараюсь изо всех сил, пытаюсь не подвести ни Серёжу, ни Оксану, поручившихся за меня. Вылизываю комнаты так щепетильно, будто от этого зависит моя жизнь. Пару раз меня даже похвалили. А постояльцы за труд оставляют приличные чаевые.

Не просто чаевые, очень щедрые чаевые, представляете?! В том отеле, в котором я работала раньше – в «Сударушке», в жизни не знали этого слова. А в этом щедром раю... Да с такими темпами нам и на свадьбу отгулять нормально хватит, и Катьку отправим за границу на учёбу уже к началу лета. Я самый счастливый человек на планете!

Думала я, улыбалась, растворившись в собственных мыслях, пока шагала по коридорам отеля со стопкой полотенец в руках. Я почти закончила на этом этаже, но... я вдруг поняла, что замечталась, как фантазёрка, и поднялась не на тот этаж. Чёрт! Я... я сунулась на запретную территорию. В люксы. На этом этаже находится излюбленный номер мафиози. Об этом девчонки за спинами шептались.

Слишком поздно я включила голову. Я хотела было развернуться и помчаться прочь, но сильный удар о что-то твердое и огромное сбил меня с ног.

Я падаю попой на пол. Полотенца летят во все стороны. Я не успеваю опомниться, поднимаю глаза вверх и вижу угрю-

мое, да такое опасное лицо черноглазого незнакомца, что хочется волком выть от потрясения. Паника. Ужас. Оголённые чувства хлынули по венам. Я гляжу за широченную спину амбала, и вижу там целую толпу, и других таких же жутких типов. Все в тёмных костюмах и все до единого рвут меня взглядами, как будто живьём режут на куски.

Проклятье! Я будто неживая кукла, раскинув ноги в стороны, лежу распластанная на полу, не могу пошевелиться. У меня не получается ни вдохнуть, ни выдохнуть, пока по мне с явным интересом шарят наглые глаза незнакомца. Его взгляд, как у хищной птицы – ястреба. Мужчина высокий, выше скалы, крепкий, накаченный. В дорогом костюме угольного цвета, отутюженным донельзя. Волосы чёрные, лоснящиеся серебром при ярком свете винтажных светильников, а глаза – два раскаленных угля. И в них ад кипит. Будто топит меня там с головой, вырывает душу из тела и устраивает ей вечные пытки.

Я смотрю в его глубокие глаза, мгновенно проваливаюсь в бездну. Потом уже, через пару секунд, до меня доходит истина. Это ОН. Леон Моретти. Хозяин отеля. Опасный бандит. Злобный мафиози. Дикий зверь. И лютый секс в чистом виде. Ходячий тестостерон, горяч, как кипящая лава, опасен, как чума, ужасен, как мировая атомная война.

О, мама дорогая! Он и правда сам бог.

Нет, не бог. А хуже. Он... дьявол.

И он пялится на меня так хищно, будто вгрызается в мою

плоть. Не глазами, а клыками, воображая меня его лакомой добычей. Хмурится, скалится, а потом вдруг, я слышу его хриплый и одновременно тягучий, как мёд, голос:

– Ух какая! Новенькая? – поворачивается к парням и раскатисто смеётся. – Я бы повертел на члене разок!

* * *

Подельники ржут, восхваляя главара, и он тоже. Демонстрирует всем свои белоснежные, идеально ровные зубы. Сексуальная улыбка. От такой запросто можно кончить в собственные трусики. Если ты, конечно же, влюбленная идиотка и знаешь толк в горячих самцах.

На долю секунды я отвожу взгляд вдаль коридора и в ужасе, там в углу, замечаю моего Серёжу. Он крайне недоволен. Сжимает кулаки, хмурится. Кажется, скандала не избежать. Он ведь предупреждал, чтобы я не совалась в люксы. Но я же случайно. Просто заблудилась.

Боже, какой позор! Я молюсь, чтобы любимый не услышал тех гадостей, что нарычал мне мафиози. Дикое, неотёсанное зверьё! Возомнил себя царём жизни, думает, что может вот так вот просто хамить и бросать мне, чужой невесте, такие грязные пошлости? Вот индюк недоделанный.

Я потею как раб в аду, ещё и краснею, будто на мне ни одежды, ни, тем более, белья. Как будто голая лежу с раскинутыми нараспашку ногами перед ротой страшных рож. Да,

вот тут-то я понимаю, что моя юбка действительно слишком пошло открыла всем присутствующим здесь мужчинам вид на мои стройные ножки и на мои трусики. С клубничками. Я пытаюсь опомниться после падения, прийти в себя. Сейчас я – кусок разделочного мяса, мишень для стаи голодного, дикого зверья. Быстрым рывком я одергиваю юбку вниз. Лихорадочно собираю с пола полотенца, но делаю только хуже. Я ведь, дурёха, в коротком платье ползаю на карачках перед опасным мафиози, а он всё также пристально режет меня взглядом. Невольно поднимаю голову выше. Вся кровь тела бьёт в лицо. Моя голова находится на уровне его... ширины. Буквально за секунду затаившаяся мужская плоть в модельных штанах превращается в большой и твёрдый бугор. В горле образуется пустыня. Поверить не могу, он там что, дубину прячет?

Пол под коленями проваливается, когда я вижу, как мафиози самолюбиво ухмыляется. Он опускается передо мной на корточки, властно хватает пальцами мои скулы, доминирующе их сжимает, и устрашающе рычит мне в лицо:

– Как тебя зовут, малышка?

Я игнорирую его вопрос, строю из себя немую. Любимый ведь просил, не смотреть дьяволу в глаза, не разговаривать с ним, тем более, не злить.

– Развлечёмся, чика?

Кто? Чика? Ну всё. Это уже слишком! Я сама не понимаю, откуда у меня находится капля смелости, а предостережения

любимого вмиг забываются.

Глубокий вдох, я уверенно пшикаю:

– Что вы имеете в виду? У меня парень есть.

– Уверена? Мы бы могли с тобой... немного пошалить.

– Как вы с-смете, – сердце бьётся на вылет где-то в ушах.

Я начинаю заикаться, ощущая неприятную пульсацию в висках.

– То есть ты отказываешься от моего предложения?

Какой раскатистый у него голос. Будто гром, зловещим эхом он льётся по коридорам отеля, аж стёкла на окнах, казалось бы, дребезжат. Хриплый, ледяной, с чётким акцентом. От баритона итальянца по всему телу сыпятся острые иголки.

– Простите, я лишь горничная. Вы меня с кем-то спутали.

С кем-то, имелось в виду с проституткой.

– Cazzo! Quindi sparisci dai miei occhi! Mi prendi il mio tempo!² – рычит черноглазый чёрт, едва не наступает на меня. Моретти брезгливо перешагивает через меня, будто я – всего лишь грязная лужа, демонстративно дёргает края своего роскошного пиджака вниз и, гордо расправив плечи, шагает дальше.

Я ни слова не поняла, но вряд ли зверюга одарил меня ласками, похвалив за труды, будто ценного сотрудника отеля.

Его свита вальяжно следует за ним. Они переступают через меня, копируя движения главаря, в то время как я пячусь

² – Блять! Тогда исчезни с глаз моих! Ты отнимаешь моё время.

назад, отползаю к стене и, в конце концов, нахожу в себе силы встать на ноги.

Шайка скрывается за поворотом коридора. Наконец, я могу сделать полноценный вдох. Яд его хищного взгляда до сих пор разъедает мою кожу. Но больше всего меня смущает то, что он, кажется, успел выяснить то, какого цвета мои трусики.

Я прихожу в себя от сильного рывка. Серёжа, весь такой взвинченный, разъярённый, хватает меня за руку, тянет на себя, грозно порывивая себе под нос невнятные ругательства и без особых излишеств тащит к лифтам.

Сейчас что-то будет. Чувствую, скандала не избежать.

Глава 3

Рабочий день закончен. Мы оказываемся на улице. Сергей грубо толкает меня в машину. Я даже переодеться не успела, набросила на себя плащ, так и выбежала из отеля в рабочей форме. Он смотрит на меня, как бык на красную тряпку. Ноздри раздуваются. Да он же едва в меня огнём не плюётся! Ревнует, что ли? Я ещё никогда не видела Серёжу таким разозлённым. Но ревность на пустом месте не возникает. Значит, он меня по-настоящему любит и боится потерять.

– Это что, мать твою, было? Какого хрена ты делала около люксов? Я ведь предупреждал! – цедит сквозь стиснутые зубы мой парень.

Автомобиль рычит, с рёвом срывается с места. Я не успела ещё пристегнуться и от резкого рывка с места чуть не ударились лбом о приборную панель.

– Серез, успокойся... Куда ты так гонишь? – прошу я.

– Зубы не заговаривай! Какого чёрта ты туда поперлась? Жопой сверкать?

– Прекрати ругаться. Я просто задумалась и заблудилась. Сама не поняла, как там оказалась... – оправдываюсь я.

Несмотря на мои просьбы, Сергей не сбавляет скорость. Я со страху хватаюсь двумя руками за сиденье.

– Что, понравилось лежать перед ротой уродов с распахнутыми ногами?

Я давлюсь собственной слюной от возмущения и впервые за столько лет совместной жизни не узнаю любимого. Его будто подменили. Даже лицо стало другим. Бледным, искажённым злостью. Как у какого-то психопата.

– Прекрати! Лучше следи за дорогой и сбавь скорость! – прошу в очередной раз, добавляя в голос больше мольбы.

Серёжа зло смеётся и вытаскивает из кармана пачку сигарет, закуривает, даже не открывает окно. В салоне становится нечем дышать из-за едкого дыма.

– Не кури, пожалуйста, ты же бросил! Мы ведь... на будущее хотели... для ребёночка.

Я пытаюсь выхватить из правой руки парня дымящуюся палочку, но он отмахивается. Продолжает грубить и злиться, не желая меня слушать.

– Для кого? Для ребёночка? – фыркает насмешливо. – Вот теперь я, Лина, честно не знаю, хочу ли я на тебе жениться, или...

– Останови машину.

Пауза. Сергей будто нарочно давит на газ.

– Останови, я сказала! Ты что оглох?!

Впереди мигает красный свет, шумные пешеходы гурьбой вываливаются на зебру. Сережа всё-таки притормаживает у пешеходного перехода, а я дёргаю дверь за ручку, выскакиваю прочь из машины и, не оборачиваясь, бегу в противоположную сторону от проезжей части, размазывая по щекам слезы.

Не могу поверить. Мы поругались. Впервые за три года, крепких отношений. Жду, что Серёжа бросится вслед за мной, догонит, утешит, обнимет и попросит прощения за своё поведение. Но ничего не происходит. Я быстро удаляюсь, понимая, что он не пошёл за мной. Я ему не нужна, что ли?

И чего он так взъелся? Я ведь случайно попала на тот этаж. Я не хотела привлекать к себе внимание головореза. Извинилась за свою оплошность. Да и мафиози на меня было, по сути, плевать. Ну потарачился на меня несколько секунд, ну гадость ляпнул. Вряд ли его заинтересовала моя тощая попа. Думаю, он так нарочно поступил, чтобы выпендриваться перед своими подчинёнными. Показать кто здесь босс, а кто навоз. Чтобы ценили его, боялись, уважали. Мы. Простые смертные.

Я бродила по городу около часа, до тех пор, пока не стемнело. Всё никак не могла успокоиться. Неужели, Серёжа меня разлюбил в один миг и свадьбы не будет? Или я просто себя накрутила?

Надеюсь, остынет. У Сергея бывает такое. Он вспыльчивый мужчина и может иногда резко сказать, вот как сейчас, когда раскричался на меня. Иногда Серёжа ревновал, если на меня другие парни косились. Правда, ещё ни разу не ревновал меня ни к кому так сильно, как к своему боссу. Странно всё это. Наверно, просто боится Моретти. Ну как же его не бояться? Одни глазища чего только стоят!

Если Сережа так люто сорвался, из-за какого-то там раздутого пустяка, то значит, я ему не безразлична. Хоть что-то радует. Я повторяю это снова и снова, чтобы не думать о том, что мы рассорились окончательно.

Грустная и уставшая, в конце концов я вернулась домой, а через час к нам в квартиру заявился Серёжа. Да не один. А с букетом душистых лилий. Он переступил через порог коридора, немного замялся, и сказал, прикрыв веки:

– Солнце, прости. Не знаю, что на меня нашло. Идиот я ревнивый, испугался за тебя. Честно, я в дела Леона не лезу. Моя задача – следить за отелом. Просто знаю, что он тёмный тип. Очень опасный. Уже вот жалею, что пристроил тебя туда работать.

У меня с сердца будто камень свалился. Я приняла цветы и обняла Серёжу. Он стиснул меня так сильно, что косточки хрустнули.

– Глупенький, ты испугался, что этот монстр меня у тебя утащит?

Любимый кивает. Грустный такой, растерянный. От него чуть веет алкоголем. Понимаю, что он тоже переживал.

– Зайдёшь? – шепчу. – На ночь останешься?

– Если позволишь... – говорит извиняющимся тоном.

Время позднее, Катя уже давно как спит. Я помогаю Сергею раздеться, беру его за руку и веду в свою комнату. Укладываю в кровать, наклоняюсь над его ушком и томно шепчу:

– Никто мне не нужен, Серёж. Я тебе верна. До последнего

вздоха твоя. Клянусь.

Любимый проводит ладонями по своим волосам, тяжело выдыхает, извиняясь:

– Детка, прости меня, дурака. Я люблю тебя. Больше жизни. Поэтому и сорвался. Испугался за свою малышку.

– И я тебя люблю. Давай больше никогда-никогда не будем ссориться?

– Давай. А теперь отдыхай. Сладкий снов, детка.

Любимый ласково целует меня в щёчку, тянет на себя, укладывает рядом и крепче прижимает к своему крепкому телу. Я успокаиваюсь, обмякаю в его тёплых объятиях, вся боль в душе растворяется в сладкой пелене счастья. Мы вместе. Сережа снова мой.

Вот только есть одно но... Этой ночью меня до самого утра мучили кошмары. Мне снились чёрные, как яд опасные, глаза самого страшного человека в городе. Леона Моретти. Вместо того, чтобы думать о Серёже, я почему-то всю ночь думала о проклятом дьяволе.

* * *

У Сережи сегодня выходной, я еду на работу на автобусе. Как хорошо, что мы помирились. Клянусь, больше ни ногой туда – на верхние этажи небоскреба. Я вспоминаю лицо Леона Моретти. Страшно. Б-р-р. Со мной как будто говорил сам окаянный. Жуткий тип. Но что-то в нем есть такое притяги-

вающее. Много жара, секса, власти. От него классно пахнет. Лицо чуть покрыто брутальной щетиной. На груди золотая цепь. На запястьях браслеты. Тонкие, чуть изящные пальцы, и те в золотых кольцах. Также на фалангах я успела рассмотреть какие-то замысловатые тату – непонятные символы.

Может быть Серёжа прав? И мне стоит уволиться? Как-то страшно работать под боком у того, кто, возможно, убивает людей и промышляет всякие тёмные делишки? Раньше я наивно считала, что такие жаркие типы и настоящие мафиози существуют только в голливудских фильмах. Реально, трудно поверить и смириться с тем, что я повстречала на своём пути настоящего бандита.

Теперь я работаю с большей осторожностью. Не суюсь на верхние этажи отеля, веду себя как мышь, молча выполняя работу. Но какое-то странное ощущение не даёт мне покоя. Будто за мной следят. Здесь камеры повсюду. Возможно ли то, о чём я думаю? Бред. Нужна я бандиту? Что-то я слишком много думаю о проклятом Моретти. Занозой в голове засел, с чего бы это? Сама никак не пойму. Надо свадьбу распланировать, переезд сестры. Не о том ты, думаешь, Лина. Вернись на землю, в чём дело?

Я легонько стучу себя кулаком по макушке, гоню надоедливые мысли прочь, принимаюсь за дело. Работы сегодня непочатый край. Интересно, чем мой Серёжа занимается? Говорил, будет целый день колупаться с тачкой в гараже вместе с друзьями. Пусть отдохнёт немного в компании парней,

пивка выпьет, пообщается с приятелями немного, развеется, чтобы настроение улучшилось после ссоры. Вечером я приготовлю любимому ужин при свечах. Пожалуй, заявлюсь к нему домой сама лично, с сюрпризом. И... О, да! Я смогла выкроить немного денег. Куплю сексуальный комплект белья с чулками, как хотела. Отличный план! Поскорее бы вечер настал...

Я закончила работать в семь часов. Одеюсь, побежала в магазин, закупились выпивкой и продуктами по полной программе. Еле-еле допёрла сумки до квартиры Серёжи. Жала на звонок минут двадцать, наверно. Топталась возле его квартиры, но мне так никто и не открыл. План провалился к чёрту. Тогда я набрала его номер – не отвечает. Дурацкие сомнения острыми щипцами терзали мою душу, мечтая вырвать её с корнями. Я ещё немного посидела на ступеньках в подъезде, после, плюнув на всё, поехала домой.

«Так, Лин, только спокойно. Может и правда выпил с парнями? Да задремал там в гараже, к утру оклемается, позвонит. Его ведь... его ведь не повязали мафиози? А вдруг... Нет! С ним всё хорошо. Не накручивай себя!» – я нервно шептала вполголоса себе под нос.

– Смотри, куда прёшь! – визгливо вскрикнула женщина, толкнув меня локтем. Я словно очнулась и посмотрела на неё. Кажется, я от тревоги задумалась и брела, не разбирая дороги. Вот и на скандалистку умудрилась наткнуться. Я торопливо извинилась, но сварливая баба долго кричала мне

вслед обвинения.

Тревога скручивала внутренности в морской узел. Дурное предчувствие не давало спокойно вести себя. То, о чем чаще в его думаешь, рано или поздно случается. Ведь мысли материальны – так гласит закон вселенной.

Нет, Серёжа не пострадал от рук банды Моретти, как я когда-то думала и боялась, что они втянут его в какую-нибудь мусть, после чего он попадет в беду.

Хуже. Всё вышло намного хуже.

Я возвращаюсь домой никакая. Сбрасываю туфли на пол, небрежно швыряю в угол пакеты с шампанским, фруктами, сырами и мясной нарезкой для романтического ужина. Ой, да чего там только нет! И всё насмарку. Теперь пировать вместе с сестрой придётся, не пропадать же добру. Я такая выжатая, как лимон. Я даже не успела примерить те сексуальные чулки с ажурным кружевом, а так хотела быть для любимого сегодня желанной и красивой. Я ужасно расстроена. Неудавшиеся планы меня подкосили очень сильно.

Из ванны доносится журчание воды. Катя плещется в душе. Что ж, не буду ей мешать.

– Кать, я пришла, – грустно бурчу я в дверную щель.

Она что-то мне рявкает в ответ, но я не слышу. Я плетусь в свою комнату, едва передвигая ногами, как столетняя старушка. На ресницах скапливаются слёзы. Мне очень обидно. И в то же время страшно. Я невероятно сильно волнуюсь за

любимого. Чем дольше тянется время, тем больше бьётся в груди сердце.

Я падаю на кровать. Пялюсь в потолок на пожелтевшую с годами побелку. Надо дождаться весточки от Серёжи. Только взгляд беспомощно скользит по жёлтым пятнам, потолок как будто давит на меня сверху. Веки слипаются, постепенно опускаются вниз. Кажется, я даже немного задремала.

Но через некоторое время я подскакиваю на месте, будто меня только что огрели чем-то тяжелым по голове. Сердце бешено колотится в груди, во рту сухо. Я кое-как продираю глаза и сквозь дрёму слышу громкую мелодию входящего вызова. Что? По «вайберу»? Онлайн звонок? С видео? От Серёжи. Громадное облегчение проносится по телу жаркой волной...

Ну слава богу! Объявился. И почти сразу же я начинаю немного злиться. Неужели не мог предупредить? Кинуть сообщение, да хотя бы «маякнуть» немного раньше о том, что он всё ещё существует в этом мире? Я ведь уже считала его призраком, честное слово.

Вот я ему сейчас устрою взбучку! Совсем обнаглел!

Я быстро растираю слёзы по вискам дрожащими ладошками, хватаю смартфон в руки, тыкаю на кнопку «ответить на звонок» на экране, но не получается с первого раза по ней попасть. Руки вообще словно не мои. Наконец, я справляюсь с этим простым действием и отвечаю. Взволнованным, невнятным тоном. Нет, не отвечаю. А кричу во все лёгкие:

– Серёжа-а-а! Ты совсем сдурел?! Ты почему не отве...

– Рот закрыла, курица драная, и слушаешь сюда. Очень внимательно!

Голос резкий и грубый. Сиплый, как у заядлого курильщика, и совершенно мне незнакомый. Сквозь выступившие слёзы я смотрю на экран и словно падаю в пропасть с обрыва.

Я не верю собственным глазам. Я будто растворяюсь в воздухе, стораю в огне, превращаясь в пепел. На меня с экрана телефона смотрит кто-то неизвестный. На лицо натянута трикотажная маска, с прорезями для глаз. На ней белыми красками очерчен жуткий рисунок человеческого черепа. Первая мысль в голове набатом врывается в мозг – террорист.

Господи, нет! Это ведь не то, что я думаю?

– К-кто вы? Где мой п-парень?

Мне очень страшно. Я балансирую на грани обморока.

Камера трясётся в руках неизвестного оператора, связь периодически скачет. На заднем фоне я слышу чьи-то голоса, стоны, крики. Мурашки и липкий страх душит меня невидимой змеёй, оборачиваясь плотными кольцами вокруг шеи, перекрывая весь доступ к кислороду. Я начинаю оседать на полу безжизненной куклой. Потому что вижу знакомый силуэт в углу какого-то грязного тёмного помещения. Склад? Или заброшенный завод? Это может быть всё, что угодно.

– Серёжа! – реву я, захлебываясь в слезах.

Что это? Что это, чёрт возьми, такое? Чей-то идиотский

панк? Глупый розыгрыш Сергея и его дебилов-дружков? Побухали в гараже, называется.

Я переубеждаю себя любыми способами, отрицая реальность. Потому что не хочу верить в то, что моего любимого в самом деле похитили. Нет, происходящее не похоже на кино. Слишком убедительно играют. Мой парень с опущенной головой сидит привязанный к стулу. Он будто не дышит. Жив ли? Мамочки!

– Что с ним? Что вы сделали, мерзавцы? – я вою, срывая голос, в собственную ладонь. Слепну от обилия слез, что бурным водопадом разъедают мои веки.

Серёжа, весь обмотанный веревками, обмякает без сознания. На экране туда-сюда шныряют массивные тени – две сбитые, рослые фигуры в масках. Я понимаю, что мне нужно собраться, принять эту суровую реальность вопреки всему, чтобы начать действовать. Я внимательно осматриваю видео с помещением, пытаюсь запомнить хоть какие-то детали, найти хоть какую-нибудь зацепку, с целью понять, где держат любимого. А потом срочно позвонить в полицию.

Громоздкая тень появляется в кадре. Это мужчина, тоже в маске и в чёрном спортивном костюме – высокий амбал. Он подхватывает с пола ржавое ведро, выплёскивает его содержимое точно в лицо Сережи. Я прикусываю нижнюю губу. До отрезвляющей боли. Потому что вижу лицо любимого. Оно разбито. По щекам стекает вода, смешанная с кровью. Серёжа приходит в себя. Жалобно стонет, мычит. Боже! На

нём нет живого места.

Ублюдки. Они его избили. Некогда красивое лицо возлюбленного опухло от сильных побоев. Вот теперь я понимаю, ситуация слишком реальна, чтобы казаться розыгрышем.

Секунда, камера снова показывает одного из уродов в чёрной балаклаве, а на заднем фоне кряхтит мой Сергей. У него едва получается открыть глаза. Точнее, один глаз. Потому что второй – заплыл и опух. С замиранием сердца, я жду суда. Бандит обращается ко мне, выдвигая свои условия.

– Значит так, шкура, отныне будешь делать так, как мы говорим. Будешь послушной – и твой сопляк будет жить. Если ослушаешься, он сдохнет прямо сейчас.

– Что? – я зажимаю рот ладошками сильнее. Просто поверить не могу!

А может я сплю? Может мне всего лишь кошмар приснился? Я прикусываю губу до крови. Разлившийся вкус металла и боль от всего происходящего слишком реальны.

– Слышь ты, сопли подтягивай, башку включай и слушай, чё тебе делать надо! – сипит похититель. – Ты должна втереться в доверие к Леону...

От одного звука этого имени меня словно кипятком обливают с ног до головы.

– Да вы с ума сошли! Как я, по-вашему, это сделаю?! За чем?!

– Плевать, как... Будешь следить за ним и приносить нам

сведения в клювике. Кумовкой будешь. Стукачкой, по-твоему. Ясно?

– Нет... Вы просто сошли с ума! Это же не... не... нереально!

– Нереально, говоришь? – глумливо смеётся похититель и перемещает камеру. – А как тебе это?

Внезапно, Сергей приходит в себя. Из последних сил он делает рывок на стуле и жалобно вопит осипшим голосом:

– Детка, не слушай их! Прошу! Бери сестру и бегите из горо...

Удар. Стон. Крик.

Это кричу я, давясь слезами. Твари! Они бьют его. Гурьбой. Беззащитного, немощного. Забивают как телёнка на бойне. Месят кулаками и ногами его и без того ослабленное тело. Крики любимого рвут мою душу в клочья. Я не хочу жить, глядя на его боль. Я понимаю, что ничем не могу ему помочь. Я чувствую себя виноватой и немощной тряпкой.

– Беги, детка... Беги! – хрипит мой Серёжа.

– Заткнись, сука! Убью тебя, прирежу! На глазах у твоей подруги! – ревет один из похитителей, обрабатывая моего парня чередой мощных хуков.

Свежие ссадины, вопли, рвущие душу... Капли крови на одежде и грязном бетонном полу... Как он вообще до сих пор дышит?

– Прошу нет! Нет! Нет! Хорошо, хорошо! Я согласна. Но как? Как я сделаю то, о чём вы меня просите?

Камера опять показывает лицо главного ублюдка. Вернее, его маску. С ликом «черепашка». Только так я их и различаю. Других примет нет, а голоса у подонков слишком похожи – грубые и хриплые.

– Нам насрать как, но ты это сделаешь, если не хочешь, чтобы из-за твоего тупого упрямства сдох человек. Хоть шлюхой предложи Моретти себя, плевать. Ты телка норм, Моретти понравится. Поразвратней на себя что-нибудь напаяй, член ему полижи, дырочками перед ним поверти, и он весь наш. Хорошенькие бабы – его слабость. Тем более, сочные блондиночки, – утырок глумливо мне подмигивает. – Тем более, птичка в клювике принесла нам весть, что твоя жопа Моретти приглянулась... Так что не робей, краля!

В кадре появляется еще одна рожа – напарник главного:

– У тебя есть ровно два дня, чтобы принять предложение. Два дня, ты должна вступить с ним в контакт. Скажи, что бабки нужны срочно, или мол развлекись охота. В общем, прояви фантазию, детка. Уж постарайся. И тогда твой ненаглядный будет жить. А нет, ищи его в лесу, под ёлочкой, и собирай там кусками как пазл.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Пощадите, отпустите! – я падаю на колени, молю нелюдей, сжимая руки на сердце, давясь едким напором слёз. Но бандиты будто не слышат. Их требование – закон. Неподчинение – смерть.

– С нами связи не ищи. Мы сами свяжемся. Сообщения постоянно удаляй. Постарайся не палиться! Спалишься –

Серж твой труп. Чтоб никому и звука! Сама рядом с ним в гроб ляжешь, если ментярам взболтнёшь, или хуже – самому Моретти.

– Нет! Серёжа-а-а-а! Нет!

Ещё пара сильных ударов. Стоны любимого набатом режут уши и видео обрывается. Я практически без чувств падаю на пол, захлебываясь в обильных слезах и собственной беспомощности.

Я ничто. Я пыль под ногами. Отныне, я стала пешкой в чужих, погрязших в крови руках.

Глава 4

– Лина... Лина, очнись!

На моё лицо обрушиваются сильные хлопки. Щёки горят от хлестких ударов. В уши врзается плач сестрёнки. Я едва разлепляю глаза. Комната плывёт, потолок раскачивается и как будто вот-вот рухнет вниз, раздавив меня.

– Ты очнулась!

Катя стискивает меня в сильных объятиях. Она только что вышла из ванной, её мокрые волосы липнут к моей шее, а кожа пахнет апельсиновым гелем для душа.

– Кать, ты меня задушишь...

Мой голос звучит, словно мышинный писк. Я заставляю себя собраться, хотя хочется выть от безысходности. Хочется пальцами вырыть себе в могилу и лечь в неё, попросив, чтобы закопали прямо так, живьём!

– Я так испугалась... Так испугалась. Мне показалось, что я слышала твои крики. Едва вытерлась и сразу пошла к тебе. А тут ты-ы-ы... – Катя рыдает в голос. – Без сознания. Я думала, что ты... как тогда. Когда с сердцем плохо стало.

– Это был простой обморок. Тогда и сейчас, – глажу сестрёнку по волосам, успокаивая. Какая же она у меня маленькая и нежная, хрупкая. Как хрустальная. И как же сильно я хочу, чтобы её ничто не коснулось – ни одна дурная весточка, ни одна капелька грязи, чтобы на неё не попала.

– Всё будет хорошо, Катя... Ну... Прекрати. Я просто устала сильно. Видела же, сколько вкуснях притащила. Как верблюд выучный. Видела же?

Сестра машет головой отрицательно и не торопится меня выпускать из объятий. Я прихожу в себя и замечаю телефон, валяющийся рядом на полу. Похоже, что я грохнулась в обморок. Но хуже всего то, что в диалоге с похитителями фото высвечивается. На нём Серёжа связанный, едва живой. Сердце снова колет, в него как будто спицей острой тычут – так больно. Но надо сделать всё, чтобы сестра ни о чём не прознала. Я же теперь грязью должна стать, подстилкой. Как девки на панели, только хуже гораздо. Те хоть из любви к искусству ноги раздвигают, а я из-за гнусного шантажа должна под голову реза лечь, влезть в его душу ядовитой змеёй и стучать, сливать информацию незаметно. Кем они меня считают? Матой-Хари? Агенкой-007? Ларой, расхитительницей гробниц?

Глупости какие-то! Глупость, не глупость, а делать что-то надо. Я держу сестрёнку, а сама гипнотизирую взглядом экран телефона. Жду, пока он погаснет. Потом незаметно его к себе ногой подталкиваю и прошу сестрёнку принести мне воды.

– Мне сразу полегчает, а потом мы с тобой за ужин примемся! – говорю бодрым и фальшивым голосом.

Сестрёнка отстраняется и послушно выходит, но в дверях спальни замирает, оборачивается. Смотрит мне прямо

в глаза решительно и как будто что-то сказать хочет, но потом выходит. Я встаю с пола. Хватит лежать, барышня кисейная! Нашла время в обмороки падать. Спасать тебя, милая, некому. Рыцарь не прискачет, и волшебница-фея палочкой не взмахнёт. Опять придётся делать всё самой. Всегда сама. Я иногда себя чувствую лошадью на пашне. Как с гибели родителей упряжку надела, так и тещу всё. Нет того, кто мог бы проблемы мои решить. На Серёжу так надеялась, а он сам в беду попал. Возможно, даже из-за меня. Ведь если бы я Моретти не приглянулась, Серёжу бы и не похитили.

Это означает только то, что среди людей Моретти есть стукач, есть человек его конкурентов. Яблоко изнутри уже гнилое, за Леоном наблюдают, шпионят прямоком из святая святых – его главного отеля.

Я поспешно открываю сообщение и читаю короткую надпись под фото: «Для вдохновения! Сразу удали!»

Я так и поступаю – удаляю фотографию и стираю данные вызова из журнала звонков. Потом иду в ванную и умываюсь холодной... нет, не холодной, ледяной водой. Мне нужно мысли прояснить так, чтобы они чёткими стали и чистыми, как стёклышко. Нужно придумать план... Хотя, какой может быть план в моём случае?

– А ты уже здесь? – в коридоре появляется сестра со стаканом воды. Я осушаю его залпом и возвращаю уже пустым.

– Спасибо! Мне уже полегчало! – хватаюсь за ручку пакета с продуктами. – Поможешь отнести?

– Помогу, конечно! – всплескивает руками Катя и суёт свой любопытный носик в пакеты. – Что у нас вкусненького сегодня? О, виноград «дамские пальчики»... Сырокопченая колбаска... Груши медовые! Даже ананас! – смеётся она, подкидывая диковинный фрукт. – И как мы его чистить будем, ну? Все пальцы себе почируем! А это что такое?

Сестра ловко выхватывает полиэтиленовый пакет с чулками. Я его засунула в спешке между упаковкой нарезанной колбасы и бутылкой шампанского. Так и забыла.

– Чулки... – сестра откладывает их в сторону. – Лин, ты же не меня хотела побаловать, да? Это же всё для посиделок с Серёжей! Но сюрприз не удался. Почему?

Я тяну руку за чулками и выхожу из кухни, бросив через плечо:

– Фрукты помой!

Захожу в спальню. Лицо горит, уши тоже. Тон сестры ничего хорошего не сулит. Гадаю, могла ли она видеть фото Серёжи. Хоть бы нет, пожалуйста! Хоть бы не видела! Я прячу чулки на полке комода, с тоской думая о том, что впервые я потратила целую тысячу рублей на чулки, но так и не надела их для любимого. Чулки, по иронии судьбы, итальянские. Не дойдя до кухни пару шагов, я прыскаю со смеху. Это не ирония судьбы, это смачный плевок! Намёк... Иди, мол, к Моретти итальянскому мафиози, и раздвигай свои ножки в этих самых чулках.

– Лин? – зовёт меня сестра. Я вытираю слёзы, выступив-

шие на глазах, и возвращаюсь на кухню. Мы вместе готовим ужин. У нас сегодня пир горой – столько вкусняшек, как будто Новый год или Восьмое марта, ей богу!

Сестра уплетает за обе щеки, а я едва заставляю себя клевать по зёрнышку, словно Дюймовочка. Щипаю немножко, больше болтаю, чтобы спрятать свои истинные переживания и мысли за простым трёпом. Ананас мы так и не стали резать. Говорят, после них язык жжёт, если много съесть, да и кусок уже в горло не лез. Оставили его на столе. Сестра вызвалась мыть посуду.

– Посиди, тебе отдохнуть надо. Ты же у нас добытчица! – говорит она и решительно отбирает у меня губку для мытья посуды. Она тщательно моет тарелки и даёт мне в руки полотенце, чтобы я вытерла насухо всю намытую ею утварь.

Очередная тарелка оказывается в моих руках, я тяну её, но сестра не отпускает. Я поднимаю на неё недоумевающий взгляд. Катя смотрит на меня серьёзным взглядом, взрослым. Такого взгляда я у неё никогда ещё не видела.

– Лина! – твёрдо говорит она. На тебе лица нет. Что случилось?

– Ничего!

– Я уже не маленькая! – требует, даже ногой топает. – Я всё пойму. Ты можешь мне доверять.

Нет, крошка, ты ещё очень и очень маленькая, чтобы знать, какие гнусности творятся в мире больших денег и серьёзных бизнесменов. Каждый из них может оказаться пре-

ступником и может сделать тебя объектом насмешек, может уволить тебя или оставить из прихоти, может подвести тебя под удар, сам того не подозревая. Извини, Катюша, но я не могу быть с тобой откровенной в этом вопросе. Я лучше на лысо побреюсь, чем втяну тебя в это болото грязного шантажа.

– Ты права, – вздыхаю. – Кое-что случилось...

– У Сергея проблемы?

Сердце замирает. Чёрт! Неужели она успела увидеть фото?!

– Это связано с Сергеем, но не так, как ты думаешь. Ему понадобилось срочно уехать. Так он сказал... Временно мы расстались. О свадьбе пока можно и не мечтать, – я всхлипываю, прикрывая глаза, чтобы сестра не видела, какая я наглая и жалкая лгунья.

– Расстались? – недоверчиво переспрашивает сестра. – Вы же о свадьбе уже думали... Как можно расстаться накануне такого?

– Не знаю, Кать... Вернее, понимаю, в чём причина расставания. Ревность...

Я отворачиваюсь и встаю со стула. Беру стопку тарелок и кладу их в посудницу.

– Сергей у тебя собственник, но он вроде спокойный такой.

– Не в этот раз, Катя... Там на работе шишки важные крутятся, господа всякие. Для них мы – даже хуже пыли, не за-

мечают. И считают в порядке вещей обозвать гнусно, ниже плинтуса опустить... Пошутить гадко, предлагая всякое. Серёжа стал свидетелем такой гадкой сцены и взревновал очень сильно. Подумал, что я алчная, ведь тот человек был при больших деньгах, я не хотела проблем и отвечала ему слишком спокойно...

Я вру. Так складно вру, что сама начинаю верить. Кажется, я схожу с ума... По-настоящему. Верить в собственное враньё – надо же было до такого докатиться!

– И Серёжа бросил тебя из-за такой мелочи?

Я чувствую, что Катя мне ни капельки не верит. Но я пытаюсь вести себя так, словно говорю чистейшую правду.

– Это не мелочи, Кать. Это доверие. Для пары это очень важно. Вырастешь – поймёшь, – щипаю её за нос и ухожу к себе, показывая, что разговор закончен и иной версии не будет.

Ночью я плохо спала. Едва могла уснуть. Пришлось принять снотворное. Зато продрыхла беспробудно и едва не опоздала на работу. Закинула в сумочку больше косметики, чем обычно, швырнула чулки и надела любимые трусики. Розовые. С клубничками. Мне они начали казаться гадкими после того случая с Леоном. Но я должна сделать всё, чтобы добраться до него. Решила не откладывать в долгий ящик, да и времени у меня было не так уж много. Всего пару дней, чтобы дать понять, что я приступила к выполнению своей

миссии.

На работу я едва не опоздала, за что получила предупреждение. Сначала прибралась всюду, на своих этажах. Во время работы прислушивалась ко всему, что происходит в отеле, и подслушивала сплетни других девочек о постояльцах – кто, где и что натворил. Пыталась понять, в отеле Моретти или нет. В разговоре одной девочки проскользнуло, что Моретти безвылазно сидит в своём номере и работает – знай по клавиатуре стучит и даже на сантиметр не сдвинется.

Вот он, мой шанс! Я поспешно разложила отельное бельё на полки, заглянула на кухню и тайком выпила вино для храбрости. Я пригубила из чужого бокала – по словам официанта снобам не понравился цвет напитка, недостаточно рубиновый. Потом я схватила первый попавшийся картонный пакет с эмблемой отеля и уединилась в дамской комнате. Я поспешно стянула с себя трусики и положила их в пакет.

Не думаю, что меня просто так пустят к Моретти. Придётся умолять охранников впустить меня. Или дать Леону знать, что пришла та самая девушка, с которой он хотел развлечься.

Молю небеса, чтобы он помнил обо мне. Это мой единственный шанс. Иначе мне и Серёже – каюк полный. Пусть Леон вспомнит обо мне... Пожалуйста, боже, пусть всё получится...

Я поднимаюсь на запретный этаж. По своей воле. Каблуки бодро отбивают мой шаг по мрамору, а потом утопают в

мягком ворсе ковра. Номер Леона всё ближе и ближе. Возле дверей стоят два верзилы, готовые убивать одним лишь взглядом.

– Куда? – рыкает охранник, вставая передо мной. Второй лениво сдвигается на шаг, заграждая собой проход к двери.

– Я к Леону.

Стараюсь говорить так, чтобы голос не дрожал. Я должна быть сильной и выглядеть соблазнительно. Так, чтобы меня хотелось трахнуть, а не пожалеть.

– Босс занят. Не принимает. Проваливай.

Охранник переводит скучающий взгляд мне за спину.

– Доложи Леону, что я пришла.

– Пришла кто? – охранник едва ли не сплёвывает презрительно. – Ты же горничная? Так обслуживание номеров не заказывали. Ну, а если ты решила подработать в качестве шлюхи, то Леон тебя не примет. У него элитные девки имеются...

– Не тебе решать, примет меня Леон или нет. Скажи ему, что я пришла! – чеканю, глядя в глаза наглому мордовороту. – Если Леон узнает, что я приходила, а ты даже не доложил ему, тебе не поздоровится.

– Да кто ты вообще такая?

– Марат! – негромко зовёт его второй охранник. – Делай, что она говорит. Я слышал, что босс к её заднице примерялся.

– Хорошо, – нехотя говорит охранник. – Как доложить

ему о тебе?

– Просто передай ему это!

Я вкладываю в ладонь охранника крохотный картонный пакет. В нём лежат мои трусики. Клубничные, так сказал Леон, когда увидел меня в них. Уверена, он сразу поймёт, кто стоит за дверью. Пока первый охранник скрывается за дверью роскошных апартаментов, второй неторопливо оглядывает меня.

– Слыхал, твой Серый свалил куда-то? – спрашивает он.

– Да.

– Куда?

– Тебе зачем знать?

– Ну так... – охранник скользит липким взглядом по моей фигуре. – Леон одну и ту же девку долго не трахает. Отъездит своё. Кидаю своё предложение. Подумай... У меня ранг высокий. Баблишко имеется. Острова, шмотки, цацки... Всё, как вы любите.

Я стараюсь не дрожать. Но это тяжело. На мне короткая форма горничной, ажурный чулки и туфли на убийственно высоком каблуке. Никакого белья. Дверь номера распахивается. Марат выходит и кивает хмуро в сторону номера.

– Проходи! Леон ждёт.

Я делаю шаг вперёд. Пути назад уже нет. Началось моё падение в пучину похоти и разврата...

Глава 5

Леон

– Босс, к вам шалава просится...

Я поднимаю взгляд, пригвождая Марата к месту.

– Что значит, просится? Я тебе, блять, что, дом милосердия или церковь, чтобы ко мне проситься?!

Марат отрицательно машет головой.

– Ровный сказал, чтобы я доложил. Там эта... шлюха-горничная. Она ещё жопой своей светила. Ровный сказал, что вы помните её. И вот ещё... – Марат мнётся на месте. – Отдать вам лично в руки.

– Ну... – захлопываю ноутбук и отставляю в сторону. – Живее давай. Чего мнёшься? Время зря отнимаешь!

Марат торопливо отдаёт мне картонный пакет и отходит обратно к двери. Едва заглянув внутрь, я понимаю, что это, блять, такое. Трусики моей новенькой горничной. Ага, не шкура значит? Передумала, всё-таки. А ведь утверждала, что у нее парень есть и я обознался, когда заявил на нее свои планы. Ну-ну. Все вы дырки одинаковые. Или она просто потупить решила? Нарочно? Цену себе набить. Ещё ни одна потаскушка мира, на которую пали мои глаза, не говорила мне, Леону Моретти, хозяину многомиллиардного состояния, «нет».

Пальцы мнут тонкую ткань атласного белья. Ещё тёпую. Стянула их с себя совсем недавно? Член мгновенно каменеет от мысли, что она стоит за дверью. БЕЗ ТРУСОВ. Двуличная шлюха долго думала и решила сделать мне приятное? Я хорошо запомнил её. Сразу же. Даже раньше, чем она в коридоре корячилась на четвереньках.

«Grand Hotel» – огромный. Лучший в своём роде. Здесь работает столько персонала, сколько муравьёв в муравейнике. Жизнь кипит. День, ночь – без разницы. Звёзды, спортсмены, политики, элитные шмары и криминальные авторитеты. Стены моего отеля видели многих и, готов поспорить, увидят ещё больше.

Персонал должен быть на уровне. Вежливым, тактичным, умелым. У меня есть специально подобранные люди, которые проверяют всех, кто устраивается сюда работать. Есть и те, кто проталкивает своих. Например, Оксана. Да, я знаю, что администраторы пытаются пристроить в тёплое местечко своих знакомых. Человеческая натура такая – жадная. Ничего не сделаешь. Сколько ни плати, они, видя золото и роскошь, мечтают срубить ещё больше. Разумеется, берут не просто так. Уверен, что каждый, кого приняли «по-знакомству» отстегнул и немало. Да, я об этом прекрасно знаю. Так же как знаю, что в моей господской воле выкинуть каждого и проехаться по нему катком, не оставив и мокрого места. Я позволяю им делать это. Я закрываю на это глаза, потому что денежный бизнес моего уровня – не может быть кристально

чист.

Но я закрываю глаза до тех пор, пока всё идёт пучком. Я знаю всё обо всех, кого приняли «по-знакомству», и даю команду проверить их ещё раз. Знал и о девчонке, новой горничной. Алина, кажется, так её звали. Мне сразу в глаза бросилась её фотография из личного дела – пухлые губы, слегка распахнутые, как будто что-то говорила фотографу, а он снял её в тот самый момент. Большие, ясные глаза. Светло-русые волосы, с каким-то редким розовым отблеском. Ничего грандиозного, всё натуральное. Но член в тот момент встал по стойке смирно. От девушки веяло чистотой какой-то. Вроде взрослая девица, двадцать шесть ей уже. Кажется, есть в ней даже характер, но всё равно чистая. Я таких давно не драл. Уже забыл, каково это, врезаться в узкую щель и чувствовать, будто ты открываешь перед ней целый мир порочного удовольствия, а сам познаешь новые уникальные горизонты.

Незаметно для себя я опустил руку, рванул собачку на ширинке брюк вниз и погладил пальцами набухший ствол. Вздрочнул, глядя на фото блондинки. Как пацан малолетний. Быстро кончил, перевёл дыхание. Хочется её... Клубничную куклу мою.

Проверить Алину Полякову не составило большого труда. Оказывается, женишок у неё имелся. И тоже из персонала. Но шашни на службе не водили, в подсобках, как кролики, не пёхались. Занятная... Очень занятная. Прокрутить бы её

на члене разок и послушать, как она кончает – визжит, стонет или орёт, как дикая самка в брачный период.

Потом она случайно попалась мне на пути. Засветила свою попку, фигурку и ладные сисечки. Вблизи, в реальности всё оказалось даже вкуснее, чем в мечтах. Но она оказалась с гонором – на предложение пройти в номер, отказала. Я мог бы приказать своим парням растянуть её там же – оттрахал бы до визга. Но отпустил. Решил понаблюдать. И сегодня...

Bravo, bravo, signorita! Она пришла ко мне сама... Без трусиков. Неужели тоже шлюха?

– Ну так что, босс?

Я смотрю на Марата. Весь в раздумьях. Забыл, что он здесь стоит.

– Запускай, – велю. – Пусть войдёт. И не тревожьте меня до утра. Пусть там хоть ядерная зима начнётся. Всё понял?

– Да, босс!

И она вошла.

Разверзся мой личный ад. Хотелось отыметь её сразу же. Взять и в попку, и в сладкий ротик. Оттрахать грязно. Жёстко. Пошло. Чтобы долбили яйца и хлопало везде. Ведь шлюха же, ну? Такая же. Как все. Ничем не лучше. Но кончала она подо мной так, словно впервые мужика попробовала. Прибор у её женишка был меньше, что ли? Не доставал, куда надо? Или просто не умел им пользоваться? Как она кончает, bella! Стонет нежно – уши ватой сладкой заклады-

вает. Обычно я продажных женщин трахаю ради своего удовольствия. Плевать, кончила или нет. Главное – я и мои желания. Но с ней я сначала почувствовал её первые судорожные сжатия и обильные оргазмы. И только потом приступил к удовлетворению своих appetitov. Я так сильно хотел её поймать, что резинка лопнула. Давно член так не разбухал. Давно не хлестал похотью всю ночь напролёт.

Теперь она спит. Спит, bella... Её тело – как карта ночных развлечений. Мои пальцы, отметины ладоней. Засос, укус, следы щипков. Натёртости от щетины. Вся помечена. Или не вся. Остаётся на сладкое то, что прячется между упругих половинок её задницы.

Член снова каменеет, наливаясь спермой и кровью. Проклятье. Я словно пять лет не трахался и дорвался до женщины. Хочется взять её прямо сейчас, сочную аппетитную. Лечь на бок и раздражить клитор. Несколькими толчками наполнить тугую киску и размять колечко попки. Подготовить к члену.

Придётся долго готовить её узкую дырочку для анальных забав. И они обязательно будут, если я решу оставить Клубнику себе. Женщин я прибираю к рукам полностью. В постели они мои рабыни для плотских утех. Их тела – мои инструменты. Я играю на них, как пожелаю. Когда пожелаю. И в такой позе, в какой пожелаю. Клубничку я хочу взять первый раз в попку у стены. Зажать малышку в углу, заставить её изогнуться гибкой кошкой мне навстречу и вогнуть свой

член до самого его основания. Медленно, но неумолимо...

Я принимаю душ и сбрасываю напряжение, пачкая кафельную стену струёй спермы. Даже фантазировать об этой крошке невероятно приятно. Но прежде, чем тащить Лину к себе ещё раз и делать игрушкой в постели, я должен узнать о ней всё! Кто у неё мать-отец-брат-сват, что ест на завтрак и чем дышит... А пока пусть берёт бабки, кажется, они ей нужны, и проваливает. Не хватало ещё, чтобы мой член на её дырку молился, как на день Благодарения. Пройдёт проверку и не найду ничего гнилого, потребую от неё реванша. Ещё на одну ночь. А может, на пару. Войду во вкус – решу, насколько брать её в прокат.

Она берёт деньги. Пальцы трясутся. От жадности? Или просто ни разу такой суммы не видела. Почему-то не нравится думать, что она рассчитывала получить именно это – десять тысяч долларов, на рассвете, в качестве оплаты за пользование телом. Потом усмехаюсь... Моретти, все бабы шлюхи. Не шлюха только девственница и то ты не можешь быть уверен, что её рот или зад ещё никто не использовал до тебя. Все они шкуры алчные. Без исключения.

– Теперь одевайся и проваливай. Держи телефон включённым и не уезжай из города. Свистну – должна будешь приехать ко мне... Без трусов. А эти... – показываю ей трусики, которые она сама передала мне вчера. – Эти трусики останутся у меня. Как трофеем.

Едва за ней захлопывается дверь, как я отдаю приказ про-

следить за зеленоглазой чикой. Проследить и выведать всё о её жизни.

А потом раздаётся телефонный звонок. Фелиция. Моя дорогая супруга. Причём дорогая она только потому, что обходится мне дороже тысячи шлюх. Фелиция тратит мои бабки так, как будто я их из воздуха делаю. Голыми руками.

– Доброе утро, Леон... Ты же помнишь о...

– Результаты! – обрываю её болтовню и попытки сыграть в идеальных супругов. У нас просто брак по расчёту. Мне нужны были кое-какие связи с семейством Джаинни. А им нужны были мои деньги. Итогом переговоров стал договорной брак. Фелиция – лишь закладная, не больше того. Закладная, обязанная родить мне наследника. Вот только она не спешит радовать меня хорошими новостями. Прошлый раз я с этой стервы всю ночь не слезал. Она вылезла из-под меня, широко расставляя ноги и жалуясь, что я ей до матки членом вколачивался. Я накачал жену семенем до самых кишок. Таким количеством спермы можно было бы оплодотворить целую деревню баб. Причём, потом я снова взгромоздился на эту породистую сучку. Все благоприятные для зачатия дни и ночи я объезжал только её и больше никого. Осточертела, змея холодная, аж блевать охота! Сейчас меня интересует только одно – залетела она или нет. Мне нужен наследник.

– Ты меня не слышишь, Фелиция? – рычу я на итальянском. – Я жажду узнать результаты. Ты залетела?!

– Нет, Леон. Я не беременна, – тихо говорит она и принимается тараторить. – Пары годами пытаются завести детишек. Потерпи немного. Такое тоже бы... б-бывает.

Нервничает дрянь. Уже не знает, какую придумать отмазу.

– Срать я хотел на другие пары! Мне. Нужен. Наследник. Точка. Сколько раз я пытался тебя оплодотворить, а? Сколько?! И всё без толку... Почему ты не можешь мне родить?

Она что-то пытается возразить, но я грозно перебиваю:

– Сегодня ты отправишься в клинику на обследование!

– Я здорова, – возражает Фелиция. – Ты же видел справки...

– Да-да-да. Я их видел. Только это справки вашего семейного врача. Врача, который целовал жопки всем младенцам семьи Джианни после их рождения. Я хочу проверить тебя у людей, которым Я доверяю. Всё ясно?

– Думаешь, что причина во мне? – визгливо спрашивает Фелиция. – Может быть, твоя сперма – это пустышка? Мёртвый сок...

– Заткнись! – рывкаю я. – И собирай вещи. Самое необходимое. Я отправляю за тобой человека. Он отвезёт тебя в клинику. Проведёшь в ней несколько дней. Там тебя проверят. Всю. Матку, сердце, кровь, почки, кишки... Всё! Врачи заглянут в каждый уголок твоего тела, которое обошлось мне слишком дорого и которое не желает рожать!

– Хорошо, Леон, – соглашается безжизненным голосом и добавляет якобы покорно. – Но что будет, если заключение

покажет, что я здорова, что причина не во мне?

– Собирай вещи, Фелиция. Мы вернёмся к этому разговору. Но только после того, как у меня на столе будут лежать полные и подробные результаты твоего обследования.

Глава 6

Я переживаю. Время, отпущенное мне для того, чтобы я стала для Леона кем-то большим, чем дырка на одну ночь, на исходе. А я так и не приблизилась к нему больше ни разу. Боги, я даже не видела его вблизи! Только издалека замечала, как подкатывает его роскошный «Гелик» к отелю. Я видела из окон, как он, дьявол во плоти, поднимается легко по ступенькам. Горделивая посадка головы, идеальные манеры, мощное тело, запертое в клетке брендовой одежды.

Я ждала, что он позовёт меня. Ведь от этого зависит жизнь моего любимого. Но, кажется, я напрасно жду. Возможно, я не впечатлила Леона настолько сильно, чтобы он связался со мной ещё раз. Конечно, где я и где все его привычные женщины?!

Однажды я видела Леона в компании знойной брюнетки. Одно платье на ней чего стоило – оно было словно шкура змеи, облепляло все её выпуклости и спереди, и сзади. Львиная грива смоляных волос и грация в каждом жесте. Увидев их вдвоём, мне стало дурно. У меня просто нет шансов. Ни одного грёбаного шанса. Помимо отчаяния я испытала ещё какое-то странное чувство. Сначала я словно глотнула неразбавленного уксуса – глаза начало жечь, в горле запершило. А потом внутри как будто дыру в груди проделали – на месте сердце возникла сосущая пустота.

Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного по отношению к мужчине. Тем более, к таким, как Леон. Прикоснуться к нему было всё равно, что потрогать кумира с экранов телевизора и понять, что они тоже живые, из плоти и крови. В ту ночь я словно прикоснулась к идеалу, а потом меня выпнули в сторону за ненужностью. И я, честно-честно, никому и никогда не признаюсь, но мне снились сны с участием проклятого мафиози! Однажды я проснулась посреди ночи, сжимая одеяло бёдрами изо всех сил. В трусиках пылал настоящий огонь. Мне снился Леон. Снились мои ноги на его широких плечах. Его толчки. Животные, хриплые стоны. Его ласково-грязное обращение «Клубничка...». Не ведая, что творю, в ту ночь я просунула руку в трусики и едва не застонала в голос. Складки были ужасно скользкие от влаги. Клитор пульсировал жадным желанием.

Я попыталась представить Серёжу, но образ блондина расплывался, и в темноте ночи я словно видела его – Леона. Это он смотрел на меня из темноты жадными глазами, пылающими, как угли. Он заставлял меня тереть клитор и трахать своё лоно пальцами. Я испытала оргазм и почти сразу же устыдилась того, что сбрасывала напряжение ТАКИМ способом. К тому же, мечтая о мужчине, имя которого – Зверьё! Не иначе. Неужели он меня испортил и поработил мою волю? Кажется, теперь я понимала всех женщин, смотрящих ему вслед влажным и голодным взглядом. Все они знали, что они потеряли. Все они ещё раз хотели оказаться с ним, под

ним, на нём – неважно. Лишь бы ещё раз испытать на себе его страсть, яростную и жгучую, как кипяток.

Я тревожусь и чувствую себя словно больной. Даже Катя заметила, что со мной творится что-то неладное. Но я не стала посвящать её во все подробности. Не могла втянуть Катьюшу, своего ангелочка, в эту грязь. Но моя сестрёнка догадалась, что моё настроение такое плохое из-за Серёжи. Я не хотела раскрывать тайну, просто сказала, что Серёже пришлось уехать, что он должен кучу денег и торопится их найти, как можно скорее. Надеюсь, моей сестрёнке хватило этого объяснения.

Очередной день в отеле. Я исполняю работу. Так же усердно, но уже без прежнего огонька. Просто автоматически переставляю ноги и едва не плачу от нахлынувших чувств. Нужно собраться. Срочно. Перестать быть мямлей. Но это сложно сделать без поддержки. Я достаю телефон и листаю фотографии из галереи. Улыбаюсь, сквозь слёзы, смотря на сестрёнку, листаю дальше и вижу совместные фотографии с Серёжей. Какой же хороший у меня парень! Почему судьба так несправедлива к нам?! За что все эти испытания? Я провожу пальчиком по экрану, словно глажу лицо любимого, мысленно обещая ему, что всё будет хорошо. Я...

– Что это?

Мой телефон исчезает у меня из рук волшебным образом. Я вскрикиваю. Меня в тот же миг толкают лицом к стене. Жаркое тело прижимается к моему. Я узнаю его сразу же.

Леон. Чувственная дрожь проносится от макушки до самых пяток. Моя сущность моментально признаёт в нём Хозяина и втайне млеет от жара его сильного накаченного тела.

– Какого хера, Клубника?

Леон сжимает телефон в кулаке так, что тот начинает трещать. Потом он швыряет его в противоположную стену. Дешёвый китайский айфон рассыпается на запасные части.

Леон разворачивает меня к себе лицом. Его безжалостные пальцы стискивают мои хрупкие плечи до синяков. До багровых отметин. Он встряхивает меня.

– Что было непонятного в приказе хранить верность даже на расстоянии, а?

– Я ни с кем не была! – лопачу оправдания. Леон трясёт меня, как куклу, и голова со светлыми прядями мотыляется из стороны в сторону. – Я ждала. Как ты и сказал. Лео-о-о-он!

– Хреново ждала. Чё пялилась на фотку этого обсоса, а? – рычит мне в лицо. Я едва вижу. Замечаю только тёмные ому-ты его глаз и чувствую его жаркое дыхание на своих губах. Его губы кривятся в бешеном оскале зверя.

– Я хотела... удалить лишнее. Просто просталась. Навсегда... Со своим прошлым просталась! – зубы стучат частой дробью.

– Просталась? Хочешь забыть прошлое? – лает громким смехом мне в лицо. – Знаю отличный способ. Вытрахать. Вот что тебе требуется.

Он резко заводит ладонь мне под платье и щиплет промежность через трусики.

– Соскучилась?

– Ты хочешь меня? – уточняю я, чувствуя нарастающее возбуждение от его властного захвата. – Я... – прикрываю глаза и признаюсь. – Я проснулась ночью. Мне хотелось... Мне снился ты. Я...

– И что ты сделала?

– Я трогала себя и думала о тебе, – шепчу, облизывая пересохшие губы.

В тот же миг он властно накрывает мой рот своим, жёстким тараном его язык вторгается до самой глотки.

– Сучка ты... – он прижимается бёдрами. Его оружие в полной боевой готовности. Я чувствую это через брюки. Всю его длину, готовую вонзаться на предельной скорости. – На тебя член стоит, как стрелка компаса! Говоришь, хотела меня? Хотела? Что же... У меня для тебя отличная новость. Мой член тоже хочет тебя. Прямо сейчас!

Он отрывается от моего рта и дёргает меня. Тянет за собой. Я едва успеваю за ним. Ноги путаются в ворсе дорогих ковров. Я едва понимаю, куда мы идём. Я ничего не смыслю, только чувствую его обжигающую и жёсткую ладонь, которой он держит меня. Как капканом, самым опасным, смертоносным и, несмотря ни на что, желанным.

Стук двери. Темнота. Приглушённый свет. Боже, где мы! Потом я выхватываю взглядом множество узких полок.

Шкафчики с хозяйственными средствами. Мы в подсобке. Зверюга не дотерпел. Не смог подняться на свой этаж. Он просто затолкал меня в подсобку, чтобы наброситься жадно и голодно.

– Леон... Боже... А-аа-а-ах! Леон! – я стону и кричу. Потому что он жадно мнёт меня своими медвежьими объятиями. Мои косточки жалобно хрустят под напором его сильных рук.

Леон действует, как захватчик. Он кусает мои губы. До крови. Клеймит меня укусами. Сосёт и лижет губы, как леденец. Заигрывает языком, как с конфеткой, и поработщает волю. Один томный, долгий поцелуй – рот в рот. Язык к языку. И это уже не просто поцелуй, а грязный и страстный секс, потому что его язык движется до глотки, а потом юлит во все стороны. У меня перед глазами полыхают яркие фейерверки. И всё тело ноет от лютой потребности и жажды близости.

Я царапаю его рубашку, тяну на себя. Он смеётся, зажимая моё лицо ладонями, выдыхает в самые губы:

– Мне хочется тебя трахать до беспамятства. Сегодня ты почувствуешь мой член в деле. Без резинки. Я так хочу. Ты чистая, мои люди проверили. Никаких болячек и бабского гона. Буду вертеть тебя на хую и кончать. Я буду тоже в тебя. Я так хочу.

– Но я же могу забеременеть...

Его ладонь ложится на мой рот жёстким кляпом, заглушающим все, до единого, звуки.

– Ты будешь пить таблетки, Клубничка. Чтобы не залететь. Мне нужно твоё тело и все твои дырочки. Все...

Его шершавый язык прокладывает дорожку от подбородка к скуле и потом к уху. Он вкручивается в моё ушко порочной спиралью. Тело начинает сжиматься от сильной судороги. Я не знала, что простой поцелуй в ухо может быть таким диким и сексуальным. От него загорается каждая клеточка тела.

– Кажется, я нашёл твоё слабое местечко...

Он снова и снова лижет моё ушко, а я непрерывно стону. Чувствую, что мои трусики уже выжимать можно. И если он продолжит, я буду готова кончить только от его поцелуев.

Но он отстраняется и смотрит на меня взглядом хищника. Подавляет волю, действуя словно господин. Сильными пальцами хватается за ворот моего платья и резко дёргает вниз. Безжалостный рывок заставляет ткань трещать и расплзаться по ниточкам в его руках. Моя грудь почти оголена. Но через мгновение властным захватом он мнёт мои груди, по очереди. Опускается голову и прижимается ртом прямо через кружево. Кусает соски, выступившие вперёд. Рвёт кружево наверх, обнажая грудь полностью.

– Какой удачный вид на твои сладкие холмики.

Теперь он бережно и почти нежно треплет грудь, взвешивает их на ладони, массирует пальцами. От его прикосновений под кожей зарождается чистый ток и струится по венам. Сжав обе груди ладонями, он прижимает их друг к другу,

сообщая:

– Потом сделаю тебе испанский галстук...

– Что?

– Трахну твои сиськи. Кончу на соски, а ты потом вылижешь мой конец, как голодная кошка!

Он отвешивает два лёгких шлепка по груди и втягивает соски в рот. Леон катает тугие вершины во рту, как шарики мороженого. А у меня кровь превращается в игривый напиток. Каждое движение Леона – и я словно бутылка с шампанским, которую встряхивают. Ещё немного – и сорвусь в жаркое пекло ада.

– Мокрая.

Всего одно слово. Но оно заставляет меня краснеть. Леон всей пятернёй трогает мою промежность.

– Ты досталась мне не целкой. Текла ли ты так же от кого-то ещё? – требовательно спрашивает он, шаря пальцами, нажимая ими на припухшие складочки.

– Нет. Боже... Я не такая умелая и развратная. Но ты заставляешь меня гореть! – стону и сама толкаюсь на его ладонь. Он разрывает трусики пальцами прямо посередине. Я хватаюсь за его мощную шею, словно знаю, что произойдёт прямо сейчас. Слышится жужжание молнии. Распускается его ширинка.

Я перевожу взгляд вниз и сглатываю слюну, выделившуюся при виде его огромного члена, торчащего в моём направлении. Он красив. Нет, он идеален. Член Леона можно от-

лить в бронзе и выставлять на аукцион, как образец мужской красоты. И будь у меня деньги, я бы торговалась за этот лот, честное слово.

Леон обхватывает меня под попкой и резко толкает спиной к полке. Я шиплю. Металлический торец больно впиается в спину. Но моё шипение тут же сменяется довольным стоном. Крупная головка главного органа елозит по моим складкам. Вперёд и назад.

Захват пальцев Леона становится ещё безжалостнее, когда он приказывает:

– Опускайся. Бери меня до самого основания.

Я делаю бёдрами рывок и добровольно скольжу вниз. Добровольно? Боги, кого я пытаюсь обмануть?! Я жажду его внутри себя. Заполнить лоно туго и полно, чтобы не осталось ни одного свободного миллиметра. Мои соки обтекают вокруг его члена, как водопад, а стенки лона плотно обхватывают его, не желая отпустить.

– А-а-а-ах! Да-а-а-а-а! – выпускаю громкий стон.

– Я буду трахать тебя. Приготовься орать! – бросает угрозу и приводит её в немедленно исполнение.

Под его свирепым натиском дрожит и трясётся не только моё тело, но и полки ходят ходуном. Скрипит дерево. Мой затылок бьётся о полку. Здесь всё раскачивается как во время землетрясения. Раздаётся грохот. Кажется, что-то падает вниз. В воздухе разливается густой аромат кондиционера для белья.

Внезапный хлопок.

– Кто тут шарится? – слышится недовольный окрик главной уборщицы. На мгновение загорается свет в подсобке. И наверняка уборщица запомнит это надолго – мои ноги обёрнуты вокруг мощного торса Леона, а он имеет меня, как куклу, как шлюху. Его бёдра движутся быстро и точно, и наверняка, ягодичные мышцы сокращаются так, что способны загипнотизировать любого.

– П-п-п-простите!

Свет гаснет. Дверь захлопывается. Леон не останавливается ни на секунду. Этот дьявол продолжил бы трахать меня, даже если бы сюда ворвался полк вооружённой охраны! Он хочет брать меня и берёт. Как хозяин, как господин, как шейх моего тела. Его пальцы впиваются в бёдра до синяков, но я рада этому давлению и вниманию с его стороны.

В этот миг я забываю обо всём – о себе и своей жизни, о проблемах, сестре и любимом. По мне словно пронесётся торнадо ослепляющей страсти. И я распахиваю ножки ещё шире, чтобы он бился до самых яиц, до корня. До основания. Чтобы доставал концом до таких точек, о существовании которых я даже не подозревала. Но благодаря ему узнала. О-о-о-о... Я больше не могу терпеть. Я кончаю. Брызгами влаги. Теку, как река, пока он финальными выбросами перекачивает сперму в моё тело. Ещё и ещё... Даже его замедляющиеся толчки такие мощные и убойные, что я достигаю пика ещё раз. Меня словно смывает за борт, и я ничего не чувствую.

Себя отдельно не ощущаю. Только вместе с ним. Воедино...

Не могу оторваться от его обжигающей, влажной кожи. Дышу пряным, мускусным запахом сильного самца, настоящего мужчины. В голове как будто туман стоит лёгкий и чуть-чуть в ушах звенит. Леон отстраняется от меня с видом насытившегося хищника. Какой же он красивый! Резкий, уверенный в себе, брутальный... Черты лица – острые, резкие, но пленяющей мощью. Тёмные глаза прожигают на коже следы, как будто он касается меня умелыми пальцами и разминает каждый потаённый уголок тела.

– Вкусная.

Это единственное слово, что он говорит мне после жаркого секса. Леон начинает поправлять на себе одежду, а я в этот момент чувствую неистребимую потребность стать ближе. Я всегда люблю нежиться в объятиях мужчины после секса, лежать кожа к коже и просто чувствовать тепло сильного тела.

Слышится звук застёгиваемой ширинки. Внезапно, я делаю шаг вперёд и обвиваю мужчину руками за раскачанный торс. Приникаю всем телом и чувствую все мышцы. Каждую из них, словно трогаю бронзовую, литую скульптуру. Он мощный и сильный, умеющий переламывать шеи изящными, но безжалостными пальцами.

– Что за... – спрашивает он, подняв руки.

Видимо, не ожидал сладких объятий после жёсткого траха. Я веду щекой по его груди, лоснящейся от пота, и делаю несколько осторожных выдохов. Боюсь рассердить хозяина

неосторожными жестами.

– Если ты против, я могу отойти, – шепчу еле слышно.

Честно, офигеваю от самой себя. Я как будто кошка, льнущая к хозяину, выпрашиваю ещё одну обжигающую порцию его ласки, ныряю в них с головой. Осторожно поднимаю взгляд на мужчину. Его лицо окаменело. Желваки сильно выделяются под кожей. Тёмный взгляд горит демоническим огнём. Кажется, он сейчас отшвырнёт меня за шкуру, как псину безродную, как шавку помойную, посмевшую трогать господина без его на то разрешения. Но Леон медленно опускает руки на мои плечи. Его горячие и сильные ладони ложатся приятным гнётом и скользят ниже, на спину. Разносят чувственную дрожь.

– Тебе есть во что переодеться?

– Да, конечно. У меня есть повседневная одежда. Кофточка, джинсы, бельё...

– Слушай сюда, Клубничка... Сейчас отдам приказ и тебе принесут одежду, – говорит, выживая телефон из кармана брюк. – Оденешься. Шуруешь домой. Ждёшь.

– Чего? Твоего звонка?

– Нет. За тобой заедет мой человек. Хочу взять тебя с собой в одно место. нравятся лазурные волны?

Леон треплет меня по щеке, обещая взглядом райское наслаждение и роскошь жизни, о которой я знаю только с экрана телевизора.

– Хорошо, Леон.

Он звонит кому-то и бросает несколько отрывистых фраз на итальянском языке. Одежда появляется в подсобке меньше через минуту.

– Свободна, – отсылает меня прочь. – Ничего не бери с собой. Только документы.

– Но как же?..

– Ничего. Я сам куплю тебе всё необходимое...

Напоследок он оставляет на моих губах такой властный поцелуй, что я начинаю бояться, как бы он не сожрал меня целиком. Но потом отодвинулся и махнул кивком головы.

– Иди...

Я не пошла. Я полетела. Воодушевлённая, полная предвкушения. Ноги несли меня над землёй, а за спиной будто крылья начали расти. Я тут же резко одёрнула себя. Стой, Лина! Куда так летишь? Улыбаешься, как дурочка влюблённая. Тебя трахнули и у ноги приказали сидеть в ожидании дальнейшего приказа, а ты и рада! Чему?!

Я довольно строго отчитывала себя, но чувство радости было ничем не заглушить. Я словно бежала впервые с удавшегося свидания с понравившимся мальчиком. И тем более странно, что я испытывала такой трепетный восторг от мыслей о Леоне.

Но мои сумбурные мысли прервал звонок. Номер был скрыт. Я ответила, всем нутром почуяв, что звонят похитители моего парня. Я не ошиблась. Это были они. Я сразу узнала их по голосу.

– Ну что, шкура... Поздравляю! Говорят, Леон записал тебя в персональные шалавы! – хрипло поприветствовал меня убудок. – Теперь ты должна пойти ещё дальше...

– Что вам нужно?

– Сейчас ты едешь в парк на Горького, свернёшь на первую аллею слева. Сядешь на первую лавку. Жди...

– Серёжа жив? – напористо сказала я. – Я хочу узнать, что он жив.

– Эй ты... Пни утрыка! – грозно рыкнул бандит. Тотчас же раздался стон, полный боли. Я закусила губу и едва не разревелась. Мне стало жаль Серёжу и было погано от того, что я посмела забыться в объятиях другого мужчины.

– Годится доказательство? – глумливо расхохотался головорез. – Теперь слушай. Садись на скамейку. Ждёшь... Подойдёт парень, выбросит в урну синий пакет. Достоешь его.

– Что в нём?

– Телефон. Звонки и сообщения с него не отследить. Будешь отчитываться только по нему. Усекла?

– Но как же я его с собой возьму? Леон приказал не брать ничего...

– Ты – тёлка, ты и придумывай, в какое место совать телефон. Всё, пошла! Не будешь на месте через полчаса или прошляпишь синий пакет, пеняй на себя...

Глава 7

Я покорно выполняю все условия головорезов. От страха даже не запомнила лицо парня, который выкинул синий пакет в урну. Помню только бейсболку серую, большие очки на пол-лица, а в остальном парень ничем особенным не выделялся – таких десятки, сотни тысяч по столице ходят. Я вытаскиваю пакет трясущимися руками и торопливо прячу его в свою сумочку. Потом несусь домой, как ужаленная, не замечая почти ничего. Кажется, будто пакет с презентом прожигает ткань сумочки и опалает мои пальцы.

Войдя домой, я сразу проверяю – дома Катя или нет. Не понравилось мне, как она отреагировала в прошлый раз, когда я в обморок сдуру шлёпнулась. Я начинаю переживать, что Катя могла что-то увидеть. Меньше всего на свете мне хочется втягивать её в эту трясину. Удостоверившись, что в доме пусто, я распаковываю пакет. Внутри лежит телефон. Небольшой. На ладони помещается. Простой совсем. С кнопками. Я осторожно включаю его и едва не обмираю со страху, когда сразу же раздаётся звонок.

Они, что, следят за мной даже на расстоянии?! Я медлю немного, но нажимаю ответить.

– Включила телефон? Пользуйся им, когда нароешь что-то ценное.

– Что именно я должна узнать? Я... не знаю, что мне ис-

кать!

– Цыц, курва... Леону скоро должен прийти важный груз. Очень важный груз. Мы не знаем, куда и когда он придёт. Но очень хотели бы это узнать. Выясни. Не звони. Пиши на этот номер. Когда точно будешь уверена, что тебя никто не увидит. Поняла?

– Поняла. Я попытаюсь!

– Да ты уж постарайся! – съязвил головорез. – Не то и сестрёнку твою в расход пустим.

– Не смейте! Я узнаю всё, что нужно! – кричу я в полный голос. – Всё!

– Вот это уже другое дело! – довольно хмыкает бандит и грозит напоследок. – И помни... Мы следим за тобой. Мы повсюду...

Последние слова он произносит зловещим шёпотом, а у меня по коже табуном проносятся огромные, острые мурашки. Горло начинает саднить, а на груди будто капкан смыкается – становится трудно дышать. После слов о том, что бандиты могут добраться до сестрёнки, я словно выпадаю в прострацию на некоторое время. Но потом стряхиваю оцепенение. Начинаю судорожно придумывать, гадать, где я могу сестру спрятать? У кого?! Никому мы не нужны. Нет у меня таких надёжных людей. Да и у кого хватит сил противостоять банде? Если я начну копошиться, привлечь лишнее внимание – бандиты сестру схватят, для пущей уверенности. Нет, нельзя суетиться. И Катюша ничего заподозрить

не должна!

Я завариваю себе чаю покрепче, добавляю три ложки сахара и пытаюсь придумать достойное объяснение для сестры своего отъезда. Не начнёт ли она беспокоиться? Конечно, будет переживать, ведь мы никогда надолго не разлучались. Максимум, на пару-тройку дней, когда мы с Серёжей на местную базу отдыха «дикарями» ездили. Да и разлука ли это? Так, ерунда...

От мыслительных усердий у меня голова начинает раскалываться. Ещё хуже становится, когда сестра присылает сообщение: «Я забежала в магазин возле дома. Тут твои любимые эклеры привезли. Пахнут так, что слюнки текут! Купить, да?»

Машинально набираю ответ, что не против, а сама чуть не вою от отчаяния. Ну почему я такая дурында, а? Сколько времени сижу, а ничего путного в голову не лезет!

Вот и замок громко клацает. Хлопает дверь... Катюшка входит в комнату и приносит с собой ощущение такое... солнечное, яркое. Летняя она у меня, посмотришь и улыбаться хочется, и жить, и за жизнь всеми ногами и руками хвататься, чтобы не отобрали.

– Ой, я тебе такое расскажу! – щебечет Катюха, сверкая глазами. – Таньку Черновуую знаешь?

– Черновуую? Одноклассницу твою, с кривыми зубами?

– Зубы у неё уже полгода как ровные, в стоматологии всё выправила. Так вот... Представь, девчонки говорят, она себе

хахаля нашла. Старикана какого-то. Плешивого, с пuzом... Но богатого. На фирме у него трудилась младшим менеджером. И так натрудилась, что он её теперь по всем заграницам с собой возит! Сейчас вот в Италию направились...

Катя садится рядом и даже показывает мне фотки той Таньки. Пигалица, фигура, про такую говорят – прямая, как доска, но есть пупок и два соска. Лицо ехидное немного. Я эту девушку хорошо запомнила. Она ещё в школе моей Катюхе подлянки устраивала. Я щебет сестры одним ухом слушаю, и тут меня посещает озарение. Я улыбаюсь сестре ласково и накрываю её ладонь своей:

– Знаешь, может, я с твоей Танькой в Италии пересекусь и язык ей покажу, – подмигиваю заговорщически. – Угадай, почему?

– Не знаю даже... – на миг сестра теряется и предполагает. – Ты путёвку выиграла?

– Можно сказать и так. Путёвку от отеля. Стажировка! – выпаливаю я и начинаю врать так складно, что сама удивляюсь, как хорошо получается. – У хозяина отеля не только в России, но и в Италии. Из персонала лучших отобрали и направят на стажировку, плюс языковые курсы. В качестве поощрения!

Катя так сильно удивлена, что даже рот ладошкой прикрывает от изумления.

– Не могу поверить! Постой... Так почему ты раньше не говорила, что в конкурсе участвовала?!

– А я и сама о нём не знала. Никто не знал. Специально не говорили и за работой наблюдали, чтобы судить непредвзято и видеть реально, кто трудится на семь потов, а кто выслушивается. Шансы были у всех...

Катя радостно начинает пиццать, обнимает меня и поздравляет. Искренне. От всей души. Мне тошно становится, что я ей вру, но сама продолжаю лживо улыбаться и рассказывать, что поездка – это большой шанс для карьерного роста и дополнительный заработок.

– Когда летишь?

– Это самое тяжёлое, – хмурюсь, прикусывая губу в нерешительности. – Улетаем буквально на днях. И мне так совместно... Я не предупредила тебя, ведь сама не знала! Даже не знаю, может, отказаться?!

– Не дури! Когда ещё тебе выпадет такой шанс? – перебивает сестра, не дав мне договорить. – Ты летишь. Точка. За меня не переживай. Справлюсь!

– Уверена? – с сомнением в голосе спрашиваю я. Мне совместно обманывать сестру, но другого выхода у меня нет.

– Уверена. А если ты сомневаешься, то я тебя прямо сейчас пешком в Италию погоню! – грозит пальцем сестра.

Вот и всё, завралась я по самое не хочу. И пути назад у меня уже нет. Только вперёд...

Я ждала звонка от Леона. Как приговора или избавления. Не готовила ничего, как он и сказал. Только сумочку маленькую взяла и положила туда телефон с документами. Куда положить телефон второй – ума не приложу. Я его выключила и долго маялась, не знала, что придумать. Не между ног же его прятать, в самом деле! Решение пришло само собой. Я достала футляр для солнцезащитных очков и осторожно отклеила подложку на одной из сторон. Под ней пустота была. Положила туда телефон и скотчем закрепила, чтобы не болтался. Потом обратно крышку приклеила и потрясла. Не должен вывалиться, а дальше, как повезёт.

Я жду звонка, но всё равно едва не подпрыгиваю до потолка, когда слышу громкую трель мелодии входящего вызова.
– Выходи.

Это голос самого Леона. Я торопливо хватаюсь за ручку чемодана – вечером накидала туда вещей для отвода глаз, чтобы Катя ничего не заподозрила. Стоя на пороге квартиры, я долго прощаюсь с сестрой, обнимаясь и плача.

– Ну всё, я пойду, а то через минуту вообще никуда не захочу идти! – говорю, смахивая слезы с ресниц.

Катюша крепко целует меня ещё раз на прощание и машет рукой. Я распахиваю дверь в подъезд и едва успеваю пройти один лестничный пролёт вниз, как замираю, сражённая шо-

ком. Навстречу поднимается сам Леон, а за его спинами маячат двое охранников.

– Что это?

Его голос звучит негромко, но властно. Я даже без уточнения понимаю, что он говорит о моём чемодане с вещами.

– Чтобы сестра не заподозрила и не беспокоилась обо мне, – поясняю я, торопливо добавив. – Можно избавиться от него, если мешает.

Леон отступает в сторону, дав знак своим людям ленивым кивком головы. Один мужчина забирает у меня чемодан. Второй тянется к сумочке, раскрывает её небрежным жестом, заглядывает внутрь, прощупывает подкладку. Потом достаёт футляр с солнцезащитными очками. Я улыбаюсь Леону, глядя в глаза:

– Это подарок сестры. Можно с собой взять? Я и так ничего не беру, как ты сказал...

Охранник раскрывает футляр и приглядывается. Сердце начинает колотиться об рёбра, как ненормальное. Вдруг охранник сейчас что-то поймёт? Но Леон выхватывает футляр у него из рук и захлопывает, затолкав в мою сумочку:

– Пойдём. Она чистая. Мои ещё раньше проверили...

Мы спускаемся. Во дворе дома стоит мощный, чёрный «Гелик». Не машина, а зверь, танк настоящий. Леон распахивает галантным жестом дверь и помогает мне усесться внутрь. Меня окутывает запахом дорогого кожаного салона и хвойным ароматизатором воздуха. В салоне свежо и даже

прохладно – работает кондиционер. По коже проносится табуны мурашек. Леон замечает это и снимает с себя пиджак, обходительно набрасывает на мои плечи теплую, приятную на ощупь вещь. Так горячо и приятно! Как будто меня завернули в одеяло. А его персональный запах с ноткой дорогого парфюма будоражит нервные окончания. В довершение всего Леон властно накрывает моё колено своей увесистой ладонью, сжимает её сильными пальцами, будто ставит невидимые метки. Как единственный и законный Хозяин моего тела. Да. Теперь я стала его куклой. Игрушкой на время с определенным сроком годности. Пока Хозяину не надоест.

Машина трогается с места, унося меня прочь от дома. А через несколько часов я окажусь в Европе. Впервые в жизни я покинула пределы родной страны, не подозревая о том, насколько сильно изменится моя жизнь в будущем.

* * *

Белоснежный трап. Ступеньки одна за другой – крохотные шаги на пути к новой жизни. Я едва выхожу из салона самолёта. Чартерный рейс, кругом роскошная обстановка на миллион зелени, не меньше. Я думала, что буду дрожать, как трусишка, во время перелёта. Но я его даже почти не почувствовала – ни турбулентности, ни страха. Только любовалась неземной красотой из окна иллюминатора и наслаждалась роскошной обстановкой внутри самолёта, который больше

напоминал отель, нежели средство передвижения. Мягкие, удобные сиденья, столики, стюардессы, улыбающиеся сладко и готовые услужить по щелчку пальцев. Не жизнь, а мечта. Леон погрузился в лёгкую дрему во время перелёта, как будто всю ночь не спал. Хотя, я же не знаю наверняка, вдру он правда ночью не спит, а занимается криминальными делюшками.

– Добро пожаловать в Италию.

Я делаю шаг вперёд. Спускаюсь по трапу. В лицо бьют лучи солнца и знойный ветер. Каждой клеточкой кожи понимаешь, что ты не на родине. Здесь другое всё – улыбки, небо и даже воздух. Пряный, будоражащий. Леон сыто и довольно улыбается, расправляя плечи. Ему нравится здесь бывать, сразу видно. Он – как ураган в своей стихии.

– Пойдём, – бизнесмен предлагает мне свою руку. – Скоро приедет машина. Отвезёт нас в поместье. Летняя резиденция. Тебе должно понравиться, Клуб-нич-ка...

Его порочный взгляд проносится по мне жаркой лавой. Я сразу же вспоминаю, зачем я здесь. В животе трепыхается сладострастное предвкушение. Секс с Леоном – это нечто запретное, сводящее с ума, до искр из глаз желанное.

– Я проголодался, – говорит, пронизывая взглядом насквозь. – Хочу тебя. Сверху. Поскачешь на мне?

– Научишь, как тебе нравится? – игриво спрашиваю я, облизывая губы. Само выходит. Без тайного умысла. Но Леон стремительно меняется в лице и прижимает меня к себе, за-

водит руку между бёдер и резко сбивает трусики в сторону. Его пальцы жадно мнут мою плоть, отзывающуюся на каждое пощипывание. Кровь бурлит и приливает к складкам, которые становятся слишком чувствительными. Я должна стыдиться, мы ведь стоим на парковке и ждём машину, а наглый мафиози трогает меня среди белого дня. Любому станет понятно, за каким делом он нырнул в моё бельё. Но я просто расслабляюсь. Прижимаюсь лбом к покатоному сильному плечу и постанываю в ткань его атласной, чёрной рубашки. Расставляю ноги чуть шире, показывая, что я готова быть с ним на его условиях. Так, как он того пожелает. Без запретов и без границ. Это заводит. Ещё никогда я не возбуждалась так быстро, как с ним. Он умеет делать приятно. Я лгну к нему всем своим дрожащим телом. Он тоже напряжён. Горяч и опасен, как нависший утёс, грозящий раздавить всех, кто ходит под ним. Моя дрожь передаётся и ему тоже. Я волную его не меньше, чем он меня. Это пьянит похлеще, чем виски, и подстёгивает сильнее кнута. Я стону, выгибаюсь над его рукой и откровенным стоном прошу трахнуть меня. Просто трахнуть. Без прелюдии.

– Дерьмо, ты слишком мокрая... Подожди. Скоро мы окажемся там, где нам никто не помешает.

Леон замедляет движения пальцев, собирается вытащить руку наружу, но я резко хватаю его за запястье и царапаю смуглую кожу ногтями. Заставляю задержаться у истоков жаркого местечка подольше, сама насаживаюсь на его паль-

цы. Имею себя его же ладонью.

– Я хочу получить ЭТО, Леон!

Он накрывает мой рот властным поцелуем, алчно мнёт мои губы своими до пульсирующего зуда. Он перехватывает управление процессом в свои руки и сам начинает вколачивать в меня пальцы. Сразу два. Несколько безумных толчков, распалённая донельзя, я становлюсь податливой и горячей лужицей воска на его ладони. Я кончаю сладко и долго до темноты в глазах, не стесняясь стонать ему в рот. После, обмякаю, не чувствуя ни рук, ни ног. А владелец моего тела, хозяин моей судьбы, Леон Моретти, победно ухмыляется, пощипывая меня по щеке. После, прямо на моих глазах, вытаскивает руку из насквозь промокших трусиков, демонстративно и очень, очень жадно облизывает свои пальцы. До самых фаланг заталкивает в рот, прикрывая глаза и монотонно урчит, словно он – сытый тигр:

– Дикая. Не знал, что в тебе есть такое. С тобой будет даже интереснее, чем я мог предположить.

Я едва не лечу в забвение, тарашась на это пошлое зрелище. На миг теряю дар речи, собственное имя забываю. Грёбаный зной и жаркий мужчина – спонсоры моего сумасшествия на парковке.

Глава 8

– Тебя что-то смущает, Лина? – усмехается Леон, чувствуя моё остолбенение при виде огромного трёхэтажного коттеджа. Он выглядит, как дворец!

Летняя. Резиденция. Я обратила внимание на слово “летняя”, а нужно было думать о резиденции. Не привёз бы меня Леон в домик у бабушки в деревне, ну же! Пора включать мозги и привыкать.

Но ступая по дорожке, где под ступнями босоножек мягко шелестит мелкий гравий, я понимаю, что к такой роскоши я привыкну ещё нескоро. По обе стороны дорожки растут аккуратно подстриженные деревца. Дом выглядит сияющим. Двери из дорогого красного дерева. Позолота. На входной двери даже имеется молоточек в виде головы льва. Лев. Леон. Я сглатываю слюну, понимая, что я попала в его царство.

Теперь я в его власти. Так далеко от родной страны и почти без денег. Если я ему осточертею, и он решит от меня избавиться, это не составит большого труда. Может быть, даже закопает меня где-нибудь на участке, а потом на том месте посадит сад кровавых роз. Благо, он просто огромный!

– В чём дело?

Горячая ладонь Леона ползёт вниз по моей талии, падает на пышные ягодички, жадно их щипает. Я оглядываюсь по

сторонам в просторном холле – здесь всюду мрамор, мебель из светлых пород дерева, изысканные предметы декора.

– Я как будто попала в сказку, – натянута улыбаюсь.

К Леону подходит высокий мужчина в годах, сдержанно приветствует хозяина и, выслушав Леона, удаляется прочь.

– Хм, в какой именно сказке? У тебя такое испуганное лицо, как будто ты попала в сказку о Синей Бороде.

Он словно нарочно усмехается, пугая меня ещё больше. Ведь волосы у него иссиня-чёрные, а зубы белоснежные, острые, как у льва.

– Пойдём.

Леон решительно хватает меня за ладонь и тянет за собой. Мои босоножки скользят по гладкому кафелю. Мужчина останавливается, подхватывает меня на руки и поднимается вверх по белоснежной витиеватой лестнице. Я кожей лгну к его налитым силой, тугим мышцам. Жар его тела заставляет меня трепетать и чувствовать себя особенной. Я ощущаю себя совсем крошечной в его руках. Его мощь и напор пьянят. Каждой девушке хочется почувствовать себя однажды именно такой – пылинкой невесомой, которую бережно, но властно несут на себе сильные руки мужчины, для того, чтобы отлюбить по полной программе. Я хорошо знаю, что меня ждёт. Это меня уже не пугает. Неужели я так быстро привыкла к роли его игрушки? Но правда в том, что я жду этого не меньше него. Он берёт своё и мне нравится, как он это делает. Прогибает, вертит, надавливает. Не спрашивает,

но даёт то, о чём бы я постеснялась попросить вслух.

Леон безошибочно ориентируется в длинных коридорах и толкает одну из дверей. Спальня. Огромная кровать, застеленная светло-бежевым покрывалом с пушистыми квадратными подушками. На стене живописная картина с разрушенным городом. Помпеи? Как тематично, со вкусом. Это всё, что я успеваю рассмотреть. Потому что Леон, не церемонясь, нагибает меня над кроватью, будто даёт мне понять, зачем я здесь, в первую очередь. У него жмёт в штанах. Или я себе накручиваю, или реально слышу треск ткани. Пора приниматься за дело. Работать, для того, чтобы осуществить мечту сестры. Нет. Не так. Чтобы спасти жизнь любимому. Да! Я пойду на всё, ради Серёжи. Даже лягу под бандита. Потому что ставлю жизнь своих близких ценнее своей. Отдать честь и жизнь ради кого-то – сильный поступок.

– Лицом вниз! – командует хрипло. – И ноги расставь пошире!

Я исполняю приказ Моретти и непроизвольно приподнимаю попку выше, оттопыривая её так сексуально, чтобы он хотел меня ещё больше. Чтобы разум его затмить, чтобы подобраться к его тайнам ещё ближе. Я должна стать искусной любовницей и через похоть получить его доверие. Точнее, я должна... украсть сердце бандита.

Шлепок! Сильный и резкий. Над ухом взрывается грозный приказ:

– Будешь делать только то, что я тебе скажу!

Шорох. Он сбрасывает с себя одежду. А с меня срывает. Рвёт тонкий сарафан как салфетку. В клочья. Сумасшедший зверь! Как будто только что из джунглей выполз и не научился манерами. Но меня заводит его дикость под налётом цивилизованного мужчины. В деле он именно такой – подавляющий. Властный. Жёсткий.

Леон обхватывает мои бёдра и приставляет головку члена к пульсирующим жаждой, влажным складкам. Я всё ещё возбуждена. Петтинг на парковке лишь подстегнул мою похоть, заставляя изнывать в ожидании большего.

– Покрути задницей... Насаживайся!

Он сначала показывает, как надо. Его крупная головка давит на меня, протискивается внутрь лона. Я испускаю громкие, утробные стоны и царапаю ногтями покрывало. Леон перехватывает мои запястья, фиксирует их за моей спиной. Жёстко сковывает пальцами, как наручниками.

– Насаживайся... – повторяет ещё раз.

Я начинаю усердно вилять бёдрами. Я никогда не танцевала восточные танцы, но сейчас я так ярко кручу попкой, будто достигла высот в танцевальном искусстве. Он всё глубже и глубже. Перед глазами возникают чёрные мушки, и хочется кричать. Моё лоно туго наполняется его членом. И когда мне надоедает брать его понемногу, я дерзко двигаюсь назад, засаживая его плоть в себя до самого упора.

– Ты этого ждала? Хотела мой член? – хрипло спрашивает Леон, наклоняется и собирает языком капельки пота, высту-

пившие на моей шее. Он совершает первый порочный толчок бёдрами. А потом ещё и ещё. Он таранит меня короткими и частыми рывками, заставляя дышать часто, с надрывом.

– Ещё! – это единственное, что получается вымолвить.

Мои глаза широко распахнуты. Но я не вижу почти ничего. Меня раз за разом натягивают на каменную мужскую мощь, и мне это нравится. Слишком сильно нравится, чтобы думать о чём-то ещё. Наверно, я имею право. Хоть раз. Расслабиться и забыться после сильного стресса. Пусть секс с Леоном будет моей наградой за те мучения, через которые я прошла, когда узнала о похищении любимого. А после, когда всё уляжется, я заживу обычной жизнью. Надеюсь, у меня всё получится. Я спасу Серёжу. И не попадусь.

Я забываю обо всём, о цели своего приезда, о гнусном шантаже и даже о родине. Сейчас я просто нахожусь под самым великолепным мужчиной мира, богом секса. И единственное, что я хочу знать – сколько раз я успею кончить прежде, чем кончит он. Кажется, невероятно много. Потому что первый оргазм обжигает низ живота и расходится вибрацией до самых кончиков пальцев на ногах. Я поджимаю их и кричу. В голос, срывая связки. Бьюсь под мощным телом самца, признавая его власть.

Леон резко всаживается в меня ещё пару раз и забирается на кровать. Его ноги широко расставлены, а член подскакивает до самого пупка. Крупный, эрегированный, кажется, вот-вот лопнет. Синеватые вены набухли и выются по твер-

дому стержню опасными змеями. Он влажный и блестит от моих соков. Неужели я так сильно теку? Меня это начинает пугать. Я лишь актриса. Я должна просто играть. Я люблю другого мужчину и буду верна ему до тех пор, пока живу и дышу.

– Ну что встала, красотка? О чём думаешь? Обо мне, надеюсь? – опасно хмурится. – У меня есть для тебя задание... Обслужи меня! – манит пальцем. – Давай, дерзкая наездница. Я хочу посмотреть на твои скачки!

Я забираюсь на кровать. Облизываю губы в предвкушении. Лоно голодно и жадно сжимается в ожидании, когда его плоть снова наполнит меня целиком. Хватаюсь пальцами за плечи Леона, горячие, бугрящиеся мышцами. Словно раскалённое докрасна железо. По мощной груди стекают капельки пота. Леон словно успел выжать из своего тела максимум. Но торчащий член говорит об обратном – он только начал.

Большие ладони Леона смыкаются на половинках ягодиц. Он мнёт их неистово и жадно, чуть раздвигает и обещает:

– Я возьму тебя и в попку. Но оставлю твою сочную звёздочку на десерт. Ты любишь десерты?

– Л-л-люблю, – выдыхаю я и перевожу взгляд вниз. Я двигаюсь бёдрами ему навстречу. Стону, когда крупная головка мужской плоти касается клитора. Леон перехватывает член у основания и водит вперёд-назад, заставляет меня трястись от влажной и животной похоти. Вызывает кратковременное помешательство и отключает запреты, все, до единого. Я про-

сто хочу его. Как мужчину. Смотрю на его лицо. Какой же он красивый. Всюду. Хищный поворот головы, резкий профиль и нос с небольшой горбинкой, которая делает его лицо ещё более мужественным. Жёсткие, непослушные волосы, иссиня-чёрные. Смуглая кожа с россыпью татуировок, а на животе виднеется длинная, светлая полоса старого шрама. Знойный мужчина – вот что приходит на ум. Он опалает жаром и заражает безумием, жаждой быть ближе. Каждое движение накачанного, спортивного тела – вкрадчивое и полное грации.

Как сейчас, когда он медленно поднимает одну руку и запускает пальцы в волосы. Медленно, но властно наматывает на кулак, захватывая пряди у самой кожи головы. Оттягивает вниз, и я прогибаюсь в спине, запрокидывая голову назад. Его губы жёстко смыкаются вокруг соска. Язык бьёт по тугой вершине, зарождая импульсы. Леон сосёт и покусывает пики, то один, то другой, и в это же время я трусь о его член. Пульсация становится невыносимой. Я нанизываю себя на него. Скользко и влажно. Туго. Скольжу вниз, вбирая его член в себя одним плавным движением. Некоторое время даже не могу дышать – так полно и плотно. Он глубоко во мне. Слишком толстый и распухший. Я едва могу двигаться.

– Трахай меня.

Всего два слова. Как приказ или контрольный выстрел точно в голову. Разумных мыслей нет. Ни одной вообще. Я приподнимаю бёдра и опускаю их с громким стоном. Шле-

пок. Влажный, сочный звук. Неужели я снова теку? Как первобытная самка? Как похотливое животное, живущее лишь инстинктами?

– Ещё!

Я снова повторяю движение и нахожу в этом особенное, изысканное удовольствие – контролировать частоту и глубину, срывать с его губ пошлые стоны экстаза или грубоватые приказы, когда ему кажется недостаточно быстро и недостаточно глубоко. Леон любит сразу и на всю длину. И мне приходится взмывать высоко вверх и шлёпаться вниз со всей дури. Скачу на нём, как безумная, потеряв всякий стыд. Раз за разом насаживаюсь на него всей податливой глубиной, понимая, что надолго меня не хватит. Но Леон не позволяет расслабляться. Я взрываюсь. Хочется замереть и раскинуться на нём, прижаться лицом к его широкой груди, но Леон шлёпает меня по ягодицам, угрожая грубыми рыками и требованиями седлать его без передышки. Пока, наверно, не лишусь чувств.

Последние минуты становятся бескрайним океаном экстаза – оргазмы следуют один за другим, сжигая мою волю в прах, превращая мой разум в пепел. Леон кончает в меня, в пик оргазма. Его хватка становится крайне беспощадной. Вот-вот и я умру от нахлынувших эмоций, пока он, сокращаясь, толчками вливает в меня своё семя, накачивая горячим нектаром до отказа.

Если бы кто-нибудь две недели назад мне нагадал, что я буду щеголять в платье от Valentino, я бы рассмеялась ему в лицо. Но сейчас брендовые названия и одежда от лучших в мире кутюрье – это моя реальность. Gucci, Louis Vitton, Fendi, Hermes, Versace... Ряд можно продолжать долго. Все эти названия я раньше только слышала с экранов телевизора или видела в глянцевых журналах. Однако сейчас эти громкие названия стали для меня всего лишь бирками с именем. Леон устроил для меня рай наяву. Мы не сидели сутками напролёт в его резиденции.

Мы много гуляли по Неаполю. Дворцы, соборы, утонченные променады, воздух – каждая деталь аутентичного итальянского городка, живущего по своим устоям, будоражила воображение. Природа подарила городу сказочные пейзажи и непередаваемые виды на закат. Кажется, тут круглый год царит теплая погода и дуют ласковые приморские бризы. Меня пленил Неаполь. Целиком и полностью. Промелькнула мысль, что и домой не охота возвращаться. В повседневный серый мрак и рутинную суету. Несмотря на здешнюю красоту, на ту роскошь в которой умышленно топил меня мой любовник, я постоянно думала о Серёже. Как он там? Больно ли ему? Жив... ли он.

Леон Моретти – воистину удивительный мужчина. Да, по-

рой он груб, холоден, высокомерен, но ведь так и должно быть. Грубость в поведении и твердость в словах миллионера – его нерушимый имидж. Рядом с Моретти время словно замирает, а его прожорливость заразна. Видит Бог, я не хотела сравнивать мафиози со своим любимым, но правда была в том, что с Леоном я пробовала такое, о чём Серёже не посмела бы даже намекнуть. Леон был чертовски умелым в постельных делах, рядом с ним я становилась раскрепощённой и смелой. Рядом с ним я чувствовала себя сексуальной и постоянно желанной. Как бы к этому ненароком не привыкнуть. Как бы не стать похотливой наркоманкой.

Потом Леону надоел Неаполь и уединение в резиденции. Теперь ему охота порезвиться на яхте. Она напоминает изящную, белоснежную чайку, покачивающуюся на бирюзовых волнах Тирренского моря. Небольшой морской отдых – так сказал Леон. Свежий морской воздух щекочет мою кожу. Жаркий день. Очень жаркий. На мне надет купальник Роберто Кавальо, рядом с шезлонгом лежит легчайшее парео. Я надвигаю соломенную шляпу, что лучи солнца не слепили меня и поправляю солнцезащитные очки.

– Растереть спинку?

Меня накрывает тень Леона. Мои губы моментально расплываются в улыбке при виде его спортивного тела. Взгляд сам по себе ползёт вниз, натывается на бугор в его плавках. Этот зверь снова голоден и жаждет взять меня, несмотря на то, что утром он устроил жарильню в каюте. Он смотрит на

меня. Моё тело покорно отзывается на молчаливый приказ его властного взгляда. Ластовица купальника промокает за считанные секунды. Я располагаюсь на шезлонге как можно удобнее и бесстыже развожу ноги в стороны. Я научилась угадывать все его желания с полувзгляда и полуслова.

– Неплохо, Клубничка. Но у меня для тебя есть кое-что другое...

Он подходит ко мне и упирается коленом в шезлонг, запуская пальцы в волосы и притягивает мою голову к своему паху. Свободной рукой оттягивает плавки вниз, освобождая мощную уже вставшую острым штыком плоть:

– Поработай ротиком.

Красота его мужского органа берёт меня в плен. Дух захватывает от того, как его сильные пальцы скользят по стволу, обнажая головку. Я автоматически облизываю губы и накрываю ртом конец бархатной, чуть солоноватой на вкус головки. Слизываю языком жемчужную каплю его смазки. Пряное, терпкое послевкусие растекается на моём языке. Я охотно включаюсь в работу и втягиваю его сантиметр за сантиметром. Набухшая, разгорячённая мощь пульсирует во рту. Пальцы Леона путаются в моих волосах. Крепкая ладонь давит на затылок, задавая темп, который нравится ему. Я подчиняюсь. Судя по влаге в трусиках купальника, это подчинение нравится мне гораздо больше, чем я могла себе представить. Я будто только что искупалась в море, но это не так.

– Давай, Клубничка, поработай своим волшебным язычком, – просит он, начиная дышать чаще и тяжелее. Внезапно, раздаётся мелодия входящего звонка. Леон поддаётся вперед, тянется к столику и берёт телефон в левую руку, но не прекращает надавливать на мой затылок. Его жест – прямой приказ продолжать, что я и делаю.

– Да... От тебя давно не было вестей. Всё в силе?

Собеседник отвечает ему что-то. Леон держится великолепно и умудряется решать деловые вопросы, пока я делаю ему минет. Но его голос дрожит и хрипит, слегка сбивается. Он такой опасный, в тоже время очень серьезный, когда ведёт дела, болтая о бизнесе.

– Детали поставки? Хорошо. Сейчас. Пару минут, и я буду на связи.

Леон отстраняет меня от себя и поправляет плавки, жестом приказывая оставаться на месте. Сам отходит на противоположный конец палубы. Я смотрю на него издалека, любясь спортивным телосложением и загорелой кожей. Приказываю себе сосредоточиться на чём-то другом. Он сказал слово «поставка». Это как раз то, о чём я должна сообщать его конкурентам. Нужно выведать все детали или скоро моему парню не поздоровится. Но что же делать?

Решение приходит мгновенно. Я встаю и торопливо раздеваюсь. Направляюсь к Леону полностью обнажённой. На цыпочках. Он говорит, но мешает русские слова с итальянскими. Я прижимаюсь грудью к его спине. Соски покалывает

от контакта с его разгорячённой кожей. Быстро запускаю руку в плавки мужчины, крепко сжимаю его твёрдую, как камень, плоть. Леон испускает короткий вздох и крепче хватается за поручни. Я двигаю по стволу рукой, целуя его спину. Он резко разворачивается и отстраняет телефон от уха.

– Какого чёрта?!

– Мы не закончили кое с чем, – соблазнительно шепчу, опускаясь на колени. Его штормовой взгляд проносится по моему обнажённому телу, как торнадо над мелким корабликом. Пока он решает – прогнать меня или позволить остаться, я тяну резинку его плавков на себя и быстро вбираю эрегированный член в рот. Ритмичными и короткими толчками, скольжу языком по горячему стволу, беру его как можно глубже, чуть жестко, ударяя кончиком языка по тугой головке.

– Дерьмо-о-о-о... – вырывается сквозь стиснутые зубы мужчины. Он запрокидывает голову назад, опирается спиной на поручни. Потом вновь подносит телефон к уху, будто борется со своими первобытными инстинктами.

– Скинь мне сообщением. Где и когда. Я перезвоню позднее. Отбой...

Пластик телефона трещит в кулаке Леона. Короткий звуковой сигнал. Приходит сообщение. Леон открывает его. Я начинаю ласкать его плоть интенсивнее и делаю всё, чтобы свести его с ума. Мне это удаётся. Леон швыряет телефон на палубу и приказывает:

– Открой ротик шире. Я хочу войти максимально глубоко...

Я выполняю его приказ и позволяю делать ему всё, что заблагорассудится моему покровителю. Ловлю момент, вижу, что Леон не смотрит, он часто дышит, закатывая веки. Да, так и надо. У меня есть пять секунд. Я прищуриваюсь, продолжая порочно играть, причмокиваю и постанываю как голодная самка, взглядом ищу телефон. Он лежит как раз у ног Леона. Солнечные блики пляшут на глянцевой поверхности «Айфона», но я успеваю прочесть: «Порт Равенна, 17-е, 23–00. L011-017».

Бинго! Экран телефона гаснет в тот же миг, а я прокручиваю эти слова в своей голове. Раз за разом, чтобы ничего не перепутать. Я словно вбиваю их в память так же сильно, как Леон вколачивает член мне в ротик. Раз за разом. Из глаз брызжут слёзы, я уже почти не могу выдержать натиск его каменной плоти. Как вдруг он резко поднимает меня за талию и прижимает спиной к поручням. Приподнимает так, что мне приходится обвить ногами его божественный торс.

– Умница, девочка... Сейчас будет жарко!

– Я и так едва дышу... – всхлипываю, не могу надышаться. Адреналин зашкаливает! Сердце бьётся как ошалелое.

Получилось? У меня получилось? Не заметил же?

– Дыши, Лина... Я только распробовал тебя на вкус... Дыши...

Перед глазами цветными пятнами расплзается удоволь-

ствие от бешеного напора. В спину врезаются металлические поручни, нагретые солнцем. Лёгкий ветерок доносит солёный запах моря. Я царапаю ногтями мощные плечи своего любовника. Секс с ним – это лучшее, что со мной когда-либо было. Я ещё ни разу не испытывала настолько сильных эмоций. Когда кажется, что вот-вот, сердце не выдержит натиска экстаза и разорвётся на клочки, а потом резко накрывает волной сладкого блаженства. Будто полёт в нирвану. И меня качает как на волнах. Вместе с яхтой.

Леон бёрёт меня так яростно, как будто не яхта раскачивается на волнах моря, а он сам раскачивает этот мир жёсткими толчками члена. Потом он резко меняет положение и раскладывает меня прямо на палубе. Нависает надо мной на вытянутых руках. Я не могу разглядеть его лица – солнце слепит меня. Приходится прикрыть глаза рукой, чтобы не ослепнуть.

– Ты очень красивая, когда кончаешь... Кончишь для меня сейчас, Ли-и-и-ина-а-а-а...

Он поддается вперед и обжигает мои губы властным поцелуем. Дерзко и жёстко берёт мой рот в плен, устанавливая права. Я вскрикиваю – он перехватывает ладонью мою шею и сжимает пальцы. Надавливает, ускоряя толчки бёдрами. Мне не хватает совсем немного, чтобы вздохнуть. Он словно накинуд на шею поводок и контролирует каждый мой вздох. От недостатка кислорода удовольствие становится безжалостным и невероятно сильным. Я выгибаюсь мостиком и схлё-

ствываю пятки за его поясницей. Раскрываюсь перед ним максимально широко и позволяю проникнуть глубже. Его толчки каждый раз задевают все чувствительные точки лона. И после очередного движения я резко сжимаюсь в сильном оргазме, выкрикивая его имя охрипшим голосом:

– Лео-о-о-он!

– Да, Лина! Да-а-а-а!

Финальным толчком он выплёскивает своё семя в меня и падает сверху, бешено целует, забирая последние частички кислорода из моих лёгких. Я обхватываю его руками и ногами, мы переплетены, как запутавшиеся нити. И не хочется двигаться совсем. Но Леону опять звонят. Он матерится, но поднимается... Быстро отвечает на звонок и вытягивается передо мной полностью обнажённым.

– Не хочешь искупаться?

– Я плохо плаваю. Лучше посмотрю на тебя.

– Я научу тебя плавать, Ли-и-и-на. Я многому тебя научу, – он посылает мне воздушный поцелуй и забирается на бортик. Перед прыжком поворачивается в мою сторону, спрашивая:

– Ты же не пропускаешь приём противозачаточных таблеток?

– Я пью их вовремя, Леон. – Предупреждаю, мне не нужны сюрпризы... – Взаимно, – морщусь я.

Он кивает и прыгает в воду. Скрывается на секунду под водой, потом появляется и начинает рассекать бирюзо-

вую гладь широкими гребками. Я люблюсь его сноровкой несколько минут. Потом поднимаюсь и торопливо бегу в свою каюту, чтобы отправить похитителям сообщение с текстом: «Порт Равенна, 17-е, 23–00. L011-017».

Сообщение уходит быстро. Ответ приходит почти мгновенно:

«Ок. Сотри всё.»

Я выполняю указания и прячу телефон на место. Потом бегу в душ и внезапно начинаю рыдать навзрыд в собственную ладонь, стоя под тёплой водой.

Я чувствую себя дважды предательницей, нет, даже трижды...

Я вру сестре.

Я обманываю доверие Леона.

Я предаю своего парня, потому что таю в руках горячего итальянца и не могу думать ни о ком другом рядом с ним. Я начинаю тосковать, если Леон пропадает из моего виду на несколько часов. Я радуюсь его появлению, как кошка. Я путаюсь в своих истинных чувствах и ненавижу себя за это! Я – его враг. Он – не святой ангел. Он – преступник. Я в этом более чем уверена, ведь откуда у Моретти столько денег? Чтобы владеть многочисленными отелями, раскиданными по всему миру и двухпалубной яхтой, размером с лайнер? И откуда у него столько денег, чтобы баловать шлюху дорогими брендами? Да. Я забываю обо всём, когда он смотрит на меня. Забываю о себе и начинаю мечтать, чтобы эта

сказочная поездка не заканчивалась никогда.

Глава 9

Ещё две недели пролетели на одном выдохе. У нас с Леоном всё как обычно. Он хочет – я даю. Он требует – я исполняю.

Взамен Моретти балует меня дорогой одеждой, украшениями, катает на своей яхте, таскает за собой по элитным ресторанам и разным экзотическим достопримечательностям. Он дарит мне подарки, я их беру. Должна брать! Должна стоять под ним! Хоть и считаю это грязным делом.

Я считаю себя развратной, испорченной проституткой. Но если я не буду этого делать, я убью своего любимого и подставлю жизнь сестры под угрозу. Мерзкие свиньи ведь пригрозили, что они, в случае моего упрямства, доберутся и до моей сестры тоже. Я сама умру, сама себе пулю в висок пушу, если с ней что-нибудь случится. Её жизнь зависит от моей находчивости. Моя сестра – мощный стимул управления мной. Негодяи нашли этот рычаг. И теперь давят на него! Будто у них нет ни сердца, ни души. Так и есть. Мир кровавого бизнеса жесток и беспощаден. Выживает сильнейший.

Я периодически созваниваюсь с сестрой, проверяя все ли у нее хорошо. Сестра заверяет меня, что все в полном порядке. Я отправила ей немного денег на жизнь, но она и сама начала справляться. У сестренки пошли заказы. Скоро можно устраивать из её работ арт галерею. Как же сильно я ей

горжусь!

Леон мне денег на руки не даёт, сам всё покупает. Он сделал из меня куклу, которой вертит в своё удовольствие. Надевает на меня те вещи, какие сам желает на мне видеть. Покупает те украшения, которые удовлетворяет его вкус. А потом трахает мне в них. Иногда я чувствую себя новогодней ёлкой, увешанной искрящимися гирляндами.

Я таю от его ласк и, кажется, начинаю сходить от него с ума, забывая, что я в Италии не на отдыхе. И забываю, кто он такой на самом деле. Не пляжный мальчик в цветастых гавайских шортах, а опасный преступник в казенном смокинге от Armani. От его тайн стынет кровь в жилах. Он постоянно о чем-то шепчется, когда висит на телефоне. Я пытаюсь прнюхать всё о его делишках, правда вот не понимаю, когда моя каторга закончится? Когда Серёжу отпустят?! Я безумно сильно по нему скучаю.

Мне надоел этот вечный экстрим, эта проклятая суета со шпионством, бессонница по ночам, тясучка в руках и ногах с мыслями, что вот-вот и меня схватят. Я будто пляшу на лезвии ножа. В любую секунду могу оступить и сорваться в чёрную яму, разбившись в пыль. А так уже хочется обычной жизни. Душевной гармонии, простых посиделок в компании семьи. Поначалу мне нравились мои приключения на райском острове, нравилось купаться в роскоши, ловить кайф от секса с горячим итальянским красавцем, но сейчас... меня поглотила странная апатия. Наверно от осознания того, что

я – всего лишь лицемерная сучка.

Порой мне кажется, что я застряла в какой-то сказке. В остросюжетном любовном романе. Но я живу в реальном времени. Те ужасы, что происходят со мной сейчас – реальность. Рестораны, прогулки на пляже, катание на яхте...

Это все обман. Фальшь и игра.

Я должна помнить об этом. Должна держать чувства под замком. Черноглазый дьявол не должен добраться до них. Не должен просочиться в самую душу, испив её до дна. Влюблюсь – пропаду. Полюбить бандита – боль и яд. Да, я не могу контролировать реакцию своего тела на горячие достоинства итальянца, но я должна контролировать свои чувства. Не позволить им выйти за грань. На родине меня ждёт настоящий мужчина. Он зарабатывает деньги честным трудом. Он ценит меня как женщину. А Леон воспринимает меня как приятную дырку. Тем более, у него есть жена. Но он о ней ничего не рассказывает. Да мы вообще редко общаемся. Он всегда занятый, скрытный, неприступный. Равно утром уезжает по делам, возвращается поздним вечером и сразу же сбрасывает напряжение. Имеет меня как вещь, после – засыпает. Разговорчики, прогулки, подарки – лишь по выходным. Всё остальное время я шляюсь по его огромному особняку без каких-либо дел. Я уже начинаю скучать. И грущу. Разумеется, когда могу ясно мыслить, когда мои мысли не разъедает гадкое возбуждение.

Я умело играю свою роль. И у меня снова получилось

слить тайную информацию. Я подслушала разговор Моретти. Передала координаты врагам. Опять порт. Опять какой-то груз. Что за груз? Чем же он занимается? Вряд ли это ему полотенца для отелей доставляют.

Этим вечером меня гложет какое-то странное предчувствие. Я не могу уснуть. У меня болит голова. Нарядившись в белый прозрачный пеньюар, я лежу на кровати, листаю журнал и, как обычно, жду Леона. Час назад я написала Кате сообщение, отчитала её за то, что она не берёт трубку. Я ей звонила два раза, но не могла дозвониться. Странно, обычно за секунду отвечает. А сегодня... Ладно, может в ванне застряла. Что-то тревожно за малышку, даже пульс немного пошаливает.

Неожиданно, я слышу звонкий хлопок снаружи дома. Балконная дверь настежь распахнута, прохладный ночной ветер колышет белоснежную тюль на окне. Машинально я поднимаюсь с постели и направляюсь к окну. Чуть отодвигаю шторку в бок, замираю, когда вижу Леона. Да не одного, а сопровождении трёх громоздких фигур. Двое из них кого-то тащат. Буквально волочат по мраморной плитке двора. Я прищуриваюсь, фокусирую зрение и удивляюсь, так как узнаю в «пленнике» ещё одного подчинённого Леона – его охранника. Почему? За что он с ним так? Избил? Своего подданного?

Парень едва перебирает ногами. На лысой голове амбала виднеется запёкшаяся кровь. Затаив дыхание, я прячусь за

шторкой. Леон взвинчен. Он шагает впереди всех, а его подельники – шаг в шаг плетутся за ним следом. Компания направляется в сторону запасного входа. Мой пульс останавливается, пропускает удары, а потом начинает быстро-быстро гонять кровь по венам. Внутренний голос гаденько шепчет: «Иди за ними». Что я и делаю. По крайней мере пытаюсь. Я набрасываю на себя халатик и, босая, мчусь к выходу из особняка. Но сначала осторожно выглядываю из-за двери, чтобы убедиться, что в коридорах тихо, а на горизонте чисто.

Минута, я благополучно оказываюсь в саду. Иду на шум и голоса бранящихся охранников. Если вдруг меня засекут, я могу подыграть, что я мол сегодня страдаю бессонницей, поэтому решила прогуляться и потерялась. Ведь резиденция такая огромная, что я и правда до сих пор не могу запомнить, где и что здесь есть. Я специально не надела обувь, я крадусь тихо, оглядываюсь через шаг. Я почти уверена, что здесь нет видеокamer. Потому что я уделила особое внимание этому вопросу – заранее осмотрела весь особняк и сад, взяла на заметку те места, которые контролировались камерами слежения.

На улице темень, но кое-где ещё горят садовые фонари. Прищурившись, за углом здания я замечаю чуть приоткрытую металлическую дверь тёмно-коричневого цвета. Я видела её ещё раньше, но она всегда была намертво запечатана. Кажется, она ведёт в подвал. Мысленно перекрестившись, я ныряю внутрь прохода и мгновенно чувствую на ко-

же острую прохладу, от которой волосы на коже встают дыбом. Тихо, крайне осторожно, придерживаясь за стены помещения, я спускаюсь вниз. Один пролет, второй. Здесь так темно, что можно оступиться и убиться. Слава Богу впереди я замечаю слабую полоску света, она сочится из небольшой комнаты. В подвале неприятно пахнет. Этот гадкий запах вызывает неприятные спазмы в желудке. Я как будто гуляю по мясокомбинату. Страх всё нарастает и нарастает удвоенной порцией.

Грубая итальянская речь с каждым моим шагом становится всё ближе и ближе. Иногда в ней проскакивают русские словечки. Я знаю этот голос как свои пять пальцев. Холодный, как сталь. Доминирующий. Рёв дикого, необузданного зверя. Мне не по себе, когда я вижу Леона таким разъяренным. Да, такое бывает. Человек – настроение. Он будто оборотень. И сегодня его лучше не злить. Потому что тот парень, явно что-то натворил.

Я подкрадываюсь к проходу, ведущему в комнату, из которой льётся слабый свет, чуть выглядываю из-за угла и вижу настолько жуткую картину, от которой едва ли не падаю мертвым кулем лицом вниз. Леон стоит спиной ко мне, по бокам от Леона – его верные подданные. Втроем они стоят ко мне спиной, а «лысый пленник» – лицом. Молит их о чем-то, оправдывается, стоя на коленях со связанными руками. Я пытаюсь прислушаться к речи. Кое-что всё-таки понимаю.

– Sì, è lui... un traditore. Cento per cento. Hai visto le

regisztrazioni dalle telecamere, – грозно молвит один их подельников своему главарю.

Моретти молчит. Пять секунд, он бросает короткий взгляд на собеседника и кивает, чеканя два коротких слова по-русски:

– Кончай его.

Один из амбалов шуршит одеждой. Я слышу шелчок и понимаю, что мне нужно зажмуриться.

Бах!

Выстрел. Хлопок. Эхом бьют по стенам подвала. Я зажимаю руками рот, впиваюсь зубами в собственную ладонь, глотая вопль ужаса, когда вижу, как тело стоящего на коленях человека бездыханным мешком падает на пол. Пять секунд. Убийственная тишина. После которой следует холодный приказ:

– Избавьтесь от грязи. И запомните! Так будет с каждым. С КАЖДЫМ, кто посмеет перейти дорогу Моретти. Никто не станет исключением. Никто. Даже родная мать, царствие ей небесное.

Подданные молча кивают, а я пулей несусь обратно к лестнице, бегу с сумасшедшей скоростью в свою комнату. Быстро срываю с себя одежду и запираюсь в душе. Включаю холодную воду, падаю на колени на пол в душевой, обхватываю руками свои трясущиеся плечи и реву, реву, реву, захлёбываясь в немом крике.

«Никто не станет исключением. Никто».

Теперь я на все сто процентов уверена, что Леон никакой не бизнесмен. Он страшный человек. Он... бандит и преступник. Я в этом только что убедилась. Поэтому мне его ничуть не жаль. И я не буду жалеть о том, что я рушу его бизнес, крошу его планы в песок, игнорируя клич совести. Моретти надо бояться. Но ни в коем случае не жалеть. Он заслуживает того, что я делаю против него. Пусть его бизнес рухнет к чертям! Как и сам он. Провалится в ад. Туда, где ему самое место. Ведь убийца... Должен. Быть. Наказан.

* * *

Я никак не могу найти в себе сил и смелости, чтобы вылезти из душа. Горячая вода успокаивает. Внезапно, я слышу, как хлопает дверь в спальне, после звучит хриплый, явно недовольный голос хозяина этого дома:

– Клубника, ты где? Ты мне нужна! Срочно!

Ох, нет. Когда он говорит мне «Клубника» это значит одно – он, либо зол, либо чем-то недоволен. По интонации в стальном баритоне мужчины и по тому, что произошло совсем недавно, я понимаю зачем он сюда явился. Чтобы вытрахать меня как следует, сбросив скопившийся пыл после кровавых разборок.

Я действую по обстоятельствам. Не хочу, чтобы монстр сейчас меня трогал. Не хочу чувствовать на себе его руки, которыми он... убивает людей. Сделав глубокий вдох, я вы-

крикиваю первое, что приходит на ум:

– Прости... Леон. У меня внезапно начались эти... д-дни.

И дрожу так дико, что вот-вот, и помру со страха.

– Дерьмо.

Я не пускаю мужчину в ванну. Я реву в собственный кулак, потому что до смерти его боюсь. Ведь полчаса назад на моих глазах убили человека. По его приказу. Того, кто каждый день смотрел мне в глаза и приветливо здоровался. Того парня, Начо, его больше нет. Что они с ним сделают? Утопят тело в океане? В лесу закопают?

Я задерживаю дыхание, не двигаюсь, прислушиваюсь. Шаги. Сильный хлопок двери. Леон ушел. Какое-то время я сижу в ванне, будто прибитая к месту гвоздями, после несмело покидаю укрытие. Надеваю пижамные шорты, футболку и падаю на кровать. С головой заворачиваюсь в одеяло, закрываю глаза. От бессилия и внутреннего истощения я проваливаюсь в бесчувственный сон. А просыпаюсь, когда чувствую на лице яркие блики солнца. Тру глаза, выползаю из постели и осматриваюсь. Странно, Леона нет. Он так и не пришёл. Видимо новость о «грязных днях» его от меня оттолкнула. Впервые за месяц я спала одна в спальне. Впервые за месяц я сутки провела без секса. Монстр на неделю оставит меня в покое. Как раз за это время я смогу немного отойти от шока.

Вот только я не учла один, довольно-таки пугающий факт...

У меня задержка. В несколько дней.

Наверно, я просто переволновалась. Ведь столько всего жуткого на меня, хрупкую, свалилось за раз. Вернусь в Россию, обязательно запишусь к врачу. Противозачаточные я пью, как врач и прописала. Так что волноваться не стоит. Больше всего сейчас меня пугает то, что Катя не выходит на связь, у меня жутко болит и кружится голова, а Леон куда-то исчез, не сказав и слова.

Приняв душ, я спускаюсь в обеденный зал. От скуки я начала учить итальянский. Выучила лишь самое основное. Языки даются мне довольно легко. У парадной двери я поймала дворецкого и вежливо спросила на итальянском:

– А где господин Леон?

Франсуа ответил мне, что господин уехал по делам ещё вечером, и, увы, он не знает, когда появится господин Моретти. Опечалившись, я побрела в обеденный зал, в котором суетливые служанки уже накрывали для меня завтрак. Но я так и не притронулась к пище. Кусок в горло не лезет. Ворочит от всего. Потому что перед глазами стынет ужас прошлой ночи. Бах! Выстрел. Живой человек стал мёртвым. Он лежит неподвижно, под ним медленно ползёт и растекается тёмно-красное озеро. Я швыряю вилку в сторону. Она соскальзывает со стола, грохотом падает на пол, а я вскакиваю на ноги и, зажимаю рот, мчусь в свою комнату. Еле-еле успеваю добежать до уборной. Меня тошнит и выкручивает наизнанку минут пять, наверно. Боже, я знала, что я такая впечатлительная, но чтобы настолько...

До самого вечера я не выхожу из комнаты. Самочувствие хуже некуда. Я не могу дозвониться до сестры. Я рыдаю. У меня глаза уже опухли и болят. Хочется сдохнуть. Чтобы не чувствовать боль, напирющую со всех сторон огненной воронкой. И я в ней. В самом её жерле. Кручусь и верчусь там, как проклятая грешница, потому что не понимаю, почему и за что судьба послала мне такие испытания!

Сначала Сережа. Теперь Катя. Да и мне недолго по земле ходить осталось, после того, когда я узнала, кто такой на самом деле Леон Моретти. Жестокое чудовище. Деньги, власть, секс. Пожалуй, это всё, что ему нужно от жизни. А на другие ценности и чувства плевать.

Кажется, я задремала. Из сна меня выдернули приятные поглаживания в области скул. Я распахиваю глаза и резко вздрагиваю, когда вижу перед собой серьезное лицо Леона.

– Т-ш-ш, bella, это я. Не бойся, прости, если напугал. Мне сказали, что ты себя плохо чувствуешь? В чём дело? Что болит? Мне вызвать врача?

– Нет, мне уже лучше... Просто я... я не могу дозвониться до сестры. Уже вторые сутки пошли. Помоги мне, Леон.

– Хм, что мне для тебя сделать? – он до сих пор гладит меня по лицу, как будто перышком кожу ласкает. А мне гадко от его касаний. Эти руки убивают. Они будто по локоть в крови.

– Отпусти. В Россию. Хотя бы на несколько дней, чтобы проведать Катю.

Моретти призадумался, закатив глаза. Не прошло и пяти секунд, как он озвучил свой ответ:

– Не вопрос. Ты мне всё равно сейчас без надобности, когда у тебя эти дни. Провоцировать только будешь. Не сдержусь, сорвусь. Так что, да, хорошая идея послать тебя на время от себя подальше, пока всё не устаканится с твоими женскими штучками.

Последняя фраза меня задела. Немного даже обидела. Ну понятно, я всего лишь шлюха, для чего ещё я здесь? А что мне обижаться? Я ведь сама ему об этом заявила, когда пришла в его номер в отеле в России. Тебе – секс, а мне – деньги. Ничего лично. Вот только всё равно от его слов стало горько. Обида вылезла сама по себе, её не звали.

– Собирайся тогда, – легонько шлёпает меня по бедру, а сам вытаскивает телефон из кармана брюк. – Сейчас поставлю в известность пилота, он тебя мигом доставит к сестре.

Глава 10

Я выбегаю из аэропорта будто за мной гонится сам дьявол. Катя не отвечает на звонки уже сутки! Меня всю колотит и бросает то в жар, то в холод. Я не могу узнать о ней абсолютно ничего! Звоню соседке, и та говорит, что не может достучаться до Кати – дверь никто не открывает.

Боже, я реву! Реву и несусь, сломя голову, выбегаю на перекрёсток и едва не падаю под машину.

– Идиотка больная! – орёт на меня незнакомый борода-тый таксист, размахивая кулаками и резко даёт по тормозам. Я совсем ничего не соображаю, бросилась на красный свет, лишь бы поскорей оказаться дома.

Взвизгнув, я подскакиваю к таксисту:

– Простите, умоляю помогите! Мне домой срочно нужно!

Он видит моё надломленное состояние и выражение лица мужчины из гневного сменяется на сочувствующее.

– Садись, – твердо кивает, я быстро запрыгиваю в машину.

Скрещиваю пальцы и молюсь, отсчитывая минуты поездки до тех пор, пока мы не оказываемся в нужном месте, в знакомом и родном мне месте – во дворе нашего дома. Я провела за границей больше месяца, сейчас будто бы окуну-лась в другую реальность. Серость, уныние, тоска... И противный ледяной ливень. Так встретили меня родные края.

Я почти промокаю до нитки. Над головой разрывается

громовой раскат, в момент, когда я вылетаю из такси и мчусь к подъезду.

– Девушка! А ваши вещи?

Даже забываю в машине свою ручную кладь. Опрометью возвращаюсь обратно, спотыкаюсь, почти падаю в грязную лужу.

– И сдачу возьмите, – грустно вздыхает мужчина. Я его не слышу. Я слышу лишь бешеный стук собственного сердца. Влетаю в подъезд, бегу по ступенькам, пытаюсь нащупать дрожащими пальцами ключи от квартиры. Лишь с третьего раза попадаю в замочную скважину.

Сердце замирает, пропускает удары, время будто бы останавливается всё кругом замирает.

– Катя! – отчаянно всхлипываю я, оглядываюсь по сторонам, несусь сначала в её комнату, потом на кухню и в свою.

Тишина. Мёртвая. Замогильная. Как в склепе. Я лишь слышу, как нещадный дождь барабанит по окнам и подоконнику. В квартире пусто. Полумрак. На кухне стоит кастрюлька с супом. Он скис. Значит Кати не было больше суток... Это правда.

Я мечусь как птица в клетке, не знаю, что мне делать. Врываюсь в комнату сестры, вижу её домашнее платье, которое одиноко висит на стуле. Трогаю его кончиками пальцев. По щекам каплют горькие слеза. А там в углу стоят её тапочки с розовым пушком.

Почему же мне так больно, так тревожно внутри? Как буд-

то... как будто ты уже навсегда потерял этого человека? И никогда его не увидишь. Такие ощущения ползут в душе, как пауки, вонзаясь в ее недра своими противными острыми лапками. Я машу головой, растираю потекшую тушь на лице холодными ладонями, бегу в коридор, оттуда – на лестничную клетку. Жму на звонок, со всей силы колочу кулаками в квартиру соседки. Дверь со скрипом распахивается. В проёме мелькает взволнованное лицо пенсионерки Марии Валентиновны.

– Ой, Алиночка, что стряслось? – испуганно кричит женщина.

Я задыхаюсь. Горло будто обмотали стальными цепями.

– Катя! Вы не видели Катю?

– Ох, не видела. Я вчера так до неё и не достучалась... – баба Маша обреченно качает головой. – В полицию надо звонить. Господи, беда-то какая!

Она права, у меня нет выбора. Я уже и так обзвонила всех её подруг, никто о ней ничего не знает. Кристина, её лучшая подруга детства, говорит, что она дома была позавчера, сказала, что много работы, поэтому они не строили никаких планов, чтобы вместе проветриться.

В её комнате так и стоит одинокий мольберт с начерченным на нём наброском. Я провожу по нему пальцами, всматриваюсь в силуэт – это девушка, и узнаю в нём себя. Мой портрет. Она хотела нарисовать меня. Заготовка на конкурс, она мне все уши о нем прожужжала. Не знала, что нарисо-

вать, в итоге – выбрала меня. Я стала её музой. А потом Катю будто что-то отвлекло. Я ещё раз внимательно осмотрела квартиру и поняла, что из всех вещей сестры исчезла её куртка и балетки, после чего я схватила мобильный в руки и набрала номер экстренной службы.

– Здравствуйте! Я сестру свою потеряла... – еле-еле шевелю языком. Мне кажется, будто я сейчас свалюсь мертвым мешком на пол и больше никогда не открою глаза. Диспетчер принимает у меня необходимую информацию, просит повисеть на линии. Я жду пять минут, десять. Наконец-то слышу ответ:

– Да девушка, мы, кажется, нашли вашу сестру... Под описание вроде бы подходит. Вы бы могли прислать нам её фотографию? И скан-копию паспортных данных?

– М-минутку...

Мои пальцы трясутся, я кое-как исполняю их пожелание – отправляю фотографии на указанный e-mail адрес. Жду. Через пятнадцать минут мне перезванивают:

– А вы бы могли прямо сейчас приехать в городскую больницу номер 7, по адресу улица Щербака 21/а?

– Ох, боже... Что стряслось?

– В общем тут такое дело. Ваша сестра, Екатерина Полякова, возможно в больнице. Авария.

Телефон выскальзывает из моих рук. Я падаю на кровать. Открываю рот и часто-часто дышу, совсем задыхаюсь. Затем пытаюсь подобрать мобильный с пола, сжимая волю в кулак,

и кричу диспетчеру:

– Мама дорогая! Что вы такое говорите? Нет! Нет! Нет! Не может этого быть! Вы ведь ошиблись? Спутали её с кем-то? Да? Ведь так? Скажите, что это так!

Нет. Это не может быть реальностью... Я просто сплю. Как упала в обморок с момента похищения Серёжи, так и до сих пор не могу очнуться.

– Думаю, вам лучше приехать на место и проверить всё самостоятельно. Конечно, лучше будет для вас, если мы ошиблись. Пациентка поступила в реанимацию в крайне тяжелом состоянии.

* * *

Я боюсь сделать шаг. Вот она, та самая дверь с крупными, пожелтевшими буквами над ней «Реанимация». Меня пустили, я уговорила врачей, иначе бы просто сошла с ума, если бы они не разрешили мне увидеть мою малышку. Я должна была опознать её личность. У Кати, кроме меня, больше никого нет.

Надев на себя стерильный халат и шапочку, сделав несколько быстрых и глубоких вдохов, я переступаю порог отделения. У нужной палаты меня уже ждет врач – немолодой, низенького роста мужчина. Он что-то начинает мне усердно рассказывать, а я заглядываю через его плечо и будто получаю удар. В грудь. Корявым, ржавым ножом. Сквозь

приоткрытую дверь я вижу обездвиженную девичью фигуру.

– Её доставили к нам позавчера... Пострадавшую сбила машина. Свидетелей нет, а преступник скрылся с места преступления.

Слова врача звучат так отдалённо, будто в далеком космосе. На негнущихся ногах я вхожу в палату. Нет, я не иду, а парю, как призрак, рассекая пространство, и оказываюсь напротив кровати, сплошь обставленной оборудованием.

– У девушки не оказалось с собой ни единого документа, удостоверяющего её личность. Хорошо, что вы нашлись. Вы ведь единственная родственница?

Я киваю, сжимаю холодную и бледную руку сестры, мажу по ней взглядом, чувствуя отвратительную горечь во рту, когда вижу в кого она превратилась. Вся в ссадинах, синяках, бинтах. Мразь! Какая же бездушная мразь с ней это сделала?!

– Следователи выдвинули такую версию – пациентку могли просто ограбить. У неё не нашлось даже мобильного телефона. Так бы мы с вами быстро связались. Сбили, обобрали до нитки и исчезли.

Я молчу. Я просто сдохнуть хочу. Рядом лечь. Рядом с моей малышкой. И забрать у нее всю её боль. Лучше бы я оказалась на её месте. Боже, за что? Судьба? Злая, беспощадная сука! Что же ты с нами делаешь?!

В конце концов доктор выносит заключительный вердикт.

И его слова... ломают меня окончательно:

– Ваша сестра в коме. Прогнозы неутешительные... – врач опускает голову в пол, сутулится, своим видом и низким, опечаленным голосом выражает мне сочувствие. – Мы делаем всё, что можем. Но бюджет больницы не предусматривает такого оборудования и препаратов, чтобы вытащить вашу сестру из коматозного состояния как можно скорей.

– Есть шанс? Ну хоть крошечный шансик? – с надеждой, сквозь пелену жгучих слёз я смотрю на мужчину в белом халате.

– Да. Но не в нашей больнице. Вы можете перевести её в частную обсервацию. Может быть, там вам помогут. Были случаи. Даже ещё более тяжелые, когда пациентов вытаскивали с того света. Крепитесь. И молитесь. Удачи вам.

Он уходит. Я раскачиваюсь в пространстве, будто маятник, теряя опору, смотрю на практически бездыханный силуэт сестры, а потом чувствую, как по пищеводу поднимается сильный, тошнотворный спазм. Зажимая рот ладошками, я бросаюсь прочь из палаты, еле-еле добегаю до уборной. Скручиваюсь пополам и отдаю свой завтрак белому другу. Меня тошнит, рвет, выворачивает желудок жгутом около пяти минут. Сил вообще ни на что нет, но я понимаю, что надо, надо держаться. Я – единственный шанс на спасение сестры. Я должна собраться, даже если хочется сдохнуть и бросится под машину от абсолютной безнадежности. Кто, если не я? Кто выдернет из плена Серёжу, кто поставит на ноги Катю и

вернёт ей прежнюю жизнь?

Собравшись с мыслями, покачиваясь будто на волнах, я поднимаюсь с колен и подхожу к зеркалу. Умываюсь холодной водой, не узнаю своё отражение. Бледная мумия. Высохший скелет. Мне снова становится дурно. Перед глазами мелькает худенькое, неподвижное тельце сестры. Её изувеченное ранами лицо. Белое лицо. И кучи проводов, с пиликающими мониторами, все эти жуткие иглы в руках, синие гематомы по всему телу.

Нет! Катя! Катюша моя! Нееееет!

Крик в пустоту. Вопль в никуда. Я зажимаю рот ладонью, смотрю на свое отражение в зеркале и со всей силы кричу, пытаюсь сбросить скопившееся напряжение с помощью крика. А после... после я вижу, как окружающий мир плывёт перед моими глазами и я вместе с ним, куда-то плыву. Лечу! И падаю. В неизвестность.

Руки и ноги немеют, в глазах мигает тьма. Я заваливаюсь на бок, меня будто плавно укладывают на пол чьи-то мягкие руки. И всё. Сознание обрывается. Привет темнота.

* * *

Я открываю глаза, медленно моргаю, осматриваюсь и понимаю, что я нахожусь в неизвестной мне комнате. Светлой. Пустой. Одинокой. Здесь царит убогий, на вид, минимализм. Рядом со мной стоят еще две кровати. В углу лежит незнако-

мая женщина, она спит. Здесь пахнет медикаментами. Этот отвратительный запах опять провоцирует рвоту.

Что со мной? Меня слишком часто тошнит. От такой-то дерьмовой жизни наверно. Вполне себе ожидаемая реакция.

Я замечаю, что в моей руке торчит игла, а рядом капля за каплей, в большом прозрачном мешке, накапывает система – капельница. Голова кружится, во рту чувствуется металлический привкус, а низ живота неприятно потягивает. Я слышу шаги, поворачиваю голову в сторону двери и вижу женщину, немолодую, светловолосую даму в очках в белом медицинском халате. Она заходит в палату, подходит ко мне, мажет сначала по мне взглядом, потом проверяет капельницу, что-то чиркает в своём блокноте, после чего спрашивает:

– Очнулись?

Киваю.

– Как самочувствие?

– Ужасное, – вздыхаю я, а она снова что-то чиркает в блокноте.

– Вас обнаружила уборщица в уборной, без сознания. Часто у вас случаются обмороки?

– Нет, – качаю головой. – Я просто узнала, что... – сглатываю. – Что мою сестру сбила машина. Она в реанимации, в коме.

– Меня зовут Юлианна Семеновна, я ваш лечащий врач. А вам нужно себя побережить, дорогая. Мы получили анализы...

Нет, нет! Только не говорите мне... что я... что я...

– Вы в курсе, что вы беременны?

Нет. Мама! Нет!

– Нет. Но я догадывалась...

– Хотите сохранить ребенка?

Молчу. Я вообще не знаю, что ей ответить!

Только этого сейчас не хватало... Как же так? Я ведь пила те долбаные таблетки! Абсурд. Ерунда. Очередная злая подлянка судьбы!

Если Леон узнает... Господи. Я боюсь. Он ведь меня живьем закопает. Подумает, что я лгунья. Аферистка. Алчная стерва! Которая хотела привязать его к себе обманом, зачав от него ребёнка, чтобы обеспечить себя роскошной жизнью до самой старости.

– Алина, вы слышите меня? – морщится Юлиана Семёновна.

– Д-да. Мне нужно позвонить.

– В общем, если хотите оставить ребенка, то вам нужно еще несколько дней полежать здесь, под наблюдением. Обморок мог спровоцировать угрозу выкидыша. Мы вас уже осмотрели, кровотечения нет.

– Спасибо, – киваю, хватаю сумочку с табуретки, ищу в ней мобильный телефон.

– Просто чудо, что при вашем состоянии вам удалось сохранить ребенка.

Да, у меня крепкий организм. Выносливый. Хоть в чём-то по жизни повезло.

Она осторожно извлекает из меня катетер и удаляется в холл, скрипя дверью. Я набираюсь сил, жму на кнопку вызова, считаю гудки и ожидаю ответа от абонента – Леона Моретти.

Не могу поверить в то, что я беременна. Как это случилось? Чёрт. Только этого еще не хватало. Что же меня ждет?

Я замираю, когда слышу гортанный сексуальный голос:

– Привет, Клубничка. Как ты? Три дня прошло, а ты не выходишь на связь. Что случилось?

Набираю побольше воздуха в легкие:

– Плохо, Леон. Катя... она... на грани жизни и смерти!

– Не понимаю.

– Мою сестру сбила машина.

Пауза. Я лишь слышу мужское хриплое дыхание. Он молчит, поминает её что ли?

– Понятно. Я... соболезнаю, Алина. Нужна помощь? Как она вообще?

– Да. Мне нужна твоя помощь... – губы предательски дрожат.

– Я уже подъезжаю к отелю.

– Что? – не понимаю.

– Я вернулся в Россию, появились срочные дела. Приедешь ко мне?

– Приеду, – оглашаю, не задумываясь. – Уже выезжаю.

– Жду.

И он отключается, а меня накрывает дикая головная боль.

Настало время сказать правду. Я должна это сделать. Тянуть не имеет смысла. Он всё равно узнает. Чем дольше я буду тянуть, тем больше мне будет в итоге.

Узнав, что я собираюсь покинуть больницу, врач всполошился. Начал меня уговаривать остаться. Но мне нужно было уходить.

Я подписываю отказ от медицинской помощи и покидаю стены больницы, вызываю такси и еду в «Grand Hotel». Поднимаюсь на лифте на верхушку роскошного здания, попадаю в уже знакомый мне холл и, мысленно бормоча молитвы, направляюсь в сторону «люксов». В конце коридора я вижу знакомые рожи – Марат и Ровный. Скрестив руки в районе паха, неподвижные, словно статуи, они сверлят меня немигающими взглядами. Молча кивают, распахивают передо мной дверь самых изысканных в этом отеле апартаментов.

Сказать, что я нервничаю, значит ничего не сказать. Я сглатываю сухой ком в горле, переступаю порог семизвездочного люкса. Лихорадочно ищу взглядом мафиози. Замираю. Раскинувшись на кровати, Леон, потягивая виски из бокала, как обычно, работает на ноутбуке.

– Наконец-то, – цедит он, когда видит мою персону.

Я делаю пять широких шагов вперёд и падаю перед ним на колени, будто мне кто-то сделал подсечку. Заранее готовлюсь молить его о помощи и о площади. Ведь он единственный, кто может мне помочь. Он – живой бог.

Итальянец откладывает в сторону ноутбук, наклоняется

ближе ко мне, внимательно буравит меня свои чёрными, как ночь глазами, и проводит тыльной стороной ладони по моему лицу. В этих глазах хочется утонуть, забыться, провалиться в бездну. Когда я смотрю Моретти в лицо, то дрожу, как будто стою на коленях перед самым дьяволом, который явился за мной, чтобы высосать из меня душу.

– Соболезную, – это всё, что он может мне сказать, а я молчу. Думаю. Прикидываю варианты, выстраиваю в уме речь. Мне очень много всего нужно ему сказать.

– Ну, что ты раскисла? – продолжает Леон. – Я помогу твоей сестре. Деньги нужны? Что?

– Да, нужно много денег. Её нужно перевести в частную клинику. Уход там дорогой, но врачи дают хорошие прогнозы.

– Я понял. Дай мне контакты клиники, мой зам обо всём договорится.

В моих глазах вспыхивает надежда, взгляд оживает, озаряется, а рваные раны на сердце начинают медленно затягиваться.

– Спасибо, Леон! Спасибо! – я мычу навзрыд, роняя крупные гранулы слёз.

– Я попытаюсь помочь, – бандит хищно прищуривается, поглаживает меня по щеке, будто любимую зверушку ласкает, и хрипло добавляет, – плата, как обычно, натурой, – после шокирующего уточнения, достаточно резко обводит пальцем мои губы, растирает по ним хлещущие тонкими ру-

чьями слёзы и властно проталкивает свой палец в мой рот, как будто хочет, чтобы я ему пососала.

– Я соскучился, порадуй меня, Лина...

Мерзость! Меня воротит! Так значит, вот так вот ты со мной? Очередная сделка. Просто бизнес, удовольствие, деньги, власть, порочный секс? И ничего личного, душевного. Ни капли искреннего сострадания?! Есть ли в тебе хоть грамма человеческого, Леон Моретти?

Я рефлекторно дёргаюсь в назад, отворачиваюсь. Как будто только что облапал мои губы своими грязными руками, замаранными в крови своих несчастных жертв. Так и есть. Я забыла. Забыла, какой он зверь жестокий! Что он сделал со своим охранником там, в Италии на моих глазах! А сейчас вот вспомнила. Но у меня нет другого варианта. Надо продолжать играть, как бы мерзко и страшно мне не было. Я ведь не переживу, если моя сестра... если она больше никогда не откроет глаза.

Я поднимаюсь с пола, сжимаю кулаки. Мнусь на месте. Мне хочется убежать, хочется забиться под кроватью и выть от боли побитой собакой, потому что я не знаю, что мне делать. Я в полном дерьме. Проще затянуть на шее петлю, чем бороться с тем, что на меня разом вылилось, как чан яда.

Любимого избивают, и угрожают убить. Катюшка... её сбила машина и она в коме. Я беременна. От бандита! И если он узнает правду, я разделю их участь. На меня со всех сторон давят бетонной плитой. Я не хочу убивать малыша.

Что же делать? Может быть, попытаться... просто попытаться сказать ему правду? Вдруг всё не настолько плохо, как мне кажется?

– Что с тобой? Тебе плохо? – его гортанный, властный рык приводит меня в чувства. – Ты бледная, похудела.

Я больше не могу тянуть. Надо. Надо признаться. Он как будто чувствует. Как будто смотрит сквозь меня, читает мои мысли, как будто он и правда всемогущий дьявол. Он вынуждает меня крепко зажмуриться. Так я на миг расслабляюсь. Потому что боюсь. Боюсь увидеть его гнев.

– Что ты мнешься, детка? – голос наполняется ядом и недовольством. – О чём-то умалчиваешь? По глазам же вижу, будто ты что-то от меня скрываешь?

Я распахиваю глаза и... срывающимся голосом шепчу:

– Я беременна.

– Что? – мафиози фыркает. – Что ты там мямлишь, Клубника?

– Я говорю, я беременна. От тебя, Леон! И я не знаю как так вышло!

– Блять! – он резко вскакивает на ноги, а я шарахаюсь назад. – Ты серьёзно? Ты что мне за пургу порешь?! Мы же договаривались! Ты пьешь таблетки!

– Я-я-я... я п-пила! – всё, паника меня разрывает. – Правда пила! Я не знаю, как так вышло! Врач сказала, что... такое тоже бывает. Может быть таблетки оказались просроченными, может это из-за того, что я пила те настойки от бессон-

ницы.

– А может потому, что ты всего лишь меркантильная шлюха?! Наглая, подлая блядь?

Прыжок вперёд, Леон замахивается, похрустывая свои крепким кулаком в воздухе, а я взвизгиваю, закрываю лицо руками, ожидая удара. Секунда. Две. Три. Он дышит рвано, весь трясётся, он теряет контроль. Я вывела его. Я дала зверю почуять кровь. Пощады не будет.

– Мало роли моей шлюхи? Решила дальше пойти, а?

Нет, не бьёт. Лишь запугивает. Он снова замахивается, я падаю на пол, ползу спиной назад, бьюсь затылком о комод, пока он напирает на меня штормовым ураганом, мечтая раздавить, размазать по стенке как какое-то мерзкое насекомое.

– Понравилось купаться в роскоши и бабле? Боишься, что наиграюсь и вышвырну как шавку? Поэтому и перестала пить сраные таблетки и раздвигала ноги, не предохраняясь?

Не слышит. Не понимает. Отрицает. Будто не в себе, будто в нём пробудилось исчадье ада – его истинное лицо.

– Нет, нет, нет, – реву, машу руками, пытаюсь оправдаться. Бесполезно. Он звереет на моих глазах, как оборотень, весь будто трещит по швам, пытаюсь вырваться из тела.

Третий раз на меня замахивается. Жаждет врезать как следует. Бросок кулака вперёд, я кричу, пряча лицо в коленях, сворачиваюсь клубком в углу, а он... он начинает со всей силы лупить стенку над моей головой. До кровавых потека на дорогих золотистых обоях. Дышит тяжело, рвано,

будто не может наддышаться. После, надорванным хрипом чеканит над моей макушкой немилостивый приговор:

– Пошла прочь!

Черноглазый дьявол орет так громко, что стены ходят ходуном, будто в городе началось землетрясение.

– Мараааат!

В комнату тут же влетает бритоголовый бородатый шкаф.

– Вышвырни её!

Меня подхватывают грубые мужские руки, утаскивают прочь. Я бросаю последний взгляд на Леона и не вижу в его лице ничего людского. Ни капли. А ведь когда-то у меня теплилась в душе надежда, что он... не безнадежен. А его сталь в поведении – лишь маска. Имидж. Злого, беспощадного бандита. И он такой не всегда. С женщинами он... совершенно другой.

– Ты алчная врунья! Я даю тебе неделю. Ты сделаешь аборт. Или мои люди явятся к тебе и сами вырежут то, что не должно было случиться.

Я в шоке. Я бросаю последние молитвы собственному палачу:

– Леон, прошу! Что ты такое говоришь...

– Насчёт сестры... я передумал. Сама выкручивайся.

Я пытаюсь вырваться из крепкой давки Марата, бесполезно.

Дверь мощным хлопком бьётся о косяк за моей спиной, но я успеваю услышать последнюю гадость Моретти:

– И да, ты уволена. Отныне двери моих отелей для тебя закрыты.

Глава 11

Я беременна от монстра. От чудовища бездушного. Меня вышвырнули из отеля, как мусорный мешок. Я чувствую себя так поганно, как никогда в жизни ещё не чувствовала. Слезы хлещут по щекам проливным ливнем. Внутри разверзается пустота. Будущее кажется чёрным и беспросветным. Я едва понимаю, куда я бреду. Наталкиваюсь на людей в толпе, меня пихают локтями, наступают на ноги. Швыряют. Бранятся. Очнувшись, я понимаю, что стою истуканом у центрального входа в торговый центр. Как я здесь оказалась? Не помню. Надо собраться с силами и мыслями. Но в голове царит хаос. Моя жизнь. Серёжи. Сестры. Жизнь крошечного эмбриона внутри меня... Всё в один узел тугой сплелось и на мне завязано. Ко всему я причастна. Если бы не моё желание выбиться в люди и подзаработать! Кому я сделала лучше? Никому. Правду говорят, что счастье не в деньгах.

Я заставляю себя передвигаться ногами. Возвращаюсь домой, на нашу квартиру с сестрой. Взгляд падает на дорожную сумку из крокодиловой кожи. Небольшая ручная кладь – в ней всё то небольшое, что я забрала с собой. В основном, элитный парфюм и золотые побрякушки, стоимостью в несколько десятков тысяч долларов. Чувствую, как истерика подкапывает к горлу. Меня вышвырнули из отеля Леона. А что, если позвонят похитители Серёжи? Опять унижаться, пол-

зять перед Леоном?

Он дал мне срок – всего одну неделю. Не сделаю, что скажет, хуже будет. Соврать не получится. Проверит. Отправит на обследование.

Соврать? Лина, ты сошла с ума! О чём ты собираешься врать? О беременности?! Тебе нужен этот ребёнок? Я нарезаю круги по квартире. Без остановки. Бесперебойно. Как маятник, сошедший с ума.

Нужно думать о сестре, а я внезапно думаю о своей незапланированной беременности. Останавливаюсь перед зеркалом и оголяю плоский, впалый живот, ощупываю его пальцами. Представляю тут круглый живот, арбузик, улыбаюсь сквозь слёзы. Я ведь об этом мечтала – о семье, о детях от любимого мужчины. От любимого, а не от монстра бездушного.

Одергиваю футболку вниз и умываюсь, стирая с лица следы глухой истерики.

Нужно помочь сестре и перевести её в частную клинику, а со всем остальным буду справляться потом. Я жива, руки-ноги на месте – справлюсь, подбадриваю себя. Открываю наш небольшой тайничок, желая забрать деньги. Но под досками пола пустота. Деньги пропали. К горлу подкатывает паника. Я стараюсь мыслить здраво. Вдруг сестра вложила деньги в банк или отнесла их в другое место? Но у сестры даже карточки своей не было. Если она положила деньги в банк, должны были остаться бумаги об открытии вклада. Ка-

тя аккуратная и все документы в одно и то же место складывает. Я переворачиваю горы листов, но нет ничего, что указывало бы на открытие счета.

Потом я несусь в больницу, тщательно осматриваю все её вещи, в поисках хотя бы клочка бумаги или талончика электронной очереди из банка. Да хоть что-то! Пустота.

Я словно бьюсь головой об стену. Денег нет. У меня есть небольшая сумма денег на карточке. Вернее, раньше, она казалась мне просто огромной, но узнав стоимость лечения и содержания в хорошей клинике, я едва не осела на пол.

У меня нет таких денег.

Продать квартиру? Но без сестры я не могу это сделать! Она тоже числится, как собственник. Нужно оформить кучу бумаг, чтобы доказать её недееспособность. Это много времени, утекающего в никуда. Это надежда, тающая с каждой секундой моего бездействия.

Я обзваниваю знакомых. Унижаюсь. Умоляю. клянчу. Кто-то кидает небольшие суммы на карточку почти сразу же. Кто-то обещает помочь чуть позднее, кто-то просто бросает трубку. А есть ещё один тип людей – они начинают многословно соболезновать об утрате, вытягивают силы по капле. Эмоциональные вампиры – они крадут последний ресурс, оставшийся в моём распоряжении.

Я думаю, что сестра попала в аварию из-за этих проклятых, кровавых денег. Самое ужасное, что я даже не могу обратиться в полицию с заявлением. Они спросят, откуда у

обычной девушки такие суммы. А я ничего не смогу ответить на это. Ни-че-го.

Именно так разбиваются жизни. Происходит нечто ужасное, а ты даже не можешь поднять руки и защититься от ударов, сыплющихся на твою голову.

О той сумме денег, что мне удалось собрать за пару дней, я могу сказать лишь одно – крохи. Их не хватит на лечение моей сестре.

Взгляд опять наталкивается на сумочку, привезенную с отдыха. Я так и не открыла её ни разу, не притронулась к дорожному бараклу, подаренному Леоном. Но там есть и ювелирные украшения, мне не стоит раздумывать ни секунды. Нужно отнести всё в ломбард. Проклиная собственную судьбу, я начинаю вытаскивать памятные мелочи. Одну за другой. Добираюсь до шкатулки с драгоценностями, глазу подушечкой пальца гладкое и холодное золото. Сердце у Моретти такое же – холодное и неприступное, если оно у него есть, конечно же.

Хватит сидеть, подбадриваю себя и встаю, прихватив шкатулку с украшениями. Еду в первый попавшийся ломбард и вываливаю всё дорожное баракло перед изумлённой девушкой. Она ошарашенно смотрит на гору украшений.

– Это всё ваше?

– Да, моё. Оцените, пожалуйста. Немедленно! – прошу я.

Ожидание тяжелее всего. Девушка неторопливо изучает украшения, одно за другим, выписывает что-то на отдельный

листочек. Потом уточняет ещё раз, всё ли я буду закладывать.

– Всё! – решительно отвечаю. – И поскорее, пожалуйста.

– У нас нет таких денег в сейфе. Я позвоню директору сети наших ломбардов, он привезёт необходимую сумму. Подождите, пожалуйста! Это займёт полчаса, не больше, – вежливо сообщает мне девушка.

Я падаю на мягкий стул, как подкошенная. Может быть, сейчас хотя бы одной проблемой станет меньше? Боже, пожалуйста... Помоги!

Бог услышал мои молитвы, но понял их совершенно по-другому. Потому что, когда распахивается дверь, в ломбард вваливаются двое полицейских. Они быстренько пакуют меня и заталкивают в УАЗик.

– Вы сошли с ума! Отпустите! – кричу я, пока меня везут в отделение. – Это какая-то ошибка!

– Разберемся, – отрезается полицейский. – Но обычно такие, как ты, приносят кучу ювелирки только в случае ограбления.

– Какого? Что вы несете? Это моё! Мне их подарили....

– Ну да, ну да...

– Это мои украшения. Я могу поступать с ними так, как пожелаю! – возмущаюсь я.

– Разберемся, – чеканят полицейские. Как автоматы. Как роботы...

– Скажите хотя бы, что именно я обчистила! Или кого?! –

кричу, захлёбываясь паникой.

– Сейчас по базе заявлений прогоним, скажем... – хмуро отвечают они.

Первый шок спадает. Когда я оказываюсь в кабинете следователя, я уже не ору и не пытаюсь вырваться. Просто устало смотрю на усатого следователя, курящего пятую сигарету подряд.

– Ну что, выяснили, что и у кого я своровала? Бред же... Вы и сами понимаете, какой это бред.

– Бред или не бред, а у простой девушки такого дорогого барахла быть не может...

– Может, – вздыхаю. – Я отдыхала в Италии в компании очень состоятельного мужчины. Это всё – его подарки. Можете посмотреть мой паспорт, там есть отметки о прохождении границы.

Кажется, своими словами я сделала только хуже. Теперь мужчина в дешёвой рубашке с засаленным воротником смотрит на меня, как на одну из шлюх, которые сосут за айфоны и ужины в дорогих ресторанах.

– Можно позвонить? – внезапно говорю я.

Надоело. Честное слово... Все мои попытки разобраться самой ведут в никуда. Позвоню Леону, расскажу ему, как есть. Пусть делает всё, что угодно – пусть вырезает из меня своего ребёнка, нежеланного им, пусть вытирает об меня ноги, лишь бы помог с лечением сестры.

Не знаю, на что я надеюсь. Меня вышвырнули. Просто вы-

швырнули и не сказали, что я смогу вернуться хоть когда-нибудь. Но что ещё я могу сделать? Я попыталась. И вот к чему это привело. Меня считают за преступницу. Хотя самые настоящие преступники сидят на золотых тронах и жируют от безделья, не зная, на что потратить свои миллионы.

– Всего один звонок! – убежденно говорю я.

– Хорошо, – усмехается следователь. – Я на это посмотрю.

С удовольствием!

У меня нет желания веселить его. Ни капельки. Я набираю номер Леона дрожащими пальцами. Слышится несколько длинных гудков. Я почти потеряла надежду, когда он соизволил ответить.

– Умоляю, не бросай трубку! – выпаливаю я.

– Сделала?

– Ещё нет, но...

– Чего медлишь, Клубника? На что ты надеешься?!

– У меня просто нет денег, чтобы сделать аборт. Подожди, подожди... Не перебивай меня, умоляю. Ты давал мне денег, знаю. Я всё до последней копейки оставила сестре. Деньги пропали, а она сейчас лежит в коме. И мне нужно....

– Я же сказал, пле-вать! Продай цацки.

– Именно это я и попыталась сделать. Вывалила на прилавок ломбарда всё, подаренное тобой! И знаешь, что было дальше? Меня приняли за воровку! Сказали, что у такой лохушки не может быть щедрого покровителя. Я сижу у следователя Пархоменко, в Семнадцатом полицейском участке. И

я при всём своём желании не могу сделать аборт. Как? Ручкой? Ножницами для бумаги?! Меня вот-вот упекут за решётку...

– Стой, – приказывает Леон. – Ты не врешь?

– Пришли своих людей. Проверить. Пожалуйста. Я согласна на всё. Мне тоже не нужен этот... плод от тебя. Я просто хочу спасти жизнь сестре... Если ты можешь вызволить меня отсюда, я буду тебе очень благодарна.

Я просто говорю все эти слова, ничуть не заботясь о том, что следователь слышит всё. Момент моего величайшего позора разыгрывается прямо перед его глазами. Кем он меня считает? Шлюхой? Не знаю. Я и сама уже не знаю, кто я. Запуталась. Живу, как в кошмаре.

– Насколько?

– Что? – переспрашиваю я.

Голос Леона наполняется рокошущими интонациями.

– Насколько ты мне будешь благодарна, Клубничка? Я ещё не опробовал твою попку...

Во рту собирается горечь. Моя жизнь превратилась в чистилище, жизнь сестры висит на волоске, а всё, что интересует этого подонка – игры с его членом. Озабоченное чудовище. Монстр.

– Вызволи меня из беды, Моретти. Потом договоримся о цене, – говорю как можно циничнее. В тон ему.

Краем глаза я замечаю, как округляются глаза следователя при упоминании фамилии Моретти. Не ожидал? Поверь, я

сама в шоке.

– Передай тому клоуну в погонах, чтобы поднял свой зад и пошёл к начальнику! – приказывает Леон.

Я повторяю его слова полицейскому, правда, без унижительных прозвищ. Следователь поднимается и выходит из кабинета. Проходит полчаса, может, чуть больше. Он возвращается и почти сразу же ставит передо мной кружку с горячим чаем.

– Скоро за вами, Полякова, приедут. Обвинений вам предъявлять, разумеется, не станут. От лица всего полицейского управления приносим вам извинения, – говорит и подкрепляет свои извинения вазочкой с шоколадными конфетами, подвинутой в мою сторону.

Лопай, девочка, только смотри, чтобы попа не слиплась от сладкого. Тебе этой попой ещё на лечение сестры зарабатывать придётся. Откуда эти мысли циничные в голове берутся? Но жизнь меня по щекам так отхлестала, что я теперь не то, что на воду, я даже на лёд дуть стану!

– Это за вами, – говорит следователь, выглядывая в окно, улыбается приторно и распахивает передо мной дверь кабинета. – Всего вам самого наилучшего. Не болейте!

Едва делаю шаг за порог, как меня обступают с двух сторон верзилы Моретти. Его самого рядом нет.

– Леон?

– Босс приказал доставить в больницу, – отрывисто говорит один из мужчи. Они выводят меня на улицу под белы ру-

ченьки, подводят к огромному внедорожнику. Раньше бы он мне роскошным показался, но сейчас кажется катафалком, а водитель за рулём – приспешником смерти с косою в руках.

Охранник с рябым лицом достаёт телефон и звонит.

– Босс. Вывели. Да... Хорошо. Сейчас...

Мне к уху трубку подносят, но дотронуться не разрешают.

– Послушай, Клубничка. Сейчас тебя отвезут в больницу.

Подготовят к операции. Она состоится завтра утром.

– Операция? – внутри всё холодеет. До ужаса. Я так боюсь этих игл, скальпелей, запаха больничного, что трястись начинаю.

– Аборт, Лина...

Мне кажется или голос Леона звучит чуть мягче, но всё равно раздражённо. Как будто я, сама того не ведая, наступила на его больной мозоль.

– Решение проблемы. Лучший выход. Будешь послушной девочкой, спасу твою сестру. Озолочу тебя. Не придётся работать. Только не зли меня, bella, идёт?

– Тогда не кончай в меня без презерватива. Ни одна таблетка не даст стопроцентной гарантии. Ни одна спираль не застрахует от нежеланной беременности!

– О, ты быстро учишься торговаться, – усмехается Леон. – Даже не знаю, нравится мне это или нет. Ещё не распробовал на вкус. Но скоро узнаю. Как только мы решим крохотную проблему... Будь послушной. Отбой.

Крохотная проблема. Я стискиваю зубы плотнее и по-

слушно залезаю в навороченный джип. Если бы много лет назад родители Леона не занялись сексом без защиты, его бы тоже не было. И как из такой крохотной проблемы мог вырасти он – монстр?

Глава 12

Леон

– Я могу идти?

Я посмотрел на шлюху. Губы у неё трясутся от страха, она пальцами цепляется за мягое платье.

– Иди. Свободна. Это, – швыряю на стол несколько купюр. – За ожидание.

Впервые я плачу нанятой шлюхе за бездействие. Она знойная и умелая, но у меня банально не было желания трахать это тело. Я разнёс в щепки пол-номера, а она тряслась на полу в ванной комнате и скулила от страха, боясь, что ураганом злости сметёт и её тоже. Обошлось. Ни траха, ни битья – я баб не бью.

Она торопливо хватается за деньги и сбегает. В прямом смысле этого слова сбегает. Испуганная. Я падаю безвольным камнем в кресло. В голове всё гудит. Чёрт знает что творится.

Поставки – одна за одной. Срываются. Дерьмо... В бизнесе случаются промашки. Но я не слепец, чтобы бить каждый раз мимо цели. Уверен, крыса не найдена. Одного пустили в расход, чтобы другим неповадно было. Но кажется, тут есть ещё что-то другое. Проблем – выше крыши. И будто мне с бизнесом хлопот мало, Клубника залетела.

Мне не пять лет, я прекрасно знаю, как сходятся пестик

и тычинка, и охотно этим пользуюсь. Но врач меня заверил, что противозачаточные таблетки – самые лучшие. Что Лина там гнала? Про настойки от бессонницы? Врёт, должно быть. Скорее всего, втихаря выплёвывала таблетки, чтобы залететь самой.

И залетела же.

Это как плевок Фортуны. Законная жена не может зачать. А постельная игрушка беременеет от меня с лёгкостью. Клубничная моя... Страсть ошалелая. Похоть пьяная. Наваждение. Раскованная и скромная одновременно. Тигрица и ангел. Огонь под атласной кожей и лёд в зелёных глазах.

Убрать. Немедля. Она и без того задержалась возле моего члена, вытеснив ангельским личиком всех прочих шлюх. Если будет ещё и ребёнок – всё равно, что мешок на шею с камнем повесить.

Леон Моретти не будет зависеть от какой-то длинноногой русской шлюшки, будь она хоть трижды сладкой и желанной, как ни одна другая.

В кабинете царит порядок. В другие комнаты вызываю уборщиц. Раздраженно хожу по кабинету разъяренным зверем. Осточертела эта страна. Гнилые порядки, дерьмовые дороги, поганая погода...

Вернуться бы назад, под жаркое солнце. Оно льнёт к коже, словно любовница. Опять в голове вспыхивают картины – загорелая кожа, капли пота между налитых груди, светлые волосы в моём кулаке.

Мой круг снова и снова замыкает на ней, Лине. Смотрю на часы. Утро. Вчера её подготовили к операции, взяли все необходимые анализы. Сегодня сделают всё. Вычистят. Выскоблят.

В груди плещется раздражение и злость раскалывает пополам. Она беременна. Почему именно она? Почему не Фелиция?!

Когда законная жена плюнула словами, что проблема может быть не только в ней, меня на мгновение проняло сомнением. Вдруг?

Но теперь сомнений нет никаких. Проблема не во мне, ведь Клубничка залетела от меня. Проблема в ней – в жене.

Но мне нужен наследник... Дед ещё в прошлом году активизировался и дал понять, что у его терпения есть ограниченные сроки.

Обеспечить свой род наследником – прямая обязанность главы клана. И если я не дам деду желаемое, он, тот ещё суровый старик, может легко скинуть меня со счетов. И плевать ему, что проблема в супруге, которую он сам же мне и навязал. Закон суров – у меня должен родиться наследник. Хотя бы одна успешная попытка, или меня сочтут неспособным продолжить род.

Дерьмовые законы. Клал бы я на них, если бы на кону не стояло многомиллиардное наследие рода Моретти и уважение глав прочих семейств.

Раздаётся телефонный звонок. На экране высвечивается

имя. Алонзо Моретти. Дед. Кажется, русские говорят, лёгок на помине? Так и есть.

Игнорировать его не стоит.

– Доброе утро.

– Доброе? – чеканит дед. – Знаешь, Леон, я так не думаю.

Не хочешь сказать, почему я уверен, что это утро – одно из самых дерьмовых в моей жизни?

– Ещё не знаю, Алонзо... – дед терпеть не может, когда его называют «дедом». Только имя или уважительное обращение, как к господину – «синьор».

– Я тебе помогу...

Дед откашливается. На мгновение я вспоминаю, что его суровая внешность и твёрдый характер не вечны. Деду уже почти девяносто лет. У него есть проблемы со здоровьем, как у всех стариков.

– Сегодня я получил очень занятные результаты медицинского обследования Фелиции Моретти. Твоя законная супруга оказалась пустышкой, – чеканит дед. – Она бесплодна.

– Что?! – вскрикиваю я, сметая рукой бутылку виски со стола.

Да, я подозревал, что рано или поздно услышу именно это. Собственно говоря, результаты обследования мне прислали ещё вчера. Но я их ещё не смотрел. Загудел. Сорвался. Бесился, как зверь в клетке, подозревая всех и вся в измене.

– Каким образом результаты оказались у тебя быстрее, чем у меня? – рычу.

– Не забывайся, Леон! – тут же осаживает меня дед. – Помни, с кем ты говоришь. Ты мог посмотреть их ещё вчера. Но что ещё важнее, ты мог давно обследовать Фелицию. Почему ты этого не сделал ранее? Сколько вы женаты, а? Но о наследниках ты задумался только когда я начал тебя допекать! Требовать... Сколько времени было упущено зря!

Я открываю ноутбук и загружаю файл с медицинскими исследованиями. Здоровье у Фелиции отменное, её можно даже запускать в космос. Но она бесплодна. Выдыхаю воздух через плотно стиснутые зубы. Можно не потеть над этой стервой. С таким же успехом я могу спускать сперму в унитаз. Безрезультатно.

– Итак... Что ты собираешься делать, Леон? – с нажимом произносит дед. – Сроки поджимают! Мне надоело ждать. Я не вижу в тебе стремления возглавить семью...

– Дед, если это только из-за...

– Алонзо! – рывкает дед. – Или синьор! А глядя на твоё беспечное отношение к вопросам семьи, я разрешаю тебе называть меня только синьор. Ясно?

– Да, синьор! – цежу сквозь стиснутые зубы.

– Хорошо, – чуть спокойнее говорит дед. – А теперь скажи, как ты собираешься исправлять эту ситуацию и собираешься ли?

В голосе деда звучат стальные нотки и такая злоба, которой я не слышал раньше. У него либо совсем худо со здоровьем, либо семейный нотариус в очередной раз напомнил о

необходимости составления завещания.

– Сначала я поговорю с Фелицией и её семьёй. Они предоставили нам неверные данные, – говорю я и слышу в ответ насмешливое фырканье деда.

– Ты можешь хоть сплясать на лысой голове отца Фелиции! Но плодоносящей твоя жена сможет стать только в том случае, если господь заберёт её обратно и переделает! От и до, Леон. Не иначе. Ты же видел, что она даже не сможет воспользоваться ЭКО! Видел? Ах нет, ты, конечно, ещё даже не смотрел в выписки. Знаешь, что?! Скажу нотариусу, что моему внуку не нужны деньги Моретти. Пусть составит завещание и пустит всё на благотворительность. О, и ещё даст жирный кусок семейке Риччи, внебрачным детям твоего дядюшки... Да, пусть они пользуются деньгами. Они плодятся, как кролики. Им деньги нужнее. А ты и дальше отмораживай яйца в холодной России!

Он говорит это серьёзно? Кажется, что мой дед окончательно выжил из ума. Капризы стариков до добра не доведут. А с его тяжёлым характером можно ожидать, что он приведёт угрозу в исполнение.

– Синьор, – говорю, стараясь не повышать голос на деда. – Я всё исправлю.

– Мне нужен наследник. Точка. Или хотя бы заверение, что ты работаешь над этим. Плевать, кто тебе его родит! – рубит словами дед.

– Вот как? Но Фелиция и её семья...

– Очнись, кретин! Вместо ездовой кобылы они втюхали нам хромоногую клячу. Думаешь, они не в курсе, что она пустышка?! В курсе! – рывкает дед. – Именно поэтому они заткнут свои рты... Все. Они примут любого твоего ребёнка. ЛЮ-БО-ГО! Фелиция воспитает его, как своего собственное. Он будет принят и любим их семьёй. Такова будет плата за их обман.

– Я понял, – говорю. – Понял.

– Тогда осемени кого-нибудь. Прямо сейчас. Ты же трахаешь шалав налево и направо. Не стоит отнекиваться. Мои люди видели, что ты отжигал в черте Неаполя с русской Наташей.

– С Алиной.

– Плевать на её имя. Она молода. Репродуктивный возраст. Ей не нужны деньги? Или она больна?

– Нет. С ней всё в полном порядке, – говорю и подсакивая, матерясь.

– Следи за языком, мальчишка.

– Синьор, я могу порадовать вас прямо сейчас. Она уже беременна от меня. Но я...

– Да что ты говоришь? Пока не увижу собственными глазами результаты, не поверю тебе. Предоставь мне доказательства. В кратчайшие сроки. Ты меня услышал, Леон. А если не услышал, готовься остаток жизни доживать в России и умирать там же. Точка.

В трубке слышатся короткие гудки. Я набираю номер кли-

ники. Не отвечают. Звоню напрямую лечащему врачу. Тишина. Набираю номер своих кретинов. Но сам быстрее ветра несусь прочь из отеля.

– Арман! Живо за руль! – ору, называя адрес клиники.

Через минуту удаётся дозвониться до одного из своих людей.

– Какого хрена ты телишься? Где Алина?

– Её уже повезли на операцию, босс, – отчитывается охранник. – Начнётся через пять минут.

– Останови всё, млять! Никакого аборта. Задержи девчонку! Немедленно...

– Будет сделано, босс!

Охранник отключается. Я выдыхаю чуть спокойнее, но ворот рубахи до сих пор давит на горло капканом.

– Поезжай скорее, – рычу водителю.

Операцию отменят. Придётся Лине рожать. Дед получит наследника. Я – Клубничку. В полное распоряжение. Почти на целый год. Ожидание и дурная радость пьянит мою кровь. Чему я так рад? Я едва не придушил подлую суку за её ложь. Но, кажется, остыл. Успокоился. Пожалел. И в тайне возжелал этот порочный сладкий фрукт.

Телефон снова начинает трезвонить в моих руках.

– Босс, тут такое дело... – мнётся охранник.

– Что ещё?!

– Мы не можем её найти. Только что была здесь и сбежала...

Глава 13

Я вижу высокое белое здание частной медицинской клиники и чувствую, как бешено ускоряется моё сердце в груди, а в ноздри врывается запах смерти. Нет! Не хочу! Не хочу никакой операции. Я боюсь их до смерти. Вдруг что-то пойдёт не так?

Внедорожник останавливается, дверь распахивается, меня дергают за руку и вытаскивают оттуда силой. Я брыкаюсь, мечтаю удрать, но меня держат так цепко, будто я особо опасный преступник, которого ведут на смертную казнь. А может, так и есть? Меня насильно вводят в клинику и сопровождают на все анализы. Потом запирают на ночь в одиночной палате. Она выглядит, как палата для пациента VIP-уровня. Но дверь заперта снаружи, и палата воспринимается мной как тюрьма. Ночь кажется долгой, я так и не смогла сомкнуть глаз. Но когда в палате светает, хочется орать от ужаса – ведь роковой час всё ближе и ближе.

Потом дверь палаты распахивается, и я сжимаюсь в комок, желая исчезнуть. Меня едва не тошнит от вида наглых рож подхалимов Леона. Они хватают меня под руки и ведут по светлому пустынному коридору медицинского центра. Я никогда здесь не бывала, даже не знала о его существовании... Грубияны толкают меня в какую-то незнакомую комнату, хлопают дверью, оставляя в полном одиночестве.

– Сиди здесь. Жди!

Я сижу там минут десять, ожидая собственного приговора. Я боюсь. Я почти умираю от ожидания и жалящей дрожи по оголённым нервам. Особенно, когда заглядываю за ширму у большого окна и вижу там койку, а рядом с ней стол с жуткими хирургическими инструментами. Паника бьёт по нервам не хуже кнута. Я не понимаю, что делаю. Я смотрю на острые корявые щипцы и в мыслях непроизвольно рисую отвратительную картину, как этими клешнями из меня безжалостно вырывают жизнь маленького человечка.

В глубине души я надеялась, что это будет просто. Ведь мне ведь не нужен ребенок от монстра. Он мною нежеланен! Но паника, страх – сильнее меня. Я словно в трансе, сама не понимаю, что творю. Бегу к двери, дёргаю её за ручку, осторожно выглядываю в коридор. На горизонте тихо, ни души. Оглядываясь по сторонам, я покидаю комнату и мчусь невесть куда. Что же я делаю? Куда мне бежать, где искать укрытие? Я вообще ничего не соображаю. Действую сугубо на эмоциях. Добегаю до поворота, резко цепенею. Чуть выглядываю из-за угла и вижу знакомых бугаев. Они быстрым шагом возвращаются, за ними – поспекает полноватая женщина в белой одежде.

Я мечусь на месте как загнанный в тупик зверёк. Оборачиваюсь, вижу какую-то дверь без опознавательных знаков. Дергаю ручку и понимаю, что оказываюсь в подсобке. Расстирая слёзы ладонями по лицу, я прячусь там в углу за стел-

лажами с ведрами и тряпками. Замираю. Не слышу ничего, кроме своего сбивчивого дыхания и бешеного рокота сердца.

Я теряюсь во времени, просто сижу ни живая, ни мёртвая, жду чего-то. Чего, Лина? Милостыню от судьбы? Как бы не так. Внезапно, я слышу нарастающие шумные голоса. Мужские. Застываю. Не дышу. Они ищут меня, а я, зажав рот ладонями, сижу и трясусь, обливаясь ручьями липкого пота. Как вдруг, слышу знакомый голос. Наверное, таким страшным голосом черти режут в аду. Леон... Он разъярён. Он здесь? О боже... Боже, спаси меня!

– Безголовые петухи! Как можно было её просерить? Хрупкую, немощную девчонку!

– Ну мы... на секунду всего...

– Что вы просто на секунду? Дрочить друг другу за угол бегали? Или что?

– Нет, мы за докторшей ходили.

– Вдвоём? – рычит так, что меня дрожью колотит ещё сильнее начинает. – Для одного барана слишком сложное задание?

– Просто мы не ожидали, что она сбежит. Арман говорит, она точно в здании, а он на входе остался дежурить.

– Вы просто два тупых куска говна! Не найдёте её прямо сейчас, больше нечего будет друг другу надрачивать, ясно?

– Я-ясно, босс, – в унисон заскулили подельники, я услышала, как они, исходя из топота, снова заметались по полу больницы.

Буквально на несколько минут голоса и шаги стихли. Я немного расслабилась. Что дальше? До утра тут торчать? В общем я так и не придумала план. Может быть мне нужно немного времени, чтобы успокоиться и смириться с неизбежным?

Я едва успеваю закончить мысль, как дверь кладовки практически срывается с петель от сильного удара.

– Босс, она здесь! – выдаёт Марат. Он смотрит прямо на меня так недовольно, как будто винит меня в своих бедах и мечтает убить своим презренным взглядом на месте.

– Нашли! – ликует второй товарищ, видимо, радуясь тому, что сегодня он сохранил свои яйца.

Их обоих оттесняет громоздкая тёмная тень. Я плохо вижу, окружающая реальность размыта пеленой из-за горьких слёз. Охранники исчезают из моего поля зрения, потому что всё пространство крошечной подсобки занимает большая фигура в чёрной одежде. Я несколько раз жмурюсь, и да, теперь уже чётко вижу знакомое лицо дьявола. Леон Моретти. Собственной персоной. Решил сам поучаствовать в казни?

С привычной грацией крадущегося хищника, итальянец сокращает между нами дистанцию. Он такой большой, такой грозный и разъяренный, что едва помещается в этой крохотной комнате. Она становится ещё меньше с его появлением. Моретти гневно хмурится. Чёрные брови практически встают в единую прямую линию, а в смоляных зрачках монстра будто потрескивает и шипит красная магма.

Мафиози опускается передо мной на корточки, я шарахаюсь от него назад, хотя куда шараться? Я и так в западне. Бьюсь затылком о стену, мои губы дрожат, по щекам льются слёзы, тело пронизывает острыми конвульсиями. Он тянет ко мне свои ухоженные, аристократичные пальцы с золотыми перстнями на них, трогает меня. Нежно. Почему? Почему не ударит как следует? Не отчитает! Я опять играла со зверем. Наплевала не его приказ и угрозы. А он? Отчего-то нежно водит костяшками по моим бледным скулам, растирая по коже солёную влагу.

Я жалобно всхлипываю, жмусь к стене, мечтая просочиться через неё на волю, или вообще просто исчезнуть, а он... он вдруг меня удивляет. Тонем своего голоса, мимикой лица, которая заметно изменилась, будто мужчина надел другую маску – маску хозяина, но более мягкого, что ли.

– Т-ш-ш, все будет хорошо. Не бойся. Иди ко мне.

– Нет... Зачем? Сам вырежешь из меня свою копию?

Моретти выпускает из легких тяжёлый вздох, удивляя меня своим заявлением:

– Я сожалею. Я передумал. Мне нужен этот ребенок.

На меня накатывает облегчение. И тепло течёт по венам. Я не могу описать то, что чувствую сейчас. Внутри вспыхивает что-то похожее на инсайт. Приятная дрожь окутывает тело будто в кокон. Я смотрю на лицо Леона, пытаюсь понять. Неужели он испугался? Он выглядит так, будто извиняется и жалеет о том, что наболтал мне много чего лишнего. Хо-

лодные, как сталь, черты лица бандита сглаживаются на глазах. Но... он ещё не закончил предложение. Рано я начала радоваться, подавая надежды, потому что хозяин предлагает свои условия:

– Поможешь мне, а я помогу твоей сестре. Идет?

И тут же снова по коже хлынул немилостивый лёд.

Сделка значит. Опять поганая сделка! По-другому ты не умеешь Моретти, да?!

А мне что делать? У меня нет выбора. Мне не нужен этот ребенок, но убивать его я не хочу... Я не знаю, как отреагирует Серёжа узнав об этом? Это будет моим секретом. Я должна спасти Сережу, должна спасти сестру. Мне придётся принять предложение бандита. Чтобы задержаться в его компании, чтобы жить с ним под одной крышей и продолжать шпионить. Это кошмарное предложение. Чудовищная сделка. Но приняв его предложение, я решу сразу три проблемы: спасу любимого, спасу сестру, сохраню жизнь невинному человеку и своё женское здоровье.

– Мне нужен наследник, – он властно цедит, не сводя с меня пронизывающего до костей взгляда. – Дай мне ответ, Лина, и я не буду тебя мучить, а твоя сестра очень скоро откроет глаза.

Совесь меня убивает, выкорчевывает из меня всё хорошее корявыми ножницами... Но я соглашаюсь. Ведь это самый лучший вариант, который он может мне предоставить. Сглатывая сухой, болезненный ком в горле, я рвано отвечаю:

– Я... согласна.

– Отлично, – кивает мужчина. – Поехали.

Я не успеваю и моргнуть, как он подхватывает меня на руки и выносит из кладовки, заботливо прижимая меня к себе, как весьма ценную ношу. А утыкаюсь носом его ароматную статную грудь и понимаю, что мне не хватало этого надёжного тела, этого опьяняющего запаха. Как бы я себя не ругала, как бы не оправдывала, но я самым чудовищным образом привязалась к Леону. Привыкла. Подсела на него как наркоман на дозу. Мне становится страшно от собственных чувств.

Нельзя влюбляться в преступника, как ты не понимаешь, Лина! Я буду бороться со своими порочными чувствами до тех пор, пока дышу. Я дала себе слово, поклялась перед богом, что спасу Серёжу, вылечу сестру и буду верна Сергею до тех пор, пока тикают часы моей жизни.

Леон выносит меня на воздух, а после укладывает в автомобиль. Набрасывает на мои плечи свой дорожный пиджак, заворачивает в него как ребенка в пеленку и прижимает к плечу, приобнимая сильной мускулистой рукой.

– Трогай. В аэропорт, – оглашает приказ водителю. – Мы возвращаемся в Италию.

Неожиданно. Вот так вот сразу? Бросаем всё и мчимся в Италию? Я вздрагиваю, когда осознаю, что мне вновь придётся покинуть родные края, а как же сестра?

– На счет сестры не волнуйся. Сегодня вечером ее переве-

дут в другую клинику. У ее кровати круглосуточно будет дежурить мой человек и самый лучший квалифицированный персонал.

– Я хочу её увидеть! Пожалуйста...

– Как только всё будет сделано, я дам тебе знать. Покажу видеозапись...

– Но я...

– Ли-на, – коротко, по слогам произносит он. – Ты не в том положении, чтобы торговаться. Не зли зверя. Усекла? – давит и сжимает пальцы на плече. – Я могу получить желаемое. Силой. Но даю тебе шанс. Делай так, чтобы было приятно. Нам обоим.

– Хорошо, – выдыхаю я. Пора бы уже привыкнуть быть пешкой, а я всё ещё мечтаю глупо, что от меня здесь что-то зависит. Что к моему мнению прислушаются.

– Теперь поговорим про ребёнка. Мне нужен наследник. Так уж вышло, что ты залетела. Поэтому я решил оставить его. По приезду в Италию подпишем документы и нотариально все оформим. Ты откажешься от всего, от прав на него. Он будет только моим. Такое условие сделки, – ставит меня перед неоспоримым фактом, будто бьёт кулаком в лицо.

Черт. Как это... как это мрачно звучит.

– Да, – я насильно выдавливаю из себя согласие. – Как скажешь.

Поздно. Слишком поздно менять решение. Я соглашаюсь, но в душе чувствую себя конченной корыстной сукой.

А как иначе!? Если я откажусь, то из меня вырвут проблему насильно. В этот раз Леон не будет нежен. Поступит так же бесчеловечно, как с тем несчастным наёмником в подвале. Когда все, наконец, уляжется и я захочу ребенка от Се-режи, то вдруг... мы не сможем его зачать из-за последствий после аборта.

Я не должна так думать, но если рассуждать логически... Лучше бы его убили? Вырезали как какого-то паразита? Как злокачественную опухоль?

– Устала? – Леон дотрагивается до моего подбородка, чуть его сжимает, приподнимая, и вынуждает меня посмотреть ему в лицо.

Я сонно моргаю, отвечая в уме:

«Да, не представляешь, как дико сильно я устала от жизни... Я чувствую себя раздавленным яблоком, по которому день ото дня топчется стадо слонов, втаптывая его остатки в вонючую грязь».

Мужчина кивает, заканчивая наш безрадостный диалог не менее будоражащей фразой:

– Поспи немного. Когда прибудем на место, я познакомлю тебя со своей семьей. И... женой.

* * *

В самолете я выпила чаю, немного расслабилась, когда осознала, что никакой операции не будет. Но очень скоро

меня ожидает ещё одно испытание – знакомство с семьёй Моретти.

В самолёте Леон сидит рядом со мной, задумчиво смотрит в иллюминатор. Мы молчим. Интересно, о чём он думает. Как обычно, наверно о бизнесе. Почему он передумал? С чего это вдруг? Он ведь так сильно жаждал избавиться от проблемы. А там, в больнице, рвал и метал как бешеный лев. Есть какой-то секрет? Почему же он передумал? Может... у него ко мне всё-таки появились чувства? Он вспыльчивый мужчина, властный, я это и так прекрасно вижу, может он погорячился, когда узнал о новости? О беременности от его временной игрушки, которую не планировал?

Меня насторожил тот факт, что он чётко сказал, что ему нужен наследник. Именно наследник, а не ребенок от меня. На что я надеюсь? Да и вообще мне не стоит этого делать. Моя задача спасти своих близких и сделать то, что я давно хотела – выйти замуж за Серёжу. Но вот проблема... что я ему скажу? Если он узнает, что я беременна от чудовища и должна родить этого ребенка, чтобы отдать другому. Надеюсь, любимый меня поймёт и простит. Ради него. Ради его спасения я легла под проклятого головореза! Боже, за что мне эти муки? Что меня ждёт дальше?

Плотнее завернувшись в пиджак Леона, я закрываю глаза, откидываюсь в мягком кресле и засыпаю. А просыпаюсь уже когда слышу голос пилота, который объявляет о посадке. Самолёт плавно пикирует вниз, земля всё ближе и ближе,

меня начинает укачивать. Тошнит. Еще вчера я радовалась, что меня не терзает токсикоз, в меру точнее, но вот с сегодняшнего дня моё состояние, похоже, начинает меняться.

Я ворочаюсь в кресле, Леон отрывается от окна, переводит взгляд на меня. Его лицо спокойное, холодное, без каких-либо эмоций. Он просто холоден и сосредоточен, впрочем, как и всегда.

– Что такое? – хмурится, спрашивая.

– Мне не очень хорошо. Тошнит, – стараюсь дышать глубже, чаще.

– Ты делала УЗИ? Сдавала анализы? Какой у тебя срок?

– Делала, срок небольшой, всего четыре или пять недель.

Точнее, мне делали УЗИ, когда я была без сознания.

– Это как?

– Я перенервничала из-за сестры и упала в обморок. Меня осмотрели.

– Ты нормальная? И почему я узнаю об этом только сейчас? – Леон почти кричит, сверкая своими чёрными углями.

– Потому что ты выставил меня за дверь, когда я пришла сказать тебе об этом! – зло рычу я, чувствую уверенность.

– Мы немедленно едем в клинику! Я хочу убедиться, что с ребёнком всё хорошо! – и спустя несколько мгновений нехотя заявляет. – Я перестарался, это моя вина.

Вот как! Бездушный кусок стали, он практически извинился? Хотя бы попытался, или мне показалось?

Он вытаскивает из кармана мобильный телефон, клацает

на экране чей-то номер, ждёт ответа, после бросает несколько чётких фраз на итальянском. Я ни черта не понимаю.

Отключается. Смотрит на меня, чуть хмуря лоб:

– Сначала мы едем в больницу, потом ко мне в родовое имение. Хочу убедиться, что с ребенком всё хорошо.

Двигатели ревут, шасси касаются земли, меня чуть вдавливают затылком в спинку кресла от резкого торможения, так, что закладывает уши. Полминуты – полная остановка. Полёт завершён.

– Послушай, меня, Клубника, внимательно послушай! – Леон хватает меня за запястье, крепко его сжимает, даже немного больно. Смотрит, как режет ножами по лицу. Мне от этого взгляда страшно, безумно! Когда он уже прекратит меня пугать? Никогда. Кто он? Кто ОН? Верхушка бандитского мира. – Не вздумай со мной играть. Поняла? – пальцы, как когти зверя врезаются в нежную кожу запястья, будто её распарывают. – Делаешь так, как я велю! И будь со мной откровенна. Я ведь не пощажу, клянусь всем своим состоянием! Задавлю. Голыми руками хребет переломаю, если узнаю, что ты врешь, что носишь в себе не моего ребёнка! Так что скажи правду, прямо сейчас. Ты же знаешь, что отцовство установить в наше время не проблема. Я знаю, в какой больнице лежит сестра... Если ты опять попытаешься схватить меня за яйца... в этот раз я не пощажу никого. Ни тебя, ни ребёнка, если он окажется не моим, ни твою любимую сестричку.

– Нет, Леон! Нет! – я сама накрываю его руку своей, дёргаюсь, ногтями впиваюсь в его шелковистую на ощупь смуглую кожу. – Я же правду говорю, – по щеке плавно катится слеза.

Боюсь. Я ужасно боюсь нелюдя! Моретти нервничает. Так сильно, что дрожит. Видимо, ему очень нужен наследник. Поразительно, как быстро меняется настроение у бандита. Как настроение, так и мнение. Ведь днем ранее он готов был лично вырезать из меня проблему, но сейчас... что-то изменилось. Пока неясно, что именно, почему он передумал?

Я глотаю обиду и несколько раз моргаю, избавляясь от влаги на ресницах:

– Я не вру. Я беременна от тебя, Леон. Как только мы с тобой... стали встречаться, я вычеркнула из своей жизни других мужчин. Как ты и просил. Можешь сам прикинуть, посчитать. Я забеременела тогда, когда ты увез меня в резиденцию. Твои люди не отходили от меня ни на шаг. С кем мне там тебе изменять? Я не сумасшедшая. Уж мне то хватает секса и такого голодного зверя, как ты.

То ли я пытаюсь оправдаться, то ли делаю бандиту комплимент, чтобы восхвалить его эго, не пойму. Или сама не знаю, что лопочу, в порывах защитить себя и сестру. Я просто растеряна, сбита с толку, ошарашена теми событиями в моей жизни, которые свалились мне на голову будто пылающий метеорит.

– Я тебя просто предупредил, чтобы без фокусов.

Он отпускает мою руку, которая ужасно затекла, расстегивает ремень безопасности, берёт меня под локоть, подталкивает к трапу. Мы спускаемся по лестнице вниз к чёрной тонированной иномарке, нас окружает около пяти человек – личная охрана мафиози.

Мы прибыли в сказочный Рим. Я всегда мечтала побывать за границей, но сейчас внутри меня нет никаких тёплых чувств. Там сплошной лёд, пустота и отчаяние.

* * *

Мы поднимаемся по ступенькам большого пятиэтажного здания, построенного в современном стиле. Перед нами разъезжаются в стороны автоматические стеклянные двери. Нас быстро регистрируют и проводят в нужный кабинет. Я чувствую себя пришельцем на другой планете, более развитой, более продвинутой в плане медицины. Мне некомфортно лишь в том плане, что я не понимаю речь медперсонала. Хорошо, что Леон обрисовывает мне ситуацию в двух словах.

Первым делом я сдаю кровь для анализов. После чего меня ведут в кабинет ультразвуковой диагностики. Укладывают на кушетку, требуют, чтобы я сняла с себя одежду и трусики. Когда мы прилетели в Италию, я надела на себя воздушный шифоновый сарафан нежно-голубого цвета. От штанов отказалась. Или я себе напридумывала, или штаны

стали мне тесноваты?

Во время полета меня временами тошнило, зато потом появился аппетит. Я даже нормально поела. Мне не понравился запах духов стюардессы, токсикоз дал о себе знать.

Я замираю напротив кушетки, стесняюсь снять с себя трусики, жду пока Леон выйдет из кабинета. Но мужчина не торопится. Подперев собой стену, сложив на груди крепкие руки, он с любопытством сверлит в меня взглядом. Щёки начинают полыхать от смущения. Раздеться при нём. Сейчас? И при постороннем человеке?

– В чём дело, Клубничка? Ну же, смелей, я не кусаюсь. Стаскивай с себя трусики, ложись на спину и разводи ножки.

Надеюсь, узист ничего не понимает по-русски. Иначе, я прямо на его глазах превращусь в рака. От стыда.

– Конечно. Как только ты выйдешь за дверь, – хмыкаю я, гордо вздергивая подбородок. – Я это непременно сделаю.

– Стесняешься? Пф-ф, – нахал фыркает, закатывая глаза. – Я уже видел твою киску. Так что раздевайся. Ты сделаешь это прямо сейчас! Или я сам это сделаю! – рыкает, угрожая.

– Нет! Сама. Я сама... – я наклоняюсь и небрежно стаскиваю с себя бельё. Между тем я чувствую на себе жар. Его черных, наглых глаз. Я снова становлюсь добычей свирепого ненасытного на секс зверя.

– Я тебя не оставлю наедине с другим мужчиной. И я хочу посмотреть на своего наследника, – голос Леона насыщается

хрипом. Он что? Он возбудился?

Машинально я опускаю взгляд чуть ниже, на область ширинки. У меня пересыхает во рту, когда я вижу впечатляющий бугор, размером с банан, который натянул до треска светло-серую ткань модельных брюки мужчины.

– А если это будет девочка? – стараюсь не обращать внимание на эрекцию Леона. Я дышу размеренно и ложусь на кушетку, чуть развожу коленки, задирая выше сарафан. Промежности касается что-то холодное и длинное. Диагностика началась.

– Не будет! – в голосе мафиози чувствуется едва ли не злость. – Сына родишь. И точка.

Сына ему родишь... Я что волшебная палочка? Рожать должна по заказу? Возмутительно. Хочется съязвить ему, что сын родится или дочка, зависит только от того, какого головастика он направил в мою матку. Но я вовремя решаю прикусить свой язык, чтобы не злить монстра.

Леон кажется мне даже напыщеннее, чем я могла его знать до сегодняшнего дня. Он кажется нелепым. Но наши судьбы изменились, как и отношения – теперь я не просто его постельная игрушка, но мать его будущего ребёнка. Поневоле проникаюсь трепетом.

Пока врач обследует меня, мы оба молчим и больше не пытаемся язвить друг другу, потому что утыкаемся в экран монитора. Узист о чем-то бурно распинается перед Моретти, что-то рассказывает, тыкая пальцем в монитор, но я как

обычно и слова не понимаю. Сжав кулачки смотрю на крохотный чёрный след на экране. Размером с горошину. Это и есть мой будущий ребёнок? Какой же он ещё маленький!

Моретти коротко кивает.

– Si, sì, – повторяет. Серьёзный такой, деловой.

– Что он г-говорит? – не выдерживаю я. – Пожалуйста! Я хочу знать... Это происходит со мной впервые. Пожалуйста, Леон!

– Всё хорошо. Не переживай. Говорит, всё в порядке. Это маленькое зёрнышко, наш... – Леон запинается, прочищает горло. – Мой ребёнок. Срок 5–6 недель.

Мы оба как зачарованные смотрим на экран. Ну привет, малыш... Вот, оказывается ты какой. С ума сойти... Через восемь месяцев из маленькой крупинки ты станешь крупным арбузиком.

Я беременна. В это трудно поверить. И я до сих пор не могу с этим смириться, что внутри меня живет и растёт маленький человечек. Вот только... я не должна к нему привязываться, не должна чувствовать то тепло, которое чувствую сейчас. Нам придётся расстаться. Так будет лучше для нас обоих. Отпускать то, что любишь невероятно сложно. И больно. Особенно для меня, если я прикажу себе не привязываться к настоящему чуду, которое храню внутри себя. Мы должны быть чужими друг другу. Я просто должна дать ему жизнь. Дать ему тело. Больше ничего. Всё остальное даст ему Леон и его жена Фелиция.

Интересно, а у них есть дети? Меня это очень волнует, как жёнушка влиятельного итальянского бандюгана отнесётся к “нагулянной беременности” своего мужа. Ох, и во что я только ввязалась?

Крошечное, такое крошечное зёрнышко... Живёт внутри меня. Я нехотя отрываюсь от монитора и смотрю на Леона. Вот сейчас он совершенно другой человек. Такой спокойный, уравновешенный. Его некогда твёрдый взгляд наполнен пониманием, каким-то странным теплом. Он хочет этого ребёнка, он весь будто внутренне трепещет, но не показывает виду. Не имеет права рушить устойчивый имидж заядлого авторитета.

Диагностика подходит к концу. Я стираю с себя остатки геля, смущаясь, натягиваю трусики обратно. Леон продолжает допрашивать врача, я не придаю этому диалогу никакого значения, как вдруг из всех услышанных фраз именно эта колко впивается мне в разум, а моё внимание заостряется именно на ней.

– Permetti il sesso? – нагло спрашивает он у врача.

Я не понимаю дословно значение фразы, но точно знаю, что такое «sesso».

Это... секс.

Я сглатываю вязкую слюну во рту. Мы прощаемся с доктором и покидаем стены клиники. Анализы обещали прислать по электронной почте через несколько дней. На следующей неделе меня поставят на учёт по беременности в этой

же клинике. Я всё ещё волнуюсь. Меня начинают ужасно раздражать запахи и резкие звуки. Тошнота есть, временами накатывает. Вот только вчера я стала замечать, что моя грудь слегка увеличилась в размере и стала очень чувствительной. Врачи заверяют, что это нормально. Но если начнётся сильный токсикоз, мне будет лучше, если я некоторое время “поживу” в клинике, под наблюдением специалистов.

Как только мы оказываемся в машине, и она трогается с места, я задаю Леону волнующий вопрос:

– Что ты спрашивал у врача? Что там было, про... секс?

Я опять краснею, честное слово, как чистокровная девственница, которая впервые в жизни оказывается наедине с мужчиной. Да просто тело помнит наши озорные и сумасшедшие ласки. Оно жаждет реванша. Ведь то, что вытворял со мной Леон Моретти, воплощая на практике свои самые дерзкие фантазии, со мной не практиковал ни один мужчина.

Миллионер глумливо кривится:

– Спросил, можно ли заниматься сексом во время беременности. Думаю, ты поняла каков ответ, да?

– Леон...

– Что, Клубника? – я вздрагиваю и мысленно охаю, когда его наглая ладонь шлёпает меня по коленке, скользит вверх по бедру и кончиками пальцев он касается моих трусиков. Будто удар тока. Короткое прикосновение, а меня всю скручивает морским узлом – так и только так моё тело реагирует

на ласки проклятого бандюгана. – Неужели ты думала, что твоя роль в моей жизни ограничиться лишь ролью «инкубатора»? – он фыркает, пальцем чуть поддевает край трусиков. Я перестаю дышать. Намертво впиваюсь в края кожаного кресла пальцами, к чёрту ломая ногти. – За кров и хлеб тоже нужно платить. А так как платить тебе нечем, как обычно, возьму в оплату твоё тело. Обещаю, что резок я не буду. В этом тебе повезло. Я не лишу себя такой сладкой возможности, не драть тебя от слова совсем, потому что мой член всё ещё без ума от твоей киски, – Леон хищно скалится, а я чувствую, как моё сердце в груди набирает разгон и бьётся о рёбра на бешеной скорости. Дух захватывает от его заявления. Особенно тогда, когда его горячие и опытные пальцы шустро ныряют в нежные лепестки промежности, и он легонько меня там щипает. Как будто ставит метку. Заявляет права на то, что купил. На то, что по праву принадлежит ему. На целые восемь месяцев.

Глава 14

– Леон! Мы же в машине... Здесь есть твой водитель! – жалобно постанываю.

Ведь пальцы дьявола прекрасно знают своё порочное дело. Он работает пальцами в моих трусиках, как опытный взломщик. распалает за пару секунд, делая меня мокрой и готовой принять его.

Фантастика какая-то! Но из-за треклятой беременности я возбуждаюсь ещё быстрее и сильнее. Леон едва начал трогать меня, но я уже готова раздвинуть ноги ещё шире и мечтаю о более глубоких и жёстких толчках. О, какая же я стала порочная сучка... За то время, что я пробыла вместе с ним, Леон приучил меня трахаться так, как будто мы живём последний день и больше не представится шанса испытать оргазм.

Живи так, как в последний день. Трахайся так, как будто в последний раз. Это его жизненное кредо. Леон не готов отказывать себе ни в чём. В порочном удовольствии, тем более.

– Лео-о-он!

Я коротко вскрикиваю, закатываю глаза от удовольствия. Длинные, сильные пальцы Леона медленно и ритмично погружаются в моё лоно. Дьявол решил не мелочиться, он пустил в ход сразу два пальца. И я чувствую холод его крупных колец, обжигающих нежные стеночки лона изнутри.

– Что, Клубника, забыла, где твоё место? – хрипло говорит он. – Ты до сих пор моя шлюха. Моя сладкая и мокрая шлюха. Только моя...

– Я не могу здесь... Здесь водитель.

Я сжому бёдра вместе. Но это лишь приводит к тому, что я сжимаю руку Леона ещё крепче. А он не прекращает движений. Меня будто ошпаривает кипятком. Кожа покрывается бисеринками пота.

– Не обращай внимания на водителя. Он видел и не такое, – ухмыляется Леон.

Его пальцы начинают двигаться сильнее и жёстче.

При словах Леона меня пронизывает злость. Видел ли, понимаешь, этот водитель и не такое! Я понимаю, что я – никто, что у меня нет права голоса. Я не должна ревновать и злиться на итальянца. Но это происходит против моей воли. Поэтому на глазах закипают жгучие слёзы. А между ног творится самый настоящий и горячий потоп. Влага заливает трусики. Меня трясёт от эмоций. Тело кайфует, а сердце сжимается от мучительной боли.

– Шире, Лина. Я хочу напомнить тебе, кто ты и что ты для меня значишь... Ну же!

Он нажимает второй рукой на колени, разводя их в стороны. Я смотрю на широченную бычью шею водителя. Он смотрит только вперёд. От шеи к уху идёт провод наушника. Ему плевать на игры хозяина.

Прикрываю глаза. Покоряюсь воле Леона. Он притиски-

вает меня к себе сильнее и губами находит мочку уха. Со-сёт её. Лижет. Дразнит кончиком языка и ведёт порочную дорожку вверх, вкручиваясь языком.

Порочный шёпот струится дорожкой прямо в ухо:

– Я знаю твоё слабое местечко, Клубника. Ничего не изменилось? Ты по-прежнему готова кончать для меня без перерыва?

Я откидываюсь на спинку кресла и расслабляюсь, не выдерживая его сильного натиска, его властного напора. Он ошарашивает меня непробиваемой мужской харизмой и умением ставить на колени одним тоном властного голоса.

– О да... – выдыхаю, ненавидя себя за эту постыдную слабость. За приглушённый стон и желание ощутить в себе мощь каменного члена, его длину и потрясающую способность выбивать оргазмы и пошлые стоны всего несколькими толчками.

– Умница. Продолжай. Мы едем в имение деда... Я хочу, чтобы ты кончила до того момента, пока мы приедем. Не выпущу из машины, пока ты подаришь мне оргазм... Давай, Клубничка!

С каждым своим словом он ускоряется. Его пальцы ныряют в податливое лоно, разгорячённое и текущее тягучей смазкой.

– Ты пахнешь на весь салон, – сообщает он мне с порочной ухмылкой. Я заставляю себя открыть глаза. Почти сразу же тону в обжигающей черноте его расширенных зрачков.

Вижу в них себя – раскрасневшуюся, растрёпанную, жадно глотающую воздух ртом. Он как будто уже хорошенько оттрахал меня, но готов продолжить ещё.

– Часто ты развлекаешься так, Леон? – внезапно спрашиваю я дрогнувшим голосом.

Почти сразу же начинаю ругать себя. Зачем мне знать это? Зачем слышать от него что-то вроде “ты тысячная в моём списке”... Боже. Я дура, реально схожу с ума и дурею от его ласки!

Леон замедляет попытку пальцами. Второй рукой распускает ширинку на своих брюках.

– Оттяни, – приказывает. – Достань член и сожми его в кулаке.

Я охотно выполняю его приказ. Каменная твёрдость его члена с выступившей на головке смазкой так и просится в мою ладонь. Мой рот наполняется слюной. Я голодна по нему. По чувству драйва, по горячему сексу. По ощущению, когда чувствуешь себя женщиной во всех смыслах слова. Чем доступнее, тем дороже. Как бы он ни обзывал меня шлюхой, в момент оргазма с ним я чувствую себя на миллион, а то и больше.

– О да... Сожми ещё. Не сломаешь, – выдыхает Леон с лёгким стоном, двигая бёдрами навстречу ко мне. – Подрочи мне.

Он говорит нарочно пошло и отвязно, словно проверяет границы моей выдержки. Как далеко я готова зайти? Стра-

шусь узнать это, ведь он отобрал у меня право отказываться. Можно только соглашаться и делать это с удовольствием. Поэтому пальцы скользят в частом ритме. Нежная, атласная кожа обнажает головку его члена. Он нежен и уязвим, но при этом твёрд, как скала.

Я прекрасно знаю, как он любит, и охотно даю ему это. Удовольствие бушует во всём теле, не только между ног от сжатий лона вокруг его крепких пальцев. Но мне приятно чувствовать и то, как его штормит от меня. Я его возбуждаю.

– Хочется тебя трахать постоянно. Сутки напролёт, заставить кончать тебя без перерыва... – рычит он, постанывая. – Ты будешь моей, пока ты действуешь на меня так, Клубничка...

Его слова означают только одно – старайся лучше. Мы доводим друг друга до экстаза пальцами. Это самый жаркий и грязный петтинг, что у меня был.

– Ускорься! Мы уже подъезжаем к дому!

Я мельком выглядываю в окно, замечаю, что за стеклом мелькают аккуратно подстриженные кустарники. Это подстёгивает меня. Я хочу получить свою порцию удовольствия.

– Нет!

Отказ Леона хлещет по моим нервам. Я изумлённо смотрю на него. Не понимаю ни его, ни себя, ни одного приказа.

– Хочу по-другому. Вперёд!

Он жестом показывает на свои колени. Перетягивает меня быстрее, чем я успела сказать бы ему «нет».

– Спиной ко мне! – приказывает, добавляя в голос пожара. – Держись за переднее сиденье.

Я занимаю место на его коленях, уже не заботясь о присутствии постороннего. Упираюсь пылающим лбом в прохладу кожаного сиденья. Леон просовывает руки под сарафан и рвёт на мне трусики в клочья. Крепко обхватывает меня за ягодицы и подтаскивает к себе.

– При Поднимись. Потришь о член своей киской...

Я делаю это. Чувствую его мощь и длину, скользющую вдоль набухших половых губ. Дрожу от нетерпения и едва не насаживаюсь на торчащий конец. Лоно голодно и порочно пульсирует в предвкушении. Но Леон шлепком по заднице останавливает меня. Он перехватывает член у основания и смазано проводит головкой по кругу влажного отверстия. Собирает скользкую смазку и бьёт крупной головкой по моей плоти.

– Леон! – хныкаю, призывно толкаясь бёдрами к нему навстречу.

– Сиди, Лина. Я сам сделаю так, как хочу!

Он опускает меня на себя, но не позволяет сесть на его член.

– Держись в таком положении. Не двигайся...

Я стону в полный голос. Уже не могу сдержаться. Приподнимаю попку и жду, что он вонзится в моё лоно нетерпеливым толчком. Ожидаю, что он будет трахать меня и всаживать член снизу вверх, но вместо этого Леон приставляет го-

ловку к моей попке и надавливает.

– Вот это местечко я оставил на сладкое! – шепчет соблазнительным змеем, искушённо раскачивает бёдрами, надавливая на тугой вход ануса. – Я трахну твою попку в имении. Отмечу наш приезд. Ты дашь свою попку мне на растерзание, Лина... Хочу кончать в неё. Сегодня. Ночью.

Он так настойчиво и ритмично надавливает, что распяляет мою похоть до невозможного состояния. Я словно в котле с кипящим маслом. Не понимаю, где мы находимся и для чего едем куда-то. Весь мир перестает существовать в этот момент. Я не чувствую ничего, кроме клеймящих рук на своём теле. Жар его сильного, мускулистого тела опалает меня.

– Дашь?

– Да! Да... Да... Я хочу... Пожалуйста, трахни меня сейчас, Леон!

Он хрипло смеётся и прикусывает меня за шею.

– Какая ты горячая штучка. А говорили, что женщины в России – такие же холодные, как весна в марте. Ничего подобного, Клубничка! Хочешь меня?

– ДА!

– Тогда бери меня. Полностью. До основания... – и с последним словом он приставляет головку члена к изнывающему лону.

Я благодарно вскрикиваю и насаживаюсь на торчащий член. Беру его целиком. Поглощаю. Кричу, когда стенки жадно сжимаются вокруг его твёрдости. Боже.... да... Да!

это именно то, чего мне не хватало.

Глаза закатываются от удовольствия. Я нетерпеливо двигаю бёдрами, уничтожая в пыль план Леона трахнуть меня самому. Сейчас не он правит балом, а я. Я подскакиваю вверх и опускаюсь на его бёдра со звонкими шлепками.

– Блять... Ты идеальная. Скачи на мне. Выдои мои яйца!

Леон трясётся от похоти подо мной, но отдаётся на мою волю. Я сама управляю процессом и делаю это так быстро, как только могу. Перед мордой роскошного автомобиля уже распахиваются кованые ворота, и вдалеке маячит ослепительная белизна дома.

Несколько сильных взмахов бёдрами. Я просто больше не могу сдерживать наплыв мощного оргазма и кончаю с именем Леона на губах. Повторяю его снова и снова, вращая бёдрами на предельной скорости.

Сжимаю крупный член так туго, как только могу, чувствуя горячие выплески его семени внутрь лона.

– Умница... Моя Клубничка! Дьявол, я бы отдал за ночь с тобой половину своего состояния... – выдыхает он, умиряя штормовое дыхание. – Моя сладкая...

Машина не спеша подкатывается к дому. Леон отстраняет меня от себя, целуя в шею. Я мокрая от пота и красная – знаю это, хоть не смотрюсь на своё отражение. Вид Леона наверняка не лучше.

– Открой ротик, Лина, – просит Леон.

Я не задумываюсь, выполняю его приказ. Не успеваю за-

метить, что именно он вкладывает мне в рот. Доверяю ему безоговорочно. Что-то холодное и металлическое касается моего языка.

– Пососи. Смочи слюнями хорошенько... – шепчет Леон.

Я делаю это, разрываясь на части от любопытства. Потом он вынимает загадочный предмет у меня изо рта и демонстрирует мне.

– Что это?

Леон ухмыляется. Его губы касаются моего уха, хриплый шёпот обжигает меня даже изнутри.

– Игрушка для твоей попки. Серебряная, – вертит между изящных пальцев изысканное украшение. Верхушка украшена так, что изображает... клубничку.

– Заказал её специально для тебя...

Леон опускает руку и гладит меня между ягодиц. Трогает чувствительный вход концом анальной пробки. Немного холодно. Надавливает.

– А-а-а-ах! – стону в голос.

Но обжигающий дискомфорт быстро сменяется другими ощущениями. Непривычной и острой растянутостью в попке. Леон вводит пробку полностью и надавливает.

Мычу. Ощущения для меня новые, но ... будоражащие и приятные.

– О да. Она там, где и должна быть!

Леон поправляет на мне сарафан, застёгивает свои брюки. Машина уже стоит на месте. Я замечаю на крыльце дома вы-

сокого статного старика и брюнетку рядом с ним. Это они? Семья Леона Моретти?

За ними полукругом выстроилась вся прислуга дома.

Мне становится немного жутко. Но Леон подмигивает мне. Сейчас он сыт и урчит, как наевшийся до отвала хищник! Он вылезает из салона первым и подаёт мне руку, оставляя мои трусики валяться разорванными на полу машины. Я встаю. Жаркое солнце слепит меня. Между бёдер тягуче сползают капли спермы и моей смазки.

Я делаю шаг в сторону дома и ойкаю.

– В чём дело, Клубничка?

Леон выглядит невозмутимым. Но в его тёмных глазах пляшут весёлые и похотливые черти.

– Как мне ходить с этой штучкой в попе? – шепчу я.

– Так, будто готова к тому, что в любой момент на её месте может оказаться мой член, – заявляет Леон и утягивает меня к дому. – Пойдём. Я познакомлю тебя с семьёй.

Глава 15

– Лина...

Голос Леона полон нетерпения. Он утягивает меня за собой. Особняк мафиози всё ближе и ближе. Как и те, кто стоят на крыльце.

– Кто это, Леон?

– Мой дед. Синьор Алонзо Моретти. Брюнетка рядом с ним – моя законная супруга, Фелиция, – скучающим тоном произносит Леон. – Остальные – прислуга.

Жена?! Жена... Да, я видела её. И много думала о том, как буду жить в Италии с Леоном. Но ни в одной из версий я и представить не могла, что буду жить в одном доме с его законной супругой. Как он меня представит? Какую роль я займу в доме Леона? Мороз проносится по коже. И я уже не чувствую себя такой же беззаботной и счастливой, как пару минут назад.

– Как ты меня представишь?

– Как ту, что выносит и родит моего ребёнка. Ты ни в чём не будешь нуждаться в моём доме. Жизнь и спокойствие тебя и малыша – главное всего, – решительно заявляет мафиози.

Я цепляюсь за его локоть ещё крепче. И уже понимаю, каким недовольным огнём загораются тёмные глаза Фелиции. Её взгляд, словно приклеился в то место, где соприкасается моя рука и рука Леона. Я даже не представляю, какие чув-

ства она испытывает. Как бы я сама отреагировала, если бы мой законный муж привёл в дом чужую женщину... Не просто женщину, а любовницу!

Ох, мне даже думать об этом трудно. Я не могу представить эмоции Фелиции, но хорошо понимаю то, что чувствую я сама. Я поневоле сравниваю себя и её, глупо начинаю ревновать и готовиться если не к войне, то к обороне.

– Синьор, синьорита... – приветствует деда и жену Леон. Потом он представляет меня на итальянском своей семье и прислуге. Моё имя звучит иначе, когда Леон говорит его на итальянский манер. Потом он обращается к жене на русском языке, чтобы и я понимала, о чём идёт речь.

– Фели, это Алина.

Фелиция поджимает пухлые губы и не размыкает их.

– Поздоровайся с Алиной.

Голос Леона становится ледяным и опасным. У меня даже волосы на коже приподнимаются от волнения.

– Мне говорить? Что говорить? – спрашивает Фелиция и смотрит только на лицо Леона, игнорируя меня.

– Алина беременна от меня. Она выносит малыша и родит его. Моего ребёнка. Ты примешь его как родного. Более того, о здоровье Алины ты будешь беспокоиться так, словно она – это ты сама. Ясно?

Фелиция наконец переводит взгляд на меня. В глазах полыхает негодование и желание отгрызть мне голову. Она мечтает вцепиться ногтями в моё лицо. Мне становится

страшно оставаться с ней наедине. Я начинаю беспокоиться, как бы это стерва не навредила моей беременности из-за зависти. Ох, Леон! О чём ты только думаешь, сталкивая на одной территории жену и любовницу?

Я была бы рада, если бы Леон снял квартиру и поселил меня там, приезжал и проверял моё состояние, занимался сексом... Всё, что угодно, лишь бы подальше отсюда.

Внезапно слышится скрипучий, но сильный голос синьора Алонзо. Он лишает Фелицию возможности ответить и что-то говорит Леону.

– Дед интересуется о твоём самочувствии. Он очень ждёт правнука, – поясняет Леон.

– Добро пожаловать в дом Моретти, А-ли-на, – по слогам произносит Фелиция и первой заходит в дом, демонстрируя мне идеально ровную линию спины.

Её бёдра покачиваются и выкручивают восьмёрки. Она переставляет ноги, как фотомодель, громко стуча каблуками по дорожному паркету. Всем своим видом показывает, что она – хозяйка дома.

– Леон... – зову я мужчину, и крепче сжимаю пальцы на локте. – Я не знаю итальянского.

– У тебя будет время изучить его, Лина. К прислуге можешь обращаться по-английски. Насколько мне известно из твоего резюме, ты бегло говоришь на английском? Или соврала?!

Хищные интонации в голосе Леона звучат зловеще. Я едва

не заикаюсь, но заставляю себя сказать:

– Нет, я не соврала. Я говорю по-английски, училась на курсах. Но не в совершенстве.

– Знаешь как спросить, что где находится и попросить принести что-то?

Я согласно киваю.

– Этого достаточно, – белозубо усмехается мафиози. – К тому же ты будешь учиться...

– Что?

Леон с лёгким раздражением смотрит на меня, как будто я сморозила несусветную глупость.

– Да, Лина. Ты будешь учить языки...

Он придерживает меня за локоть возле лестницы и понижает голос до горячего шёпота:

– Ты хорошо владеешь языком тела. Но я хочу, чтобы ты выучила и мой родной язык. Научу тебя грязным словечками... – ухмыляется многообещающе. – Тебе пойдёт на пользу. Потом ещё спасибо скажешь. Когда вернёшься в Россию...

Когда вернусь в Россию...

Леон сразу же обозначает условия. И я... боже, конечно, я хочу вернуться домой. Как можно скорее. К сестрёнке. Ко всему привычному. Только в сердце внезапно словно булавка вонзается при мысли о том, что Леона в моей последующий жизни точно не будет.

На самом деле я думаю, что Леон остынет ко мне гораздо

раньше, чем я успею родить. На пятом месяце беременности у меня начнёт расти живот, он будет становиться всё больше и больше... Я уже не смогу заниматься жёстким сексом, таким, как любит Леон. Он не умеет быть нежным, и почему-то я уверена, что лёгкий секс, лёжа на боку, или в любой другой безопасной позе не будет для него интересен. К тому же я буду толстой и не смогу прельщать его прелестями фигуры...

Мне становится грустно от такой перспективы. К тому же похитители Серёжи с их гнусными условиями никуда не делись. Они просто затаились на время, чтобы не вызывать лишних подозрений. Да и таинственные поставки бывают не так уж часто. Не пирожками же с картошкой торгует Леон, а чем-то посерьёзнее и опаснее. Здесь нужно быть осторожным, занимаясь тёмными делишками, и ещё больше соблюдать осторожность, если собираешься надуть и обокрасть жестокого мафиози.

– Для тебя уже приготовили отдельную комнату. В ней есть всё необходимое. Одежда в шкафу...

Мы поднимаемся по широченной лестнице на второй этаж, а у меня создаётся впечатление, будто мы находимся в дворце самого короля. Просторы и роскошь дома Моретти поражают меня. Как и вышколенные слуги, на лицах каждого из них расцветает приветливая улыбка. Разумеется, быть вежливыми входит в их обязанности, но я всё равно приятно поражена приветливости и вниманию, с которым прислуга

прислушивается к каждому слову своих господ.

– Твоя спальня.

Леон засовывает руки в карманы брюк и небрежным кивком указывает мне на спальню.

– Мария покажет тебе всё. Она твоя личная горничная...

После этих слов вперёд выдвигается смуглая, темноволосая девушка лет тридцати и приседает передо мной.

– Если что-то понадобится, зови её. Сейчас тебе нужно будет привести себя в порядок. Умыться. Отдохнуть. Потом тебе подберут платье и макияж...

Я изумлённо слушаю Леона, задавая только один глупый вопрос:

– Зачем?

Он воздевает глаза вверх, словно поражается моей несмышлёности и заявляет:

– Клубничка, мы не в России, где встретить гостя в халате и круглых штуках на голове... как они называются...

– Бигуди? – подсказываю я.

– Да, бигуди. Так вот. Для вас это норма. Но сейчас ты находишься в доме синьора Алонзо Моретти. Мой дед очень строг и требователен. Поужинать с ним в роскошном платье, подходящем для этого события, меньше, что ты можешь сделать. Или ты не хочешь произвести хорошее впечатление?

– Хочу, конечно же! – поспешно заверяю я Леона. – Очень хочу. постараюсь не подвести....

Жена Леона всё это время стоит рядом с нами и беседует с кем-то из прислуги на итальянском языке.

– Тогда не трать моё время зря. Вперёд! – приказывает Леон и разворачивается ко мне спиной. В то же мгновение Фелиция подходит к нему и с грацией пантеры льнёт к своему супругу. Не могу сказать, что Леон очень рад. Но и руки её со своего локтя не стряхивает. Воспринимает это как должное.

Они – муж и жена. Так и должно быть. Только почему мне хочется реветь?

– Добро пожаловать, синьорина! – приветствует меня девушка и распахивает передо мной дверь спальни, приглашая войти внутрь.

Я подавляю судорожный вздох и глотаю слёзы, взявшиеся словно из ниоткуда. Мне следует быть сильной, поэтому я вхожу внутрь, стараясь держать лицо. Больше всего на свете мне хочется одного – умыться.

Роскошь отведённой мне спальни поражает впечатление. Изысканная мебель из светлых пород дерева, позолота на деталях интерьера. Витиеватые бра и приятные глазу мелочи расставлены всюду. Внимание привлекает туалетный столик и большое зеркало, а ещё, несомненно, кровать. Она большая, двуспальная. На ней с лёгкостью можно будет устраивать постельные игрища. С Леоном? Ох, не знаю, зачем я думаю об этом, тем более сейчас, когда мафиози едва насытился и поймел меня прямиком в машине! Неужели я стала та-

кой же ненасытной, как и он? О, не думаю, что это возможно. Просто я слишком хорошо играю свою роль и отдаюсь ей полностью.

Горничная показывает мне расположение ванной комнаты, но я бы и сама догадалась, что за второй дверью прячется ванная и уборная.

– Отдыхайте, синьорина. Я приду чуть позднее и позову к вам девушек. Они подберут вам наряд...

Мария кажется мне приятной и мягкой в общении, она старается услужить мне. Я отвечаю ей на английском языке, стесняясь того, что мой английский звучит с сильным акцентом. Я растеряла сноровку, когда перестала посещать курсы – не хватало денег. Я решила отложить свои курсы до лучших времён. Возможно, сейчас у меня будет достаточно времени, чтобы подучиться.

Нужно видеть плюсы – так намекнул Леон.

– Вам помочь ещё чем-нибудь?

– Спасибо, Мария. Я хотела бы остаться одна.

Я отсылаю девушку прочь, а сама торопливо захожу в ванную комнату. Вау! Здесь не просто ванна, а целое джакузи. Рассмотрев панель с кучей кнопок, я уже начинаю жалеть, что отпустила Марию – мне не помешала бы помощь. Боюсь нажать что-нибудь не то. Поэтому не решаюсь, откладывая это на потом.

Душевая кабина тоже королевских размеров. На полках ванной комнаты расставлены шампуни, гели для душа, мас-

ки для волос, мыла... На каждой бутылке лаконичный логотип бренда с мировым именем. Это же стоит огромную кучу денег. Роскошь и дороговизна – повсюду. Казалось, я немного привыкла к жизни в стиле лакшери, пока жила с Леоном в его резиденции. Но к этому невозможно привыкнуть. Тогда я тешила себя надеждой, что это скоро кончится. Теперь, выдавливая на ладонь шампунь, пахнувший лавандой, понимаю, что это всё только начинается.

С громадным облегчением я смываю со своего тела пот, запах своего возбуждения и аромат мужчины. Единственное, что смыть невозможно – это память о прикосновениях Леона. Он словно заклеил меня. И, намыливая тело, я нечаянно повторяю порочные дорожки его пальцев, исследуя каждый уголок своего тела. Мафиози действует на меня даже на расстоянии. Заставляет гореть и заново переживать обжигающе-страстные минуты нашей сумасшедшей близости.

Могла ли я думать, что однажды со мной случится нечто из того, что происходит сейчас?

Нет.

Я и думать о таком не смела. Максимум, на который я рассчитывала, это побывать где-нибудь в Анталии, погреться на солнышке. Пожалуй, всё...

Меня никто не торопит, поэтому я не спешу вылезать из ванной комнаты. Наслаждаюсь тишиной и мнимым покоем. Мне хочется верить, что мои дни в доме Моретти буду безоблачными.

Но едва войдя в спальню, понимаю, что я ошиблась.

Я хватаюсь пальцами за дверной косяк, чтобы не упасть от удивления. В моей комнате находится Фелиция. Она стоит спиной ко мне и разглядывает содержимое большого платяного шкафа. К моему удивлению в нём уже висит одежда.

– Он давать приказ, чтобы всем готовиться к твоему приезде. Не нуждаться ни в чём, – на ломаном русском поясняет Фелиция. Она даже не поворачивает голову в мою сторону. С шумным выдохом проводит пальцами по ткани платья цвета мокрого асфальта. – Elie Saab...

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю я, придерживая тюрбан из полотенца на своей голове. Он то и дело норовит соскользнуть вниз, а капли воды стекают по нежной коже шеи, щекоча её прохладными капельками.

– Синьора, – холодно поправляет меня Фелиция. Резко поворачивается и подходит ко мне, объясняя. – Говорить нужно “синьора”.

– Или донна?

– Я не так стара. Не донна, – Фелиция всем своим видом выражает нежелание говорить со мной. Но по какой-то причине разговаривает. – Леон сказал. Следить, чтобы ты была bella.

Жена мафиози усмехается и подходит ко мне очень близко. Она внезапно протягивает руку в мою сторону. Трогает пальцем мою щеку, проводя по ней ногтем с бардовым маникюром.

– Белая, как снег. Что он в тебе найти. Сгоришь. Здесь очень жарко...

Потом Фелиция вздыхает и отходит в сторону.

– Тебе подойти этот. Зелёный, – показывает на платье мятного цвета, висящее на плечиках. – Бери его. Синьор Алонзо любит это.

– Я должна угодить синьору Алонзо? Почему именно ему?

– Потому что синьор Алонзо хочет правнука. И ему плевать, кто его родит. Хорошая дочка богатой семьи или белая нищая русская!

На этом Фелиция решает, что довольно общения со мной. Она выходит, и через мгновение в комнате появляются две девушки. Они объясняют, что будут готовить меня к ужину – сделают причёску, макияж и подберут аксессуары.

* * *

Приготовление к ужину заняли по меньшей мере часа два. Потом я едва узнала себя в зеркале. Нежное струящееся платье превратило меня в сказочную принцессу, очень нежную и трогательную. Умело подобранный макияж подчёркивал хрупкие черты лица. Я выглядела так, словно была принцессой садовых фей. Провела ладонью по ткани платья. Плотное кружево подчёркивало мою высокую грудь и плотно обнимало талию, потом лёгкая ткань расходилась к низу струящимся потоком. На ногах красовались туфли, но каблук

не был высоким. Я была благодарна, потому что неуверенно чувствовала себя и боялась оплошать. Боялась запнуться на ровном месте, страшилась споткнуться, упасть и опозориться ещё больше.

Я ещё раз осмотрела себя в зеркале и только после этого смогла сделать шаг в сторону двери. За ней меня уже дожидался Леон.

Его взгляд – как костёр. В нём начинают полыхать искры. Кажется, ему нравится то, что он видит на мне.

– Интересно, сколько я заплатил за это платье? Не подкажешь?

– Не знаю.... Синьор! – внезапно лопочу я, не зная, вдруг и к Леону стоит обращаться иначе.

– Брось, Лина. Называй меня по имени. Так привычнее. Но если хочешь увидеть на месте меня строго господина, только намекни...

Походкой хищника подступает ко мне и сжимает мои ягодицы властными пальцами. Щупает через ткань.

– Сколько бы ни стояла эта тряпка, я хочу её на тебе порвать. Я это сделаю, – обещает Леон и цепляет меня под руку. Он ведёт меня по коридору, поддерживает под локоть, спускаясь по лестнице. Наши шаги гулко звучат в просторной зале.

– У моего деда непростой характер, Лина. Ты попала в мой дом в непростое время. Алонзо уже стар и у него теряется терпение... Его слово здесь – закон. Неоспоримый. По-

нятно?

– Да, Леон, – шепчу я, глядя на синьора Алонзо, сидящего в просторном кресле. Он и вправду похож на главу клана мафиози. Он уже стар. Но его узловатые пальцы так крепко сжимают золотой набалдашник трости, что я хорошо могу представить, как он пускает эту трость в ход, охаживая неугодных. Он курит сигару и смотрит пристально, как ястреб. Возможно, у него уже развилась старческая дальновзоркость. В любом случае, он не пропускает ни одной детали во мне и явно оценивает, с кем придётся иметь дело.

– Обращайся с ним на вы. Он любит, когда его называют синьор. И ради всего святого не обращай к нему раньше, чем он обратится к тебе, – напутствует меня Леон, подводя к старику.

Когда я останавливаюсь напротив Алонзо, замечаю, как сильно похож Леон на своего деда. Строгий взгляд, морщинистое лицо, глаза такие чёрные – копии глаз Леона. Одет он старомодно – брюки на подтяжках, белая рубашка и шляпа. Эти вещи словно перекочевали из прошлого века, но ткань явно дорогая. Скорее всего, одежду для синьора Алонзо шьют на заказ самые лучшие портные Италии.

Мне пришлось поцеловать руку старика. Он очерчивает меня тяжёлым взглядом и что-то говорит Леону. Я замечаю, как напрягается младший Моретти. В ответ старик начинает хрипло смеяться и встаёт. Он оказывается таким же высоким, как Леон, только седым-седым.

– Дед приглашает тебя к столу. Спрашивает твоего разрешения...

– Хорошо, синьор, – соглашаюсь я.

В следующее же мгновение дед щиплет меня за талию и... нюхает! Он проводит носом почти по моей шее и опять что-то хрипло говорит Леону. Леон отрицательно мотает головой, тогда дед с ухмылкой обращается ко мне на ломаном английском.

– Минус двадцать лет. Я бы валить тебя из своего ружья. Наповал...

– Дед шутит, – мрачно отзывается Леон, пристраиваясь сзади нас. Мы чинно направляемся в сторону столовой. Идём медленно, а дед постукивает тростью, отмечая свой неторопливый шаг.

– Она пахнуть иначе. Раньше был секс и животная грация. Сейчас твой шампунь и страх. Не бойся, дитя... – хмыкает дед и притворно вздыхает. – О, минус двадцать лет назад...

Глава 16

– Для начала мы подписать договор! – отдаёт приказ Алонзо и поворачивает вправо, направляясь вглубь длинного коридора, на стенах которого блекло поблескивают бархатные бра. Глава семейства останавливается напротив огромной двери из бурого по цвету дерева, распахивает её настежь и тростью машет нам, мол входите. – Фелицию мне сюда вызвать! – обращается к охраннику.

– Сию минуту, синьор, – кланяется рослый бритоголовый шкаф, исчезая в дверном проёме.

– Ну садитесь, – говорит мафиози, направляясь к большому круглому столу, стоящему в просторной светлой комнате. За этим столом уже сидит гость – немолодой худощавый мужчина в круглых очках-лупах. Он внимательно сканирует взглядом белый лист бумаги с мелким текстом на нем. Вчитывается, морщит брови. Я понимаю, что он держит в своих дряблых руках. Мой приговор.

Назад дороги нет и не будет. Подпишу его – навсегда откажусь от ребёнка. Не подпишу... потеряю сестру и Серёжу. Вряд ли Леон захочет и дальше иметь со мной дело, если я вдруг передумаю и всё-таки сделаю аборт. Но разве есть ли у меня выбор? Оставить ребенка мафиози не позволит. Я иду на отчаянный шаг, пытаюсь решить проблему с наименьшей потерей для всех. Я ведь всё еще надеюсь стать женой Сер-

гея. Так ведь будет правильно? Да? Как мы и планировали. Поэтому я всем своим нутром верю, что я спасу своих родных.

– Это наш семейный нотариус, дон Винчети, – даёт мне пояснение Леон, я киваю, ощущая, как по телу скользит холодок. Становится зябко. Что-то я волнуюсь. Совестно мне. Некомфортно на душе. Как будто дьяволу жизнь продаю. Сейчас Моретти вытащит из кармана своего стильного пиджака ритуальный нож, полоснёт меня по руке острым лезвием и заставит расписаться. Собственной кровью.

Леон отодвигает стул, ухаживая за дедом. Сначала его усаживает, рядом с нотариусом, а затем и меня, напротив деда, по левую сторону от Винчети. Дед всё так же нагло лапает меня своими мелкими глазёнками. Нахально так, бессовестно. Старый извращенец. И шуточки у него наглые! Пошлые. Неужели я так сильно понравилась старику?

Пока дед начинает о чём-то болтать с нотариусом на итальянском, я поворачиваюсь к Леону и тихонько спрашиваю, глядя в его серьёзное лицо с отчаянием и надеждой:

– Леон, ты обещаешь, что покажешь мне мою сестру? Я должна убедиться, что её перевели в больницу.

Моретти отвечает твёрдым голосом, наполненным хрипотцой:

– Да, обещаю. Её как раз сейчас перевозят. Вот, – он тянется к мобильному телефону, клацает на экране папку «галерея» и показывает мне фотографии. Я задерживаю дыха-

ние, сама не понимаю, как хватаю Леона за запястье и сильно его сжимаю, когда вижу знакомый силуэт сестры. Катюша... Моя малышка! Губы дрожат, на ресницах выступает влага. Я вижу, как её, в сопровождении целой армии врачей, грузят в машину скорой помощи. На лице сестры кислородная маска, она не двигается, будто спит вечным сном, как героиня сказки «Спящая красавица». Смотрю на неё, и тут же крепко зажмуриваюсь. Не могу. Вижу её такую мёртвую... и самой умереть хочется. Как будто меня изнутри кислота поганая разъедает.

– Леон, Лина, вы готовы? Начинаем? – Винчети отрывается от своих бумажек и обращается к нам обоим.

– Ждём Фелицию. Она тоже должна принять участие в столь важном мероприятии, – как-то недовольно скалится дед.

Честно, я не понимаю, что там между ними происходит. Почему я должна родить Леону наследника, точнее, Леону и его жене? И как она отреагирует на то, что она должна будет нянчить чужого, по сути, ребёнка. Странная семейка. С приветом. У бандитов свои тараканы, это точно! Но самый ненормальный из них, конечно же, дед. Старый маразматик. Наследника ему подавай! Мне не понять их загонов. Я выросла в другом мире. Более цивилизованном, приземлённом к логике. А у них свои законы, своя чёрная мораль. Верно. Они же бандиты. Существа не из мира сего. Они – его верхушка. Поэтому могут изобретать то, что сами пожелают.

Вспомнишь солнце, вот и лучик. Ленивый стук в дверь, в комнате появляется звезда Италии – мадам Фелиция собственной персоной, в изысканном вечернем платье с глубоким вырезом в области груди и в меру откровенном разрезом на левом бедре. Её тёмные, рассыпанные пышными кудрями по спине волосы, собраны в высокий хвост на макушке. В ушах сияют бриллианты, а на лице – броский макияж, будто она собралась сегодня весь вечер плясать на сцене, как самая яркая звезда эстрады.

Синьора будто нарочно выбрала вульгарную одежду. Мне кажется, или она пытается нам всем что-то доказать? Что он здесь мисс мира. А я? Я не должна сидеть за этим столом, не должна вообще находиться в этом доме, не должна была встретить на своём пути Леона. Такая как я. Простушка-лохушка, как бы сказал Фелиция, светская львица, уроженница высшей касты, в венах которой течёт голубая кровь.

Нет, девица не высказала мне всех этих гадостей в лицо прямым текстом. Не словами. Она «выругалась» в мою честь своим холодным, зашкаливающим от презрения взглядом, когда, войдя в кабинет главы семейства, с высоко поднятой головой, расправив плечи и вздёрнув повыше подбородок, застучала каблуками по паркету, будто модель на подиуме. Не дождавшись дозволения, чтобы войти, она села рядом с Леоном, не выдавив из себя и слова. Даже не поздоровалась. Она мне не нравится. И, судя по всему, она мне не рада, как временной, но в тоже время важной гостии этого дома.

– Синьор Алонзо, – кряхтит нотариус, чуть закашлявшись, – начинаем?

Дед ободряюще моргает, окидывая всех присутствующих здесь людей серьёзным взглядом.

– Желаете что-то сказать? – уточняет нотариус.

Первым делом, дед обращается к Фелиции:

– Раз ты, Фелиция Джиианни не смогла произвести мне, то есть нам, – откашливается, корректируя свою речь, – потомка, то эту роль возьмёт на себя Алина Полякова. Как только Алина родит, ты примешь этого ребенка как своего кровного и будешь заботиться о нём с любовью до самой своей кончины. Так, и только так вы с Леоном получите в распоряжение всё моё состояние.

Ох. Я неосознанно вздрагиваю. Пазлы неясности потихоньку склеиваются в одну единую и чёткую картину. Так вот, оказывается, почему Леон передумал и решил оставить наследника. Из-за денег. Из-за прихоти, из-за условия ненормального на голову старикана.

Было бы лучше, если бы я никогда не узнала эту горькую правду. Я думала... На миг я подумала, что Леон... что он за меня искренне испугался. Вспылил. Был на эмоциях. Передумал, опомнился и прилетел как пуля, чтобы вырвать с операционного стола. Потому что я... тогда я мельком подумала, а вдруг, я стала ему небезразлична?

Вот оно как, оказывается. Просто деньги нужны. Если старый хрен получит то, что так жаждет – наследника, то он с

головы до ноги озолотит своего отпрыска. Трудно представить, сколько денег находится в казне Моретти. А Леону все мало, мало и мало. Вот что делает с людьми жадность, на что они только не идут ради денег. Тошно. Гадко. Я продолжаю тонуть и захлебываться в трясине собственной проклятой жизни. День за днём. Ночь за ночью.

– Я почти это за честь, синьор, – скрипя зубами, выдавливает из себя брюнетка.

– Вот и славно. Тогда, предлагаю всем сию же минуту подписать документ, – старик кивает нотариусу, тот встает со стула и, первым делом, направляется к Фелиции. Вручает ей ручку. Она даже не читает то, за что расписывается. Неужели и она такая же марионетка, как и я?

С кислой миной на лице леди Моретти чиркает свой автограф на бумажках. Я смотрю на неё, девушку с обложки глянцевого журнала, и задумываюсь... Любит ли её Леон? Зачем женился, если с виду они не выглядят как сплочённая пара. Брак по расчёту? Неужели Моретти в жизни и правда интересуют лишь деньги и власть? Мне бы хотелось хотя бы немного ошибиться. Ведь с этим человеком мне ещё жить под одной крышей минимум восемь месяцев.

Следующий на очереди Леон. Он скользит по бумагам беглым взглядом, кивает и тоже расписывается. Как по цепочке документ оказывается в моих руках, которые, между прочим, трясутся и немеют от мелкой дрожи. Нет, мне не нужны деньги, золото, бриллианты... Я всего лишь хочу,

чтобы мои близкие были со мной рядом. Целы и невредимы. Я хочу жить спокойно, без экшена и прочих нещадных проблем. Сейчас я будто хожу по раскалённым углям. Как же надоело.

Я смотрю на документ и ничего не понимаю. Прошу Леона, чтоб он перевёл мне текст с итальянского на русский. Леон это нехотя делает. Я не знаю, зачем прошу его об этом. Всё равно отказываться поздно. Поэтому, сделав глубокий вдох, я кое-как ставлю роспись в графе со своими инициалами в нескольких экземплярах. У каждого присутствующего здесь, в итоге, останется по одному экземпляру на руках с «мокрыми подписями». И один должен отправиться в сейф. Леон меня об этом предупредил.

Документы кочуют в руки старшего Моретти. Улыбаясь, дед щедро мажет по поверхности бумаги ручкой и, в завершении, возвращает ценные бумаги нотариусу.

– Поздравляю. Сделка состоялась, – радостно объявляет Винчетти, пожимая руку главарю мафии. – Документы советую отправить на сохранность в сейф.

– Благодарю за хлопоты, друг, – дед охотно пожимает руку нотариуса в ответ.

Все присутствующие, кроме меня, поднимаются со своих мест и направляются к выходу из комнаты. Лишь я одна задерживаюсь на секунду на месте. Смотрю вниз, на своё отражение в глянцевой поверхности дорогого стола. Одинокая слеза скользит по моей щеке, капает на стол, растекаясь по

нему уродливой кляксой, а в мыслях рыдает и мечется моя потрёпанная суровой жизнью душа. Отчаянный крик звучит внутри моего сердца. И он... меня убивает.

«Поздравляю, Лина. Ты отдала дьяволу не только своё тело и душу. Ты отдала ему нечто большее... Свою маленькую копию. Своё дитя».

* * *

Весёлый гогот, звон посуды и бокалов наполнили хоромы просторного торжественного зала. Дед улыбался до самых ушей, уплетая за обе щеки то омаров, то кальмаров, то красную икру ложками в окружении близких друзей и армии прислуги, которая обступила его со всех сторон. Царский ужин. Пир горой. Я видела такое разнообразие блюд лишь... да никогда не видела! Мне тошно. Нет, больше не от токсикоза, а от той проклятой ситуации, в которой я оказалась как будто в западне, как бабочка с оторванными крыльями, которую кинули в запечатанную наглухо банку умирать, и от всех этих ухмыляющихся лощеных рож. Бандитских морд!

Леон... Он выглядит сытым и довольным. Конечно, ведь его и без того баснословное состояние, благодаря моему, нет... больше не моему ребёнку, вырастет в разы. Мне не до веселья. И нет аппетита. Чего мне радоваться? Как я могу шиковать и лыбиться, как лыбится сейчас дед, если моя сест-

ра... она умирает, и Серёжа... ему там тоже очень больно. Я даже не знаю, жив ли он.

Я решительно бросаю вилку на стол, так и не притронувшись к пище, поднимаюсь с места, не спрашивая ни у кого дозволения, выхожу из-за стола. Леон прекращает болтовню с одним из своих друзей – зрелым брюнетом, которого он представил мне как Марио Росси, и бросается следом за мной.

– Лина, куда ты? – совершенно спокойно спрашивает, но должен наверно поругать за самоволие.

– Я устала. Извини. Мне не очень хорошо...

– Тебя проводить? Куда? На прогулку, в свою комнату?

Тошно. Пусть жену свою проводит. А я вещь.

Я машинально поворачиваю голову в сторону, натываюсь на первую леди семьи. Фелиция как обычно недобро режет по мне взглядом, а дед и вовсе занят светскими беседами.

– Нет. У тебя гости.

– Я бы хотел, чтобы ты осталась.

– Я беременна, Леон, у меня обострился токсикоз. Передай это синьору, – сквозь стиснутые зубы рычу я, даже не оборачиваясь, уверенно постукиваю каблучками к выходу. – Не нужно меня провожать. Справлюсь. Особенно не нужно делать это на глазах у своей... жены.

Я не знаю, что на меня нашло. Гормоны шалют? Возможно. Или... я ведь не могу ревновать? Когда я подписала ту ненавистную бумажку, я чётко дала себе установку – не

влюбляться в Леона Моретти. Такой как он, монстр бездушный, превратит меня в прах, даже моргнуть не успею.

Мужчина не плетётся за мной следом. Вот и славно. Я всё-таки решаю немного подышать свежим воздухом и выхожу в сад. Обхватив плечи руками, неторопливо прогуливаюсь по саду. Пение птиц, бархатное тёмное небо с множеством мелких крупинок на нём, немного расслабляют воспаленный ум. Я тяжело вздыхаю и смотрю на полный диск луны. Думаю о сестре, о Серёже, веки вновь начинают подрагивать, а ресницы мокреют. Надеюсь, Катя скоро поправится.

Я буду очень сильно надеяться на то, что Моретти сдержит своё слово. И похитители любимого... Долго ли они собираются ещё держать его в плену? Хотя, сейчас даже так будет лучше. Я не хочу, чтобы Серёжа знал, что его невеста... беременна от бандита. Но если он действительно любит, то примет этот ужасный факт, поддержит меня. Я ведь ради него ложилась под убийцу. Ради него влезла во всю эту грязь! Я суррогатная мать. Пусть он думает именно так. У меня нет чувств к Моретти. Ни капли! Наверно... Гадко! Как же гадко звучат в голове мои мысли... Как оправдание. Самой себе. Я ведь не влюбилась? Не влюбилась в этого жестокого черноглазого ублюдка? Да как такого дьявола можно любить? Любят ведь, прежде всего, не за обёртку, не за огромный и приятный член... а за душу.

Нагулявшись, я бреду обратно к дому. Как вдруг, замечаю знакомую рожу. Фелиция. Она вышла на улицу с сигаретой

в зубах. Стоит вся такая важная, вальяжная и затягивается вонючей палочкой. Видит меня, бросает окурок в пепельницу. Рисуя восьмёрки бёдрами, двигается мне навстречу. Вот сейчас у меня точно нет настроения на разговоры. Чего она хочет? Подружиться? Поиздеваться? Скорей всего, второе.

– Что, наслаждаешься вечером? А чего с банкета сбегать? – тараторит она на ломаном английском. Девушка выпила, от неё веет алкоголем и табаком. Мне неприятно находится рядом с ней. Даже, если запах вредных привычек перебивается запахом фирменных «Шанель».

Мой желудок делает тройной кульбит и скручивается в тугой узел. Я решаю просто промолчать, обойти стерву стороной и лечь спать. На пьяных вообще лучше не обращать внимание, тем более, не нужно с ними спорить.

– Эй, я с тобой разговаривать! – она недовольно топает ногой. Я пытаюсь обойти вспльчивую фифу слева, но она... эта полоумная стервозина резко хватает меня за локоть. Будто зубастая кобра впивается в нежную плоть острыми зубами – ногтями, властно сжимает. Рука начинает неприятно пульсировать.

– Руки убери. Или я позову охрану, – грозно, но абсолютно спокойно шепчу я.

Фелиция заливается раскатистым смехом. Насмехается надо мной, глядя сверху вниз как на таракана. Рывок, я пытаюсь освободиться, а она поджимает свои пухлые, набитые силиконом губы, прекращает гогот и практически плюёт мне

в лицо мерзкую правду:

– Откровенно говоря, ты мне не нравится. Ты девочка – шалашовка. Леон продешевил, когда выбрать тебя. Ты ведь пустышка, безродная дворняжка. Но у него нет выбора. Наследник нужен уже сейчас. Будет лучше, если ты одуматься. Откажись. И уезжай. У Леона много недоброжелателей. Ты – мишень его врагов. Советую тебе глядеть в оба. Кто знает откуда выползти змея... и вцепился тебе в глотку, чтобы устранить назойливую помеха, – итальянка ехидно кривится, а я делаю резкий рывок назад и вырываюсь из цепкого захвата хамки. Холодные мурашки, как опасные лианы, невидимыми кольцами оплетают мой позвоночник.

– К сожалению я не могу этого сделать. Или ты забыла? Что я подписала тот чертов договор?!

Тупица. Не понимает, что я теперь их собственность? А с виду хоть куда королева деловая.

Девушка долго думает своей недалекой головкой, видимо пытается подобрать слова, что-нибудь этакое умное сострить, но мне плевать – охота спать. Я даже демонстративно зеваю, когда она собирается открыть рот, чуть задеваю Фелицию плечом, ускоряю шаг и проскальзываю сквозь распахнутые настежь двери особняка, направляясь в сторону лестницы.

Внутри дома шумно. Скорей всего, гости дома, вместе с их главными обитателями, набив желудки диковинными деликатесами, уже во всю играют покер. Я поднимаюсь на свой

этаж, немного путаюсь в коридорах современного замка, нахожу знакомую дверь и оказываюсь в своей комнате. Запираюсь там, падаю носом в подушки. У меня нет сил даже на то, чтобы раздеться, сходить в ванную. Эта черноглазая ведьма, выпила из меня все соки. Я лежу ещё несколько минут, пытаюсь расслабиться, ни о чём не думать, а после будто лечу в бессознательный полёт, крепко засыпая.

* * *

Меня будит лёгкий стук в дверь. Потянувшись на кровати, я приподнимаюсь на локтях и осматриваюсь, напрягая извилины. Первую ночь в логове одного из самых опасных в мире мафиози я провела в полном одиночестве. Леон не пришёл. Или... он передумал меня трахать? Из-за жены ли? Или просто слишком увлёкся вечером?

С одной стороны, я на него обижена. Тем, что он и дальше собирается меня использовать как шлюху, веселясь под боком у своей жены с другой женщиной, по сути. Но, с другой стороны, секс с Моретти мне по-прежнему необходим. Только так я могу втереться в доверие бандита, с целью и дальше сливать информацию похитителям.

Надо бы включить тот телефон... А так не хочется. Последний раз я проверяла сообщения три дня назад. После, было не до этого.

Я поднимаюсь с постели, чуть приглаживаю ладонями

растрёпанные волосы и тихонько произношу в голос:

– Входите.

Дверь в комнату беззвучно открывается, на пороге появляется молоденькая девушка – моя служанка, Мария. Она немного знает английский. Улыбаясь, девушка обращается ко мне с вопросом-предложением:

– Доброе утро, мисс, господин желает вас видеть за завтраком.

– Могу ли я позавтракать в своей комнате?

Не хочется сейчас видеть Моретти. Тем более, выдру-Фелицию. Мне так грустно, что хочется хотя бы несколько дней провести в одиночестве.

– Но господин очень настаивать... – просит меня девушка.

– Хорошо. Дай мне несколько минут, – я массирую виски пальцами, голова начинает побаливать, а вот желудок жалобно урчит.

– Я помогу вам навести красоту, – Мария порхает вокруг меня как бабочка. Она сама предлагает мне наряды, сама копошится в моём шкафу, а мне без разницы, что она там бормочет. Всё равно в чём идти на завтрак. Апатия внутри меня успешно прогрессирует.

С помощью Марии я натягиваю на себя через голову легкое летнее платье на тонких лямках, длиной чуть ниже колен, нежно-розового цвета. На ноги – белые босоножки на танкетке. Симпатичные. Они отлично сочетаются с нарядом. Вроде бы ничего особенного, но смотрится эффектно. Каж-

дый шовчик будто прошивался вручную. Ни одной торчащей нитки. Идеальная работа. Мне страшно подумать, сколько стоит это тряпьё. Как новый современный телефон, наверно.

– Вы очаровательны, мисс, – Мари дарит мне комплимент, когда заканчивает расчесывать мои волосы.

– Спасибо, – голос пересыщен грустью.

Я встаю с пуфика и направляюсь к двери, служанка бежит следом за мной и даже успевает пару раз брызнуть на меня духами. Ох, лучше бы она это не делала. Всего один вдох, у меня темнеет перед глазами от отвращения, а горло сдавливает рвотным спазмом.

Я спускаюсь по лестнице на первый этаж особняка, вхожу в обеденный зал и моментально вижу Леона. В белой рубашке, с золотыми запонками на манжетах, он сидит в гордом одиночестве на том месте, где вчера восседал главарь бандитской семьи – Алонзо Моретти. Леон серьёзен, как обычно, сексуальный порочный дьявол. Он с кем-то говорит по телефону, мне нравится наблюдать за тем, когда он решает свои делишки. Но я должна мотать на ус каждое слово, а так хочется... смотреть на его полные, чуть влажные губы и фантазировать о том, как он этими губами... точнее своим наглым языком, выбивает из меня дикие оры... когда... боже! Когда лижет меня там, между ног, погружаясь языком глубоко в мою дырочку. Это мечта. Дурацкая, гадкая фантазия! Которая сама собой всплывает в моей непутёвой голове, когда я смотрю на бога секса и раздора в человеческой плоти,

не в силах оторваться ни на миг.

Красивый. Идеальный. Белый цвет отлично смотрится на загорелой коже. Волосы итальянца, будто чёрный шёлк, блестят как шерсть хищной пантеры. Он и сам как пантера. Необузданный, опасный, грациозный. Истинный хищник.

Я подхожу к столу, прямо передо мной пронесется служанка с подносом. Она ставит перед Леоном тарелку с чем-то сильно пахнущим. Открывает крышку подноса, меня аж передергивает, когда в ноздри врежется едкая рыбная вонь. Морепродукты, что ли?

– Доброе утро, Клубничка. Как спалось на новом месте?

Я нехотя опускаюсь на стул, располагаюсь рядом с Леоном, занимаю то место, где уже стоит тарелка с овсяной кашей с фруктами и горячие бутерброды. Я смотрю на свой завтрак, и мне хочется хорошенько прочистить желудок. Какое отвратительное состояние... Будто отравилась. Вот только моё отравление слишком затянулось.

– Ты как? – Леон с удовольствием уплетает похлёбку. Не могу на это смотреть. – Выглядишь бледной. Не лучше?

– Не очень... ч-что-то, – недовольно морща нос, я отодвигаю тарелку подальше.

Ладно, от каши меня воротит, а как же омлет и бутерброды? Я беру в руки один поджаристый тост. Подношу его к губам. Неожиданно мой взгляд падает на окно. Я фокусирую зрение и мельком замечаю чёрные, пышные волосы... Чья-то тень будто мелькнула за угол дома. Или мне показалось?

Я медленно подношу бутерброд к губам. Срабатывает рвотный рефлекс. Я швыряю его обратно в тарелку, вот-вот и меня вырвет прямо здесь. Да что ж такое?!

– Лина! – Леон вскакивает с места, на эмоциях бьёт ладонью по поверхности стола, отчего раздаётся характерный звон приборов. Я игнорирую мужчину. Зажимая ладонь рукой, со всех ног лечу из обеденного зала в холл.

– Нормально в-всё, как обычно... – буркаю что попало, лишь бы успокоить его, лишь бы он не гнался за мной следом. Пора бы привыкнуть и смириться с тем, что тошнота в моём положении – обычное дело.

В дверном проёме я практически лоб в лоб сталкиваюсь с высоким брюнетом. Я узнаю его – это тот самый друг Леона, Марио.

– Осторожней, дорогая, – шепчет он мне всего пару слов, но мне не до этого. Я думаю лишь об одном – как бы мне успеть добежать до белого друга и не опозориться на глазах у Леона и его лучшего друга.

Я влетаю в ванную комнату, даже успеваю клацнуть щеколдой, а вдруг Леон увидит мой позор... Не хотелось бы. К счастью, он меня не преследует. Наверно отвлекся на своего друга. Позже зайдёт. Надеюсь, что Леон, хотя бы чуть-чуть за меня переживает. Не потому, что я вынашиваю его потомка, а просто так...

«Как? Как, Лина, как? Забей» – внутренне приказываю я себе и быстро умываю лицо холодной водой, чтобы немного

взбодриться, после чего выскакиваю на балкон, на свежий воздух.

Фух. Меня отпустило. Повезло.

Я кладу ладонь на живот, чуть его поглаживаю и делаю глубокие вдохи, глядя на живописный вид из окна своей комнаты. На сияющий яркими красками сад, на бассейн с лазурной водой, на садовников, которые щепетильно возятся с насаждениями, на минуту я успокаиваюсь.

Опускаю ресницы, приказываю себе не думать ни о чём... Как вдруг меня будто швыряет головой вниз через перила, ударной волной выбрасывает со второго этажа этот жуткий, будто нечеловеческий вопль.

Женщина. Кричит женщина. С надрывом. С истерикой и страхом в осипшем до хрипоты голосе. Как будто её убивают... Как будто мучают живьем и режут на части. Сквозь рваный писк, я также слышу вопль Леона. Пульс пропускает удары. В глазах рябит тьма. Я будто проваливаюсь в крошечную пропасть.

* * *

Ноги сами по себе несут моё тело обратно в столовую.
Леон! Нет! Что происходит?!

Служанка всё вопит и вопит, Леон тоже. Он бранится через слово, что-то кричит на итальянском. Когда я влетаю в зал, моё сердце практически останавливается. Я вижу Леона.

Слава богу с ним всё в порядке, но... его друг. Марио! Он лежит на полу, как бесхозный мешок и бьется в страшных конвульсиях.

Я несмело делаю шаг вперёд. Взгляд падает на белое, уже посиневшее лицо мужчины, у которого изо рта хлещет пена... с примесью крови. Леон в замешательстве, он пытается оказать ему первую помощь, между тем, хватается за телефон набирает чей-то номер, через секунду в столовую влетает целая рота охранников.

– Какого хера! Лина! Убрать её, живо!

Меня подхватывают под руки и выносят из комнаты как какую-то железную фигуру. Я смотрю на Леона, смотрю на несчастного Марио, а потом машинально цепляюсь взглядом за обеденный стол, пока один из верзил тащит меня к выходу.

За шиворот будто бы льют кипяток. Я вырываюсь из рук охранника, сама бегу к лестнице, поднимаюсь на нужный этаж, влетаю в свою комнату и забиваюсь в угол, между балконной дверью и трюмо. В голове много мыслей. Они жалят меня похлеще роя диких пчел. Я ведь не глупая, понимаю... Чёрт! Понимаю, что происходит!

Марио отравили. Я... это я должна был быть на его месте. Ведь тот завтрак, который он съел по ошибке... предназначался мне.

Я падаю спиной на стену, сползаю по ней вниз. Пытаюсь расслабиться, не думать о том хаосе, что мелькает перед мо-

ими мокрыми, от слёз глазами, потому что своим волнением могу навредить малышу. Надо успокоиться. Надо взять себя в руки. Всё обошлось. Судьба увела меня от беды. Господи! Ужас! Боже! Просто кошмар! Мне страшно, мне очень-очень страшно!

Я выдыхаю, судорожно, несколько раз. Провожу дрожащими пальцами по волосам, ещё раз делаю несколько глубоких, успокоительных выдохов. Там, на первых этажах дома, становится слишком тихо. Хотя бы всё обошлось... Внезапно, я слышу едва уловимую вибрацию, как будто телефон звонит. Смотрю на свою сумочку, вроде бы звук доносится оттуда. Избегая резких движений, я встаю с пола, подхожу ближе, распаиваю сумочку и понимаю, в чём дело – это звонит мой «шпионский» телефон.

Я ведь его выключила? Или нет? Наверно забыла. Проклятье! Я должна быть внимательной. На звонок я не успеваю ответить. По телу пробегает ненавистный озноб, нехорошее предчувствие растекается по венам теперь уже опаляющим жаром, а не знойным холодом, когда я замечаю на экране смартфона непрочитанное сообщение.

Была бы моя воля, я бы вышвырнула телефон в окно, но перед этим как следует бы по нему потопталась. Не имею права. Затаив дыхание, я тыкаю пальцем по иконке в виде «конверта». Хорошо, что я стою прямо напротив кровати. Ноги теряют опору, я падаю прямо на кровать, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать и не сдать себя. Всего несколь-

ко слов. Короткое предложение, а меня будто бы кусок разделочного мяса распилили на куски. Они знают моё слабое место. Твари. Тва-ри поганые! Катя... Родная моя... Ка-тя!

Я плотнее прижимаю ладони к губам, сворачиваюсь в клубочек и рыдаю, насильно удерживая в себе безумную истерику. Потому что перед глазами мелькает фотография моей сестры. В больнице. Дата сегодняшняя. Снимок сделан издали.

«Почему не выходишь на связь, сучка? Похоже, нам можно разделаться с твоим парнем. Или лучше мотивировать тебя по-другому? Твоя сестрёнка спит... Хочешь, она уснёт навсегда?»

Глава 17

Марио Росси...

Теперь его нет. Просто труп. Кусок мяса, который скоро положат в гроб и отправят в семейную усыпальницу семейства Росси. Я умываю руки ледяной водой. Красноватые струйки стекают вниз по белому, дорогому фаянсу. Я тру руки снова и снова. Вода уносит клочья мыльной пены. Но мне кажется, что руки до сих в крови. Мне не привыкать к крови на своих руках. Но впервые на моих руках умер близкий друг, а я ничего не смог поделать. Только держал его тело, бьющееся в конвульсиях, и смотрел, слушал, как он умирает. Агония была мучительной.

Раздаётся стук по двери ванной комнаты. Я перекрываю воду.

– Кто?

– Босс, – низким голосом отзывается охранник. – Мы перекрыли все выходы. Задержали и выстроили всю прислугу, как вы и велели.

– Хорошо. Я скоро буду.

Ещё раз умываю руки и лицо. Как будто это поможет прогнать видения. В них на моих руках корчится от муки Лина, выпуская кровавую пену. Марио по ошибке сел на её место и принялся уплетать омлет с зеленью, приготовленный для Лины. Я одёрнул его, но друг лишь махнул рукой, заявив,

что после вчерашней попойки готов съесть целого слона. Не меньше.

Целью была Лина? Лина?

Как?!

Кто узнал? Кому могла помешать Клубничка?

Самый простой ответ – Фелиция. Но эта стерва слишком жадная и осторожная, чтобы действовать так глупо и опрометчиво. В случае оплошности Моретти разделаются не только с ней, но и со всей её семьёй. Таковы законы. Нет-нет... Фели ещё чувствует себя виноватой из-за того, что скрывала бесплодие. Она пытается не показывать, но я чувствую, что она опасается развода. Синьор Алонзо рывкнул лишь про наследника. К тому же развод с Фели повлечёт за собой долгие тяжбы и препирательства с семейством Джинни. Нет, Фелиция не хочет развода. Она сделает всё, чтобы удержаться в браке, и не станет пытаться отравить Клубничку так явно и открыто.

Фелиция тряслась от страха и побледнела в момент, когда увидела Марио, бьющегося на полу. Она была напугана. По-настоящему напугана.

Поэтому законную супругу можно сбросить со счетов.

Кому ещё могла помешать Лина? Взгляд в зеркало. Или причина не в ней, но во мне. Кулак разбивает зеркальную гладь, кроша её на осколки.

Держался в стороне. Пользовал лишь как шлюху. Всюду показывал, что Лина для меня лишь дырка, средство для

снятия напряжения. Даже наедине... Обрывал все ростки чувств. Нежность и заботы быть не должны. Лишь трах. Со-вокупление. Нельзя быть открытым. Нельзя давать слаби-ну и показывать привязанности. Это может быть смертельно опасно.

Неужели я где-то просчитался? Даже Лина, моя одержи-мая русская болезнь, вздрагивает каждый раз, стоит мне лишь взглянуть на неё чуть холоднее. Кого она видит во мне? Монстра. Да, блять, тебе нужно видеть только это.

Но, похоже, что игра не стоила свеч.

Лина появлялась около меня слишком часто. И даже если я всем показывал, что она лишь шлюха, то кто-то начал счита-ть её особенной шлюхой.

Привязанности есть у всех. А у меня появилась не просто привязанность, но одержимость, дышать которой сладко и больно. Потому что нужно брать лишь малое и отрывать се-бя всякий раз, когда хочется задержаться подольше. Нежный овал лица, светлые волосы, нежный цветочный аромат её ко-жи и эта... чистота во взгляде. Надежда. Маленькая русская девочка в каждом видит светлое. Снова и снова отыскивает искры в чернильной темноте.

Это манит и заставляет желать удержать её около себя. Де-вять месяцев беременности? Пути её беременности и отве-дённого срока тянутся ко мне, словно хищные лианы, утяги-вая на дно. Наш ребёнок... Это ещё одна недопустимая сла-бость. Исполнение мечты, в которой не признаюсь даже са-

мому себе, и испытание на прочность.

С ней, Линой, стоит обращаться осторожнее. Ведь она хрупкая и впечатлительная. Где найти баланс? Как не раздавить её в кулаке и не сорваться в пропасть?

La sua innocenza e la sua purezza possono distruggervi...

Её невинность и чистота могут уничтожить тебя...

– Босс... – снова подаёт голос охранник. – Прибыли представители семейства Росси.

– Иду!

Страхиваю капли крови с разбитого кулака. Мне придётся держать ответ перед семьёй моего друга. Они спросят, как получилось, что их брат и сын был отравлен в стенах моего дома. Они потребуют выдать убийцу, чтобы разделаться с ним. А у меня в кулаке есть только желание поквитаться, но ни одного чёткого ответа.

* * *

– Кто готовил и подавал еду?

Охранники с готовностью демонстрирую данные видеозаписей и держатся, словно пришибленные собаки. Они чувствуют свою вину и опасаются, что их уволят. Так и будет. Нужно заменить. Всех. До единого. Вопрос только в том, смогу ли я доверять новой охране? Или просто припугнуть этих, зажравшихся и расслабившихся на своих постах.

– С едой всё было чисто, – Дино, начальник охраны, де-

монстрирует видеозапись с кухни. – Еду пробовали. Всю. Значит, отравили при подаче на стол.

Я сижу в кресле, наблюдая, как Дино прокручивает запись, восстанавливая поминутно события.

– Есть небольшая слепая зона... – хмурится Дино. – Вот здесь, в этом коридоре. Он не просматривается видеокameraми.

– То есть тот, кто подавал еду, запросто мог подсыпать что-то или ввести через шприц? – рывкаю я. – Кто это был?! Имя!

– Сейчас, синьор... Сейчас... – Дино торопливо перематывает до кухни, где прислуга берёт блюда со стола раздачи, чтобы отнести к столу. – Это он.

Я резко приближаюсь к монитору, разглядывая высокого, смуглого парня.

– Кто это? Я его не знаю! Приведи сюда. Живо!

Гвидо переминается с ноги на ногу.

– Блять, только не говори, что ты его упустил! – вскакиваю, отталкивая кресло. – Как?!

– Это новый человек, Марко Тоцци. Винсенто из штата слёг перед самым торжественным ужином. Нужно было заменить его кем-то другим. Его наняли... – Гвидо протягивает мне папку с личным делом официанта. – Обратились, как всегда, в агентство. У него было рекомендательное письмо.

– Вы его не проверили, как следует?

– Сроки поджимали, синьор. Вы сами отдали приказ, что-

бы всё было сделано по высшему разряду и точно в срок.

Я подсекаю Дино резким ударом кулака.

– Хочешь сказать, что я виноват? Ты не уследил. Ты не справляешься со своими обязанностями...

– Виноват, синьор. Мы проверили его поверхностно. Он подал блюда на стол и вышел через чёрный вход. Якобы покурить. Больше его никто не видел.

– Потому что он свалил!

– Документы были сделаны на фальшивое имя. В агентстве отнекиваются. Они были готовы предоставить нам нужного человека, но якобы кто-то позвонил и отменил заказ. Представились именем Моретти...

– То есть у нас нет ничего. Ни имени, ни единой зацепки? – запускаю пальцы в волосы. Думаю, что было бы неплохо вызвать криминалистов, чтобы те поискали отпечатки пальцев. Но официант всё время был в перчатках, как и все остальные. Прислуга накануне протёрла всё – ручки, двери, наведя идеальный порядок.

– Пошёл вон, кретин. Пока я не пристрелил тебя!

Дино убирается прочь.

Мне предстоит долгий, изматывающий разговор с главой семейства Росси. Авторитет Алонзо пригодился как нельзя кстати. Он заверил Росси, что наша семья не пощадит сил и средств для поимки ублюдка, убившего Марио Росси.

Разбирательства, длительные разговоры, заверения в дружбе и утряска деталей занимают не один час. Пролетает

целый день. Внутренне я досаую лишь на то, что слишком занят и не успеваю даже справиться о самочувствии Лины.

Нужно усилить охрану. Я подзываю Дино. Он бросается ко мне с рвением служебной собаки, готовой быть верной своему хозяину.

– Увеличь количество людей. В особенности, в том крыле, где находится спальня Алины. Чтобы глаза не спускали. Окна, двери... Всё под наблюдение. Отвечаешь головой. Ясно?

Гвидо решительно кивает и отправляется выполнять поручение. Я борюсь с желанием самому навестить сладкую девчонку, поработившую мои мысли. Со стороны раздаётся шорох. На плечи ложатся длинные пальцы, украшенные перстнями.

Я втягиваю носом аромат знойного парфюма. Фелиция. Жена утыкается лбом в моё плечо, выдыхая, и обвивает меня за торс.

– Я не в настроении, Фели. Свали на хрен.

– Разве я чего-то требую от дорогого супруга? – удивительно смиренно отзывается она. – Лишь хочу разделить с тобой тревогу. Враг прокрался в наш дом, Леон. Он знал многое... Это очень близкий человек и мне страшно, что следующей мишенью можем оказаться мы с тобой.

Фелиция всхлипывает. Возможно, ей тоже было страшно. Я накрываю её пальцы своими, похлопывая, но не чувствую почти ничего. В голове роятся тысячи вариантов того, кто мог желать мне зла. Их слишком много...

– У нас всё было тихо и спокойно, Леон. До появления этой... девушки в твоей жизни, – внезапно произносит Фелиция. – Наш дом и брак были как крепкий лайнер. А сейчас мы словно плывём на дырявой лодке. И ты так напряжён... – Фелиция гладит пальцами плечи. – Проблемы с бизнесом?

Супруга ударила точно в цель. Я застываю, не зная, сколько можно ей сообщить и нужно ли сообщать хоть что-то.

– Можешь не отвечать. Но думаю, я права, Леон. Проблемы в семье. Проблемы в бизнесе... Раскол. Это началось не так давно, милый. Это началось с появлением русской в твоей жизни.

Я резко разворачиваюсь и хватаю Фелицию за запястье.

– На что ты намекаешь, дрянь?! Лина – чужая. Она здесь совсем недавно и не смогла бы организовать покушение на Марио! Покушались на неё, блять...

– Или она умело сделала вид? – уточняет Фелиция. – Эта девочка может быть просто... пешкой. Красивым, отвлекающим манёвром. Пока ты пускаешь слюни на её задницу и мечтаешь поймать во все дырки, кто-то другой за твоей спиной проворачивает сделки.

– Заткнись! Не тебе говорить об искренности! Лживая дрянь.

Фелиция отступает, пятясь спиной вперёд. Её лицо удаляется и тонет в темноте коридора, освещённого лишь одним настенным бра.

– Подумай... – шелестит её голос издалека.

Я стискиваю зубы и сжимаю пальцы в кулаки. Голос жены звучит, как шипение змея-искусителя. Фелиция просто хочет избавиться от русской, убеждаю я себя. Моей жене было бы выгодно избавиться от Лины. Но в чём-то она права...

Я начинаю подозревать девчонку.

Не могу игнорировать интуицию, нашёптывающую, что в этом есть крупицы правды. Начинаю сопоставлять даты, когда всё пошло наперекосяк. Примерно в то же время в моей жизни появилась Лина. Я расслабился, потерял контроль. Нужно выяснить правду. Немедленно...

Пальцы сами находят ствол пистолета. Проверяю автоматически, заряжен ли он.

Я поднимаюсь к спальне Лины. В коридоре спуют охранники. По обе стороны двери выставлены два самых внушительных амбала.

– Свободны. Дальше я сам, – рычу от нетерпения.

Толкаю дверь. Она распаивается слишком резко и бьёт об стену. В комнате темно. Луч света падает из коридора. Моя фигура отбрасывает длинную тень на кровать. Лина просыпается и вздрагивает. Прикрывается ладонью от света, шурясь. В каждом жесте чувствуется незащищённость.

– Л-л-л-е-о-о-о-о-н?

Я захлопываю дверь с жутким грохотом. Делаю пару шагов вперёд и застываю в метре от кровати. Пистолет до сих пор зажат в правой руке. Левое запястье обхватывает правое. Автоматически считываю зашкаливающий пульс. Напряже-

ние такое, что я едва не глухну от грохота пульса в висках.

– Лина. Ты что-то скрываешь от меня?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ